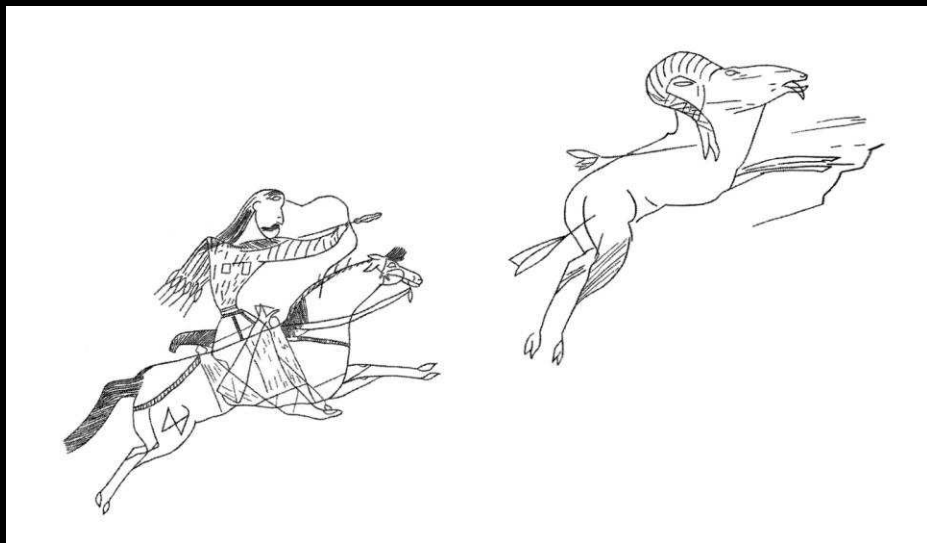

*Соенов В.И.
Константинов Н.А.*

ОХОТНИЧЬЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В I ТЫС. Н.Э.

Горно-Алтайск
2014

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Горно-Алтайский государственный университет

Научно-исследовательский центр
истории и культуры тюркских народов

Соенов В.И.
Константинов Н.А.

**ОХОТНИЧЬЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ
В I ТЫС. Н.Э.**

Горно-Алтайск
2014

УДК 902-904
ББК 63.4(2)
С 58

ISBN 978-5-91425-107-6

Соенов В.И., Константинов Н.А.
Охотничья деятельность населения Алтая в I тыс. н.э.
Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. 310 с.

Рецензенты:

доктор исторических наук **Л.А. Бобров**
доктор исторических наук **А.П. Бородовский**
кандидат исторических наук **Н.Н. Серегин**

Монография посвящена изучению охотничьей деятельности населения Алтая в I тыс. н.э. по археологическим и изобразительным источникам. В ней охарактеризованы формы, приемы и техника охоты, а также произведена оценка роли охотничьей деятельности в системе жизнеобеспечения населения гунно-сарматского и тюркского времени.

Издание рассчитано на археологов, историков, этнографов, охотоведов и всех интересующихся историей Алтая.

Работа подготовлена в рамках научно-исследовательских проектов госзадания Минобрнауки РФ «Системы природопользования и производственные технологии древних и традиционных обществ Горного Алтая» (код 536) и РГНФ – Минобрнауки Республики Алтай «Культурно-исторические процессы на Алтае в конце I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э.», № 14-11-04002а(р)

ISBN 978-5-91425-107-6

© Соенов В.И., Константинов Н.А., 2014
© Горно-Алтайский государственный университет, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Изучение особенностей экономического развития древних и средневековых обществ является важной задачей исторической науки. Анализ вопросов хозяйственного развития позволяет исследователям понять особенности экономики древних обществ, а также адаптационные механизмы, используемые населением различных природно-климатических регионов. Реконструкция хозяйства важна для определения особенностей системы жизнеобеспечения древнего и средневекового населения, что, в свою очередь, позволит охарактеризовать хозяйственно-культурный тип развития этих обществ. Однако специальных работ, посвященных древнему и средневековому хозяйству, или как еще принято называть это направление, палеоэкономике населения Алтая на сегодняшний день издано немного. Более того, имеющиеся работы охватывают не все исторические периоды и не все направления хозяйственной деятельности, либо в большей степени являются обзорами источников.

Отсутствие достаточного количества работ, посвященных хозяйству, на наш взгляд, связано с особенностями развития горно-алтайской археологии, которая изначально сложилась как «курганная». Поселения Алтая изучались не так интенсивно, как погребальные памятники. В то же время, отсутствие письменных источников по истории обитателей алтайских горных долин для большинства периодов выводит на первый план археологические источники, являющиеся основными при изучении хозяйственной деятельности населения исследуемого периода. Однако наибо-

лее изученные в регионе погребальные памятники, не отражают «всего многообразия материальной культуры», на что указывали исследователи, рассматривавшие раннесредневековые хозяйственные занятия (Кубарев Г.В., 1997, с. 154), и не могут в полной мере отражать особенности развития хозяйства древнего и средневекового населения. Сложившаяся ситуация неблагоприятным образом повлияла на степень изученности палеоэкономики региона.

Тем не менее, вопросы хозяйственных занятий и, в частности, охоты древнего и средневекового населения Алтая, так или иначе, затрагивались исследователями, начиная со второй половины XIX века. Первоначально это были работы описательного плана, без глубокого и комплексного анализа полученных материалов. В последние десятилетия с привлечением методов естественных наук и при комплексном изучении данного вопроса накоплено довольно значительное количество работ, посвященных отдельным историческим эпохам. Необходимо отметить, что отдельные вопросы охоты древнего и средневекового населения Алтая рассмотрены в работах В.В. Радлова, С.В. Киселева, С.И. Руденко, М.П. Грязнова, Л.П. Потапова, Н.Д. Оводова, А.В. Гальченко, П.И. Шульги, В.И. Молодина, С.М. Киреева, Я.Ю. Полосиной, Н.Ю. Кунгуровой, В.Д. Кубарева, Ю.С. Худякова, В.И. Соенова, А.П. Деревянко, М.В. Шунькова, А.К. Агаджаняна, А.Н. Садового, С.С. Онищенко, Ю.Ф. Кирюшина, К.Ю. Кирюшина, А.Ю. Борисенко, К.Ы. Белинской, Н.А. Константинова и др.

На сегодняшний день имеются специальные работы по отдельным направлениям хозяйственной деятельности населения Алтая в древности и средневековье. Часть исследований была посвящена обзору источников по тому или иному хозяйственному занятию и анализу этого направле-

ния (Тишкин А.А., 1996; Кунгурова Н.Ю., 1997; Бородавский А.П., 1997; 2007б; Соенов В.И., 2001; 2002; 2003б; Борисенко А.Ю., Белинская К.Ы., Худяков Ю.С., 2008; и др.), в других публикациях проанализированы конкретные виды источников (Кубарев В.Д., 2001а; 2001б; 2007). В то же время, накопленные на сегодняшний день знания и источники по отдельным видам хозяйственной деятельности позволяют провести довольно подробное комплексное исследование этих направлений в конкретные исторические периоды. Охота населения Алтая гунно-сарматского времени рассматривалась нами при анализе материалов городищ Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 (Соенов В.И. и др., 2011, с. 47-49). Охотничий промысел второй половины I тыс. н.э. рассматривался в обобщающих трудах С.В. Киселева (1951, с. 511-512), Л.П. Потапова (1953, с. 88; 2001). Анализ изобразительных источников по охоте этого периода был проведен В.Д. Кубаревым (2001б), А.Н. Садовым и С.С. Онищенко (2003, с. 212-215). Развитие охоты населения Алтая тюркского времени было охарактеризовано А.С. Суразаковым (2002б, с. 198).

Необходимо отметить большую перспективность изучения охотничьей деятельности конца I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Представительный корпус источников свидетельствует о значительном развитии охоты в тот период. Кроме того, многие исследователи отмечают, что занятия этим видом деятельности являлись неотъемлемой частью жизни ранне-средневековых тюрков и населения предшествовавшего периода. Охота тюрками рассматривалась как одно из главных мужских занятий, наряду с участием в военных действиях. Благодаря постоянному участию в охоте народы Центральной Азии поддерживали свои военные способности, что в определенной мере способствовало их боевым успехам в

регионе и часто их войска превосходили армии соседних китайских и других государств. Кроме того, судя по имеющимся источникам, охота была одним из основных занятий знати того периода. Существовали ее престижные виды, которыми занимался высший слой общества. Охотничья деятельность как часть системы жизнеобеспечения играла важную хозяйственную роль с глубокой древности. С переходом от присваивающих форм хозяйства к производящим значение охоты существенно снизилось, но, тем не менее, охота оставалась довольно значимым направлением хозяйственной деятельности.

Вышеизложенное свидетельствует о большой роли охотничьей деятельности в жизни обитателей Алтая. Значение охоты в I тыс. н.э. не ограничивалось только хозяйственной стороной, также охотничья деятельность выполняла определенные функции в мировоззрении, военном деле, социальной сфере, что делает исследование этого вида деятельности особенно актуальным.

Поскольку значение охотничьей деятельности было важным и для военной организации общества, мы не стали использовать термины «охотничий промысел», «охотничье хозяйство» и т.п., а употребляем словосочетание «охотничья деятельность». На наш взгляд, этот термин в большей степени отражает многостороннее значение охоты для жизни древних и средневековых обществ.

Хронологические рамки настоящей работы определяются временем проживания на территории Горного Алтая населения, которое оставило археологические памятники, относимые сегодня исследователями к булан-кобинской и майминской археологическим культурам гунно-сарматского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.) и раннесредневековой тюркской культуре (VI – XI-XII вв. н.э.).

Основными источниками стали предметы, так или иначе связанные с охотой. Они происходят из погребальных, поминальных и поселенческих памятников того периода. Также широко нами используются изобразительные материалы. В качестве косвенных источников при проведении исследований привлекались письменные, этнографические, топонимические данные и др.

Предлагаемая монография – это один из результатов исследований, реализуемых в последние годы археологами Горно-Алтайского государственного университета в рамках научных проектов госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации «Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Горного Алтая» и «Системы природопользования и производственные технологии древних и традиционных обществ Горного Алтая». Центральным направлением исследований по этим проектам стала разработка проблем хозяйственного развития древнего и средневекового населения Алтая. Полученные в ходе работ научные данные использовались при подготовке и защите двух кандидатских диссертаций по археологии, а также при публикации статей и монографий, подготовке докладов на конференции, и т.д.

Издаваемая книга является продолжением серии работ, посвященных направлениям хозяйственной деятельности населения Алтая, опубликованных В.И. Соеновым ранее (2001; 2002; 2003б; 2005в; и др.). Однако в данном случае мы несколько отошли от схемы прежних работ, которые в большей степени являлись обзорами источников по тому или иному направлению хозяйственной деятельности в хронологическом срезе от палеолита и до этнографической современности. В этом исследовании мы рассмотрели особенности развития охоты в регионе в конкретный хронологиче-

ский промежуток, а именно в гунно-сарматское и тюркское время. Это позволило более детально охарактеризовать охотничью деятельность населения Алтая в этот период, а полученный опыт можно будет применить при изучении охоты других периодов.

Надеемся, что публикуемая работа внесет определенный вклад в изучение системы жизнеобеспечения древнего и средневекового населения Алтая.

*****

Глава I

ИЗУЧЕНИЕ ОХОТНИЧЬЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ

1.1. Обзор истории изучения памятников конца I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

История изучения археологических памятников Алтая гунно-сарматского и тюркского времени рассматривалась в специально посвященных этому работам (Гаврилова А.А., 1965, с. 5-6; Соенов В.И., 2002; 2003а; Кубарев Г.В., 2005а, с. 6-10; Серегин Н.Н., 2012; и др.), поэтому нет необходимости подробно останавливаться на ней. В данной главе представим лишь обзор истории изучения памятников этих периодов с отражением современного состояния исследований.

Первые сведения об археологических объектах, относящихся к исследуемому периоду, а именно ко второй половине I тыс. н.э., имеются в документах, написанных русскими рудознателями начиная с середины XVIII века (Кубарев В.Д., 1984, с. 4). Однако эта информация еще не была связана с научным интересом. Важным шагом в достижении понимания исторического значения археологических памятников Алтая стали работы Г.И. Спасского. Этот исследователь первым скопировал тюркскую руническую надпись на Алтае (Кочеев В.А., 2006, с. 3). Кроме того, исследователем изучались алтайские каменные изваяния, относящиеся к тюркскому времени (Кубарев В.Д., 1984, с. 11).

Первые научные раскопки археологических памятников на Алтае произведены К.Ф. Ледебуром в 1826 году (Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А., 1993, с. 97-99). Под его руководством было раскопано несколько погребений в долине реки Чарыш, часть из которых относятся, судя по всему, к раннему средневековью (Уманский А.П., 1964; Кубарев Г.В., 2005а, с. 6). Видимо, в тот же период им были осмотрены тюркские изваяния (Кубарев В.Д., 1984, с. 4).

Позднее, уже во второй половине XIX века, археологические раскопки алтайских курганов осуществлены В.В. Радловым. Им были раскопаны, в числе прочих, погребальные и поминальные памятники I тыс. н.э. в долине р. Урсул, в долине р. Катунь (в верхнем течении) и на реке Табажек в Юго-Восточном Алтае (Радлов В.В., 1989, с. 443, 445-446, 448-449; Захаров А.А., 1926, с. 73-81, 100-102, 104-105). Стоит заметить, что В.В. Радлов во многом опередил свое время: обладая незначительной источниковой базой по материальной культуре древнего алтайского населения, он смог разделить имеющиеся у него материалы по хронологическим группам. Таким образом, именно В.В. Радловым была разработана первая периодизационная схема развития материальной культуры древнего и средневекового населения Алтая и сопредельных территорий (Демин М.А., 1989, с. 83-85). Не менее важным результатом исследовательской деятельности В.В. Радлова стали его работы по переводу орхонских рунических надписей (Кляшторный С.Г., 1964, с. 6-7). Более того, в одном из тюркских погребений Алтая ему удалось обнаружить серебряный сосуд, на дне которого была зафиксирована руническая надпись (Кочеев В.А., 2006, с. 24).

В последней четверти XIX века на Алтае работал Н.М. Ядринцев. Он описал ряд археологических памятников, в

том числе, раннесредневековые изваяния (Кубарев В.Д., 1984, с. 6; Демин М.А., 1989, с. 85-86). Выдающийся сибирский ученый и общественный деятель Г.Н. Потанин также интересовался алтайскими древностями. Например, им отмечены каменные изваяния, относящиеся к раннесредневековому периоду (Демин М.А., 1989, с. 88).

В начале XX века произведена первая попытка прочтения рунической надписи, происходящей с территории Горного Алтая. П.М. Мелиоранский пробовал прочитать руническую «надпись на чаше» (серебряном сосуде), найденной В.В. Радловым при раскопках могильника Катанда (Васильев Д.Д., 2009, с. 49).

Заслуживают внимания работы алтайского художника Г.И. Чорос-Гуркина по копированию петроглифов, проведенные в первой трети XX века. Судя по архивным материалам, хранящимся в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина, он относился с большим интересом к наскальному искусству. В последнее десятилетие опубликованы прорисовки Г.И. Чорос-Гуркина гравированных наскальных рисунков, часть из которых относится к раннему средневековью (Еркинова Р.М., Кубарев Г.В., 2004; Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М., 2006, с. 9-14).

В 1924-1925 годах под руководством С.И. Руденко и А.Н. Глухова произведены раскопки могильника Кудыргэ, расположенного в Чолушманской долине (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927). Материалы могильника послужили основой для характеристики материальной культуры и создания первой схемы исторического развития средневекового населения Алтая (Гаврилова А.А., 1965). Параллельно экспедицией Этнографического отдела Русского музея производились работы в других пунктах Южного и Юго-Восточного Алтая (Гаврилова А.А., 1965, с. 6).

В 1934, 1935 и 1937 гг. на Алтае проведены исследования экспедицией Государственного исторического музея и Академии истории материальной культуры под руководством Л.А. Евтюховой и С.В. Киселева, а также экспедициями сотрудников Бийского краеведческого музея С.М. Сергеева и А.П. Маркова. Были раскопаны раннесредневековые курганы и оградки в долине реки Урсул и ее притоков, а также в Курайской котловине (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941; Киселев С.В., 1951, с. 530-531; Гаврилова А.А., 1965, с. 6). Кроме прочего, в курганах обнаружены вещи с руническими надписями, которые были прочитаны С.В. Киселевым.

В 1939 году экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством М.П. Грязнова провела раскопки памятников в Канской котловине рядом с селом Яконур, где были получены разновременные материалы, в том числе относящиеся к раннему средневековью (Грязнов М.П., 1940; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003).

Полевые исследования могильника Кудыргэ были продолжены А.А. Гавриловой в 1948 году. Она вскрыла несколько могил и оградок (Гаврилова А.А., 1965, с. 12). В 1954 году А.А. Гаврилова продолжила раскопки могильника Катанда-II, начатые В.В. Радловым, и получила материалы, относящиеся к исследуемому нами периоду (Гаврилова А.А., 1957). Основываясь на архивных и музейных источниках, а также на результатах своих раскопок А.А. Гаврилова провела первое обобщение всех данных I – первой половины II тыс. н.э. Ей удалось разделить все известные материалы по хронологическим группам, а также охарактеризовать вещественный комплекс средневекового населения Алтая (Гаврилова А.А., 1965). С тех пор ни одно исследование, посвященное памятникам предтюркского, тюркского и монгольского времени Алтая не обходится без ссылки на ее работу.

В середине XX века кинооператором А.И. Минорским зафиксированы наскальные рисунки в долине реки Каракол в Онгудайском районе тогда еще Горно-Алтайской автономной области. Часть рисунков была датирована второй половиной I тыс. н.э. (Минорский А.И., 1951; Евтюхова Л.А., 1951, с. 189).

В 1952 году Л.А. Евтюховой издан первый свод раннесредневековых тюркских изваяний Южной Сибири и Монголии, куда вошли сведения о 19 объектах, происходящих с территории Горного Алтая (Евтюхова Л.А., 1952, с. 72-77). В работе были рассмотрены отдельные детали изображений на изваяниях (головные уборы, прически, украшения, оружие и др.).

Во второй половине XX века заметно активизируются работы по изучению средневековых рунических надписей. Исследователи довольно активно ведут работы по их прочтению (Э.Р. Тенишев, А.Н. Боровков, Н.А. Баскаков, В.М. Надеяев), а также фиксируются неизвестные памятники рунической письменности в ходе полевых археологических работ (Б.Х. Кадиков, А.П. Окладников, В.Д. Кубарев, А.С. Васютин и др.) (Васильев Д.Д., 2009, с. 49-50).

В середине – второй половине 60-х гг. XX века на Алтае работала экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством С.С. Сорокина. Им было раскопано несколько погребений гунно-сарматского времени, зафиксированы раннесредневековые изваяния и впускные погребения в Юго-Восточном Алтае (Сорокин С.С., 1968; 1977).

В конце 1960-х гг. в Юго-Восточном Алтае свои первые, еще любительские, раскопки проводит В.Д. Кубарев, который с 1973 года работает уже в качестве руководителя Восточно-Алтайского отряда комплексной Северо-Азиатской археологической экспедиции ИИФФ (позднее ИАЭТ) СО РАН (Куба-

рев Г.В., 2012а, с. 116-117). В ходе многолетних исследований на Алтае под его руководством получен большой массив материалов по гунно-сарматскому и тюркскому времени. Многие из исследованных В.Д. Кубаревым памятников были уникальны. Таковыми являлись, например, зафиксированные и раскопанные исследователем печи по обжигу керамики, относящиеся к гуннскому времени (Кубарев В.Д., Журавлева А.Д., 1986). Особое место в исследованиях Владимира Дмитриевича занимали скульптурные памятники периода раннего средневековья – тюркские изваяния и, составлявшие с ними один комплекс, поминальные оградки и балбалы (Кубарев В.Д., 1984). Под его руководством исследовано значительное количество погребальных памятников раннесредневековых тюрков (Кубарев Г.В., 2005а), а также был исследован детский могильник гунно-сарматского времени на Средней Катунь (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990). Особый интерес исследователя вызывали памятники наскального искусства. В том числе им изучались раннесредневековые петроглифы Алтая (Кубарев В.Д., 2001б; и мн. др.). В ходе многолетних исследований В.Д. Кубаревым было изучено большое количество самых разнообразных памятников, относящихся ко всем историческим периодам от каменного века до этнографической современности.

В 1972 году в Юго-Восточном Алтае палеоэтнографическим отрядом ЛГУ под руководством Д.Г. Савинова проведены раскопки погребальных памятников раннего средневековья (Савинов Д.Г., 1982). Были исследованы шесть погребений на могильниках Узунтал-I, Узунтал-V, Узунтал-VI, Узунтал-VIII. На основе полученных материалов, автор предложил выделить курайскую археологическую культуру VII-X вв., к которой были отнесены памятники Юго-Восточного Алтая, Юго-Западной Тувы и Северо-Западной

Монголии. Также Д.Г. Савиновым в 1971-1972 гг. изучена серия раннесредневековых изваяний, зафиксированных в долинах Узунтала и Юстыда (Савинов Д.Г., 1983).

С середины – второй половины 70-х гг. XX века археологические работы, связанные с изучением памятников гунно-сарматского и тюркского периодов на Алтае, активизируются. В регионе начинают исследовательские работы археологическая экспедиция Института археологии АН СССР под руководством В.А. Могильникова. В результате ее работ в разных частях Алтая были получены важные материалы по археологии I тыс. н.э., опубликованные в серии статей. Значительная часть памятников, исследованных под руководством В.А. Могильникова, относится к раннему средневековью. В том числе, им были раскопаны кольцевые ритуальные оградки, относящиеся к раннетюркскому времени (Могильников В.А., 1994), поминальные тюркские квадратные оградки, а также ряд раннесредневековых погребений (Могильников В.А., 1983; 1990; 1997; Могильников В.А., Елин В.Н., 1983; Елин В.Н., Могильников В.А., 1993; Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994). Кроме того, В.А. Могильниковым совместно с экспедицией Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ГАНИИИЯЛ) изучались памятники первой половины I тыс. н.э. (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1995; 1997). В ходе работ им были также изучены аварийные остатки железоплавильного производства на правом берегу реки Чуи, отнесенные ко второй половине I – началу II тыс. н.э. (Могильников В.А., 1993). В экспедиционных работах В.А. Могильникова принимали участие сотрудники и студенты ГАГПИ.

Во второй половине 70-х гг. XX в. начинают научные работы археологическая экспедиция ГАНИИИЯЛ (впоследствии – Горно-Алтайский институт гуманитарных ис-

следований, который позже был переименован в Институт алтаистики им. С.С. Суразакова). Экспедицией проводятся раскопочные работы на ряде археологических памятников, в том числе гунно-сарматского и тюркского времени. Значительный по количеству материал был получен при изучении разновременного могильника Айрыдаш-1 на Средней Катуни, основная часть объектов которого относится к гунно-сарматскому времени. Также исследованы и ранне-средневековые объекты. Этот могильник раскапывался в 80-е гг. XX века в течение девяти полевых сезонов (Суразаков А.С., 1983; Соенов В.И., 2003а, с. 13; Суразаков А.С., Соенов В.И., 2010, с. 37; и др.). К сожалению, материалы могильника пока полностью не опубликованы. Кроме всего прочего, экспедицией ГАНИИИЯЛ исследовано существенное количество археологических объектов рассматриваемого нами периода в других частях Алтая (Суразаков А.С., 1982; 1990; Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994; Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008; и др.).

Памятники металлургического производства, отнесенные впоследствии к раннему средневековью, изучались Н.М. Зиняковым. Им были произведены разведочные работы «практически на всей территории Горного Алтая». Обнаруженные объекты изучались в процессе раскопок (Зиняков Н.М., 1988, с. 17). Исследователю удалось получить материал, касающийся конструкции сыродутных печей, особенностей получения железа, источников сырья, и т.д.

В 80-е – 90 гг. XX в. активные работы на североалтайских памятниках гунно-сарматского и тюркского времени Майма-1, Черемшанское городище, Горно-Алтайск и др. осуществляла экспедиция ГАГУ под руководством С.М. Киреев (1986; 1991; 1995; и др.). Были получены важные материалы из исследовавшихся поселений и погребений.

В начале 1980-х гг. на территории Горного Алтая начинают археологические работы экспедиция Алтайского государственного университета. Барнаульскими археологами в те годы исследован ряд памятников I тыс. н.э. в Центральном, Южном и Западном Алтае (Глоба Г.Д., 1983; Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985; Мамадаков Ю.Т., 1985; 1987; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997; Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Шелепова Е.В., 2011).

Также в начале 1980-х гг. в Восточном Алтае проводятся работы археологической экспедиции Кемеровского государственного университета при участии студентов и сотрудников ГАГПИ (Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., Миклашевич Е.А., 1985; Илюшин А.М., 2000; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 175-208; и др.). Было раскопано несколько десятков погребений гунно-сарматского времени. Кроме того, экспедицией КемГУ исследовались археологические объекты, относящиеся к эпохе раннего средневековья в Центральном Алтае (Васютин С.А., Елин В.Н., 1983; Илюшин А.М., 2000). Также были произведены раскопки погребальных памятников рядом с селом Акташ. Некоторые исследованные там погребения датированы ранним средневековьем (Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985, с. 172).

Во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XX века были произведены масштабные раскопочные работы в предполагаемой зоне затопления планировавшейся Катунской ГЭС. В ходе охранных археологических работ научными коллективами Горно-Алтайска, Барнаула и Новосибирска получена целая серия материалов из могильников и поселений I тыс. н.э. (Кубарев В.Д., 1990; Археологические исследования на Катунь..., 1990; Кирюшин Ю.Ф. и др. 1992; Археология Горного Алтая, 1994; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005; Худяков Ю.С., 2009, с. 17; и др.).

В ходе работ на левом берегу реки Катунь исследовалось поселение Тыткескень-3, верхний культурный слой которого относится к I тыс. н.э. (Кунгуров А.Л., 1994). Рядом с этим поселением раскопан могильник гунно-сарматского времени Тыткескень-VI (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т., 1992). Немного выше этих памятников по Катунь исследовался могильник Дялян (Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1992), который содержал несколько погребений гунно-сарматского времени. На правом берегу Катунь был раскопан детский могильник Бике-I, относящийся к первой половине I тыс. н.э. (Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Киреев С.М., 1990). Погребения этого периода также исследованы на памятниках Бийкенского археологического микрорайона (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005б, с. 129), расположенного на том же берегу Катунь чуть выше могильника Бике-I.

Раннесредневековые погребальные и поминальные памятники были исследованы на памятниках Дялян (Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1992) и Бике-III (Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Киреев С.М., 1990; Кубарев Г.В., 1994). Несколько погребений второй половины I тыс. н.э. раскопаны на памятниках Бийкенского археологического микрорайона (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005б, с. 137).

Особо стоит отметить работы Южносибирского отряда археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН под руководством Ю.С. Худякова. Работы отряда начались в 80-х гг. XX века в рамках охранных работ в зоне затопления планируемой Катунской ГЭС и продолжены в последующие годы (Худяков Ю.С., 2009, с. 17). В ходе работ получены ценные научные данные, в том числе, по памятникам конца I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Результаты полевых исследований опубликованы в серии статей (Худяков Ю.С., 1990; 1997а; 1997б;

1998а; 1998б; 2002а; 2002б; 2003; 2005а; 2005б; 2007; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990; Худяков Ю.С., Мороз М.В., 1990; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., 1998; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001; и др.). Полученные в ходе многолетних работ и очень важные для изучения исторических процессов на Алтае материалы, к сожалению, опубликованы пока частично.

Многие годы на Алтае работает А.П. Бородовский. Экспедиция под его руководством проводила охранные работы в зоне предполагаемого затопления планировавшейся Катунской ГЭС. Позже археологические исследования А.П. Бородовским продолжены на Нижней Катуни. В процессе работ им изучены погребальные и поминальные памятники, относящиеся к I тыс. н.э. (Бородовский А.П., 1994; Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., 2013): поселение Чултуков Лог-9, а также Манжерокское и Барангольское городища, датированные гунно-сарматским временем (Бородовский А.П., 2002, с. 45-46; 2007а, с. 185-187; Бородовский А.П. и др., 2013; Соенов В.И., Константинов Н.А., 2011; Соенов В.И., Константинов Н.А., Соенов Д.В., 2013).

В начале 90-х гг. XX века сделан большой шаг в изучении поселений первой половины I тыс. н.э. М.Т. Абдулганеевым исследовалось поселение Майма-1, основные материалы которого отнесены к гунно-сарматскому времени и послужили основанием для выделения майминской культуры (Абдулганеев М.Т., 1992; 1998). Позже к этому времени археологами были отнесены: поселение Усть-Куба; городища Черемшанское, Манжерокское, Барангольское; комплекс городищ у с. Чепош и ряд других поселений, расположенных в Северном Алтае и предгорьях (Скопинцева Г.В., 1993; Кунгуров А.Л., Горбунов В.В., 1993; Киреев С.М., 1994; Киреев С.М., Ларин О.В., 2004; Соенов В.И. и

др., 2011; Соенов В.И., Константинов Н.А., Соенов Д.В., 2013; Соенов В.И. и др., 2013; и др.).

В первой половине 90-х гг. XX века на плато Укок в Юго-Восточном Алтае работала международная экспедиция ИАЭТ СО РАН по проекту «Пазырык». Помимо прочего, в ходе работ были исследованы ритуальные сооружения (Савинов Д.Г., 1994а) и погребальные памятники, относящиеся к первой половине I тыс. н.э. (Молодин В.И. и др., 2004, с. 216-221). Также были изучены поминальная оградка, впускное погребение и курган тюркского времени (Савинов Д.Г., 1994б).

С конца 80-начала 90-х гг. XX века на Алтае начинает работать археологическая экспедиция ГАГПИ (ныне ГАГУ) под руководством В.И. Соенова. В ходе многолетних полевых работ исследован ряд памятников гунно-сарматского и тюркского времени, в том числе поминальные и погребальные памятники, городища в различных частях региона (Соенов В.И., Эбель А.В., 1992; 1996а; 1996б; 1997; 1998; Соенов В.И., 1999; 2000; 2005а; 2010; Соенов В.И. и др., 2009; 2011; 2013; и др.).

Большое значение для изучения раннесредневековых тюркских рунических надписей имели работы И.Л. Кызласова, проводившиеся на Алтае с 90-х гг. XX века. Исследователем были предложены новые варианты прочтения многих из них. Также И.Л. Кызласов обнаружил значительное количество новых надписей на известных памятниках. Кроме того, его работы повлияли на возобновление поиска данного вида памятников другими исследователями: «приезд на Алтай в 1994 году И.Л. Кызласова дал своеобразный толчок, для возобновления поисковых работ» (Кочеев В.А., 2006, с. 3).

В середине – второй половине 90-х гг. XX века ряд тюркских рунических надписей был зафиксирован Е.Е.

Ямаевой и В.А. Кочеевым. Многие объекты ими открыты благодаря помощи местных жителей. Информация о результатах поиска и исследований раннесредневековых палеографических памятников нашла отражение в «Своде древнетюркских рунических памятников Горного Алтая», подготовленном В.А. Кочеевым (2006).

В последние годы изучение алтайских рунических надписей проводилось коллективом исследователей – Л.Н. Тыбыковой, И.А. Невской, М. Эрдалом, при участии археологов В.Д. Кубарева и В.А. Кочеева. В результате их работ были зафиксированы неизвестные ранее надписи, а также изданы печатный и электронный каталоги всех выявленных тюркских рунических надписей Алтая (Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М., 2012; Памятники рунического письма Горного Алтая, [электронный ресурс]). Рунические надписи Юго-Восточного Алтая изучались Г.В. Кубаревым. По его копиям С.Г. Кляшторным были выполнены переводы надписей, открытых в Чуйской котловине (Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2002).

В последние полтора десятилетия в исследовании петроглифов конца I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. произошел определенный сдвиг. Было обосновано выделение изображений гунно-сарматского времени из общего пласта алтайских наскальных рисунков (Соенов В.И., 2003а, в). В разных частях Алтая обнаружены новые рисунки, выполненные в технике граффити, относящиеся ко второй половине I тыс. н.э. (Горбунов В.В., 1998; Черемисин Д.В., 2001; 2004; Кубарев В.Д., 2001в, рис. 3; Миклашевич Е.А., 2003; 2006; Ямаева Е.Е., 2010; и др.).

В 2000-х гг. исследования археологических памятников гунно-сарматского и тюркского времени были продолжены. Экспедицией АлтГУ под руководством А.А. Тишки-

на и В.В. Горбунова изучался могильник Яломан-II. На памятнике исследованы погребения раннего и позднего этапов булан-кобинской культуры (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003; 2005а; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2006; Тишкин А.А., 2005; и др.). Экспедицией ГАГУ под руководством В.И. Соенова в 2003-2004 гг. были продолжены исследования могильника Верх-Уймон (Соенов В.И., 2005б). Осуществлялись исследования и в Юго-Восточном Алтае: археологическими отрядами ИАЭТ СО РАН под руководством Г.В. Кубарева, В.Д. Кубарева и И.Ю. Слюсаренко в разные годы были раскопаны ритуальные сооружения тюркского и предтюркского времени (Кубарев Г.В., 2005б; Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д., 2006; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2008; Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д., 2009; и др.).

В 2005-2007 гг. на могильнике Курайка были проведены раскопки нескольких объектов Дендрохронологическим отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством И.Ю. Слюсаренко, Е.С. Богданова, при участии В.И. Соенова. Первоначально проведены повторные раскопки изученных и рекультивированных в 1994 г. объектов (Соенов В.И., Эбель А.В., 1998) с целью отбора проб для дендрохронологического анализа, после были проведены охранные раскопки неизученных аварийных объектов (Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соенов В.И., 2007).

В 2007-2008 годах были возобновлены охранные раскопки в зоне предполагаемого затопления малой Катунской ГЭС. Работы проводились экспедициями АлтГУ и ГАГУ. Были получены материалы, относящиеся к раннему средневековью, в результате раскопок ритуальных сооружений, поминальных оградок и погребений на памятниках Чобурак и Бике-I, III и IV (Семибратов В.П., Матренин

С.С., 2008; Соенов В.И. и др., 2009), также были сделаны находки периода раннего средневековья при раскопках поселения Тыткескень-VI (Матренин С.С., 2007).

В 2010 году экспедициями АлтГУ и ГАГУ проведены раскопки могильников Степушка-1 и Степушка-2 в долине реки Урсул (Кирюшин Ю.Ф. и др., 2010; Соенов В.И., Трифанова С.В., 2010; Соенов В.И., 2010; 2011). На памятниках было раскопано более пятидесяти погребений, относящихся к первой половине I тыс. н.э.

В 2009-2013 гг. экспедицией ГАГУ осуществлены исследования городищ гунно-сарматского времени, расположенных в Северном Алтае. Были произведены раскопки фортификационных сооружений на городищах Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 (Соенов В.И. и др., 2011). В результате работ получены материалы, позволившие отнести памятники к майминской культуре гунно-сарматского времени. На всех остальных североалтайских городищах были проведены разведочные работы (Соенов В.И., Константинов Н.А., 2011; Соенов В.И., Константинов Н.А., Соенов Д.В., 2013; Соенов В.И. и др., 2013).

В последние годы продолжают публиковаться новые находки рассматриваемого периода. Так, например, опубликована целая серия средневековых изваяний, среди которых имеются уникальные (Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2009; Эбель А.В. и др., 2010; Худяков Ю.С., Белинская К.И., 2012; Кубарев Г.В., 2012б, с. 341-342, 344).

В заключение обзора необходимо отметить, что на сегодняшний день получен значительный материал из археологических памятников Алтая I тыс. н.э. Кроме того, накопление источников не прекращается и в настоящее время: практически каждый год публикуются новые находки и результаты их исследования. Тем не менее, остается еще мно-

го нерешенных вопросов, в том числе перед исследователями стоит важная задача изучения поселенческих памятников рассматриваемого периода и, особенно, поселений второй половины I тыс. н.э., а также выделение культурных слоев тюркского времени на изученных поселениях.

1.2. Охотничья деятельность древнего и средневекового населения Алтая в трудах исследователей.

Историю изучения охотничьей деятельности населения Алтая условно можно разделить на два этапа. На первом этапе шло накопление сведений по охоте, а также делались некоторые заключения по особенностям этого вида деятельности при общей характеристике хозяйственных занятий населения в различные исторические периоды. Вторым этапом связан с появлением особых работ по охоте древнего и средневекового населения Алтая. В этот период проводятся специальные исследования, посвященные анализу отдельных видов источников по охоте, а также довольно активно используются археозоологические методы.

Начало изучения охоты древнего и средневекового населения было положено первыми исследователями, интересовавшимися древностями Алтая. Ими производились попытки интерпретации найденных материалов, а также давалась оценка общего уровня развития древних и средневековых обществ, особенностей хозяйственного развития населения региона.

В.В. Радлов одним из первых проанализировал археологические материалы, найденные на Алтае. Разработав хронологическую схему и разместив в ней известные ему

научные данные, исследователь также охарактеризовал хозяйственное развитие населения выделенных им хронологических периодов. Так, опираясь на изобразительные источники, отнесенные к бронзовому веку, В.В. Радлов отмечал, что охота имела широкое распространение в ту пору (Радлов В.В., 1989, с. 437). На основе источников, автор выделил виды объектов охоты и отметил, что применялась охота с собаками.

Анализируя более поздние материалы, В.В. Радлов писал, что разнообразие форм наконечников стрел в железном веке говорит об их использовании не только на войне, но и на охоте. Наконечники малых размеров, а также костяные и деревянные наконечники стрел исследователь относит к орудиям охоты: они «... явно употреблялись при охоте на мелкого зверя, такого как белка, горностай, соболь, куница, лиса, шкурку которых старались как можно меньше повредить» (Радлов В.В., 1989, с. 470-471). Свидетельством охоты на этих животных В.В. Радлов называет меховую одежду, обнаруженную в погребениях в окрестностях села Катанда и указания письменных китайских источников. При охоте на птиц, по мнению исследователя, использовались стрелы с широкими наконечниками.

В следующем столетии, рассматривая материалы, полученные в ходе раскопок средневекового могильника Кудыргэ, С.И. Руденко и А.Н. Глухов отмечали, что «помимо скотоводства, основным занятием кудыргинцев была охота». В подтверждение этого они приводят находки изделий из меха и накладку на луку седла с изображением охотничьей сцены (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927, с. 49). Кроме того, многие изделия, найденные при исследовании погребений могильника, по мнению авторов, были изготовлены из рога оленя.

Позднее, анализируя пазырыкские материалы, С.И. Руденко сделал похожий вывод о том, что охота занимала второе место после скотоводства в хозяйстве населения Горного Алтая скифского времени (Руденко С.И., 1949, с. 98). Рассматривая богатый инвентарь, полученный при раскопках знатных курганов пазырыкской культуры, он писал: «Раскопки показали, что из парнокопытных добывались лось и благородный олень, горный баран и козёл, антилопа-сайга, козуля, кабан; из хищных – снежный барс, или ирбис, волк, возможно, леопард, степная кошка; из пушных зверей – выдра, соболь, белка, горностай; из грызунов – заяц. Помимо прекрасных изображений почти всех этих животных, в курганах сохранились рога и шерсть оленей, большое количество клыков кабана, меха леопарда, степной кошки, выдры, соболя, белки, горностая» (Руденко С.И., 1952, с. 39).

Довольно подробно охотничья деятельность ранне-средневекового населения Алтая была рассмотрена в обобщающей работе С.В. Киселева. Он отмечал, что частые находки изделий из рога и целых рогов, а также остатки меховой одежды говорят о большой роли охоты в хозяйстве того времени, в том числе и в торговле (Киселев С.В., 1951, с. 511-512). На основе изобразительных и вещественных источников были обозначены особенности луков, использовавшихся на охоте в то время. Также исследователь отмечал, что помимо лука, скорее всего, применялись и другие охотничьи приспособления – капканы, ловушки, самострелы, схожие с изделиями, использовавшимися алтайцами в этнографическое время.

Интересная гипотеза была сформулирована С.В. Киселевым по поводу социальной значимости погребального инвентаря. Он полагал, что погребения, совершенные в ка-

менных ящиках, относятся к низшему слою, поскольку в них встречено большое количество костяных наконечников стрел, что отличает их от более знатных погребений. Он предположил, что это могли быть «слуги-охотники», относящиеся к низшему слою общества того времени (Киселев С.В., 1951, с. 534, 535). Хотя в этом случае особенности погребений, скорее всего, были связаны с хронологическими различиями (Гаврилова А.А., 1965, с. 88).

Большую роль охоты в хозяйстве пазырыкского населения отмечал М.П. Грязнов. Значительное количество изображений различных животных, в которых подмечались их главные особенности, по его мнению, говорят о том, что их изображали люди, неоднократно наблюдавшие за повадками зверей в природе, выслеживая их. Все изображенные звери относились к местной алтайской фауне. Исследователь также отмечал, что изображались звери, охота на которых требовала «проявление силы, ловкости и отваги и часто была сопряжена с риском для жизни» (Грязнов М.П., 1950, с. 53). Полученные на охоте материалы использовались пазырыкцами и для изготовления предметов быта. Наличие же подушечки и фляги в Первом пазырыкском кургане, сшитой из шкуры гепарда, М.П. Грязнов связывает с получением меха или живого гепарда из Средней Азии.

Интересно исследование зоолога И.И. Ешелкина, посвященное видовому определению изображений животных в петроглифах Юго-Восточного Алтая. Им были выделены фигуры горных козлов, архаров, марала, кулана, лося, кабана, дзерена, сайги, антилопы-оронго, яка, барса, волка, лисицы, корсака (Ешелкин И.И., 1974). Исследователь также отмечал изменения в фауне региона: некоторые звери, изображения которых были встречены в наскальных сценах, на

момент исследования уже не обитали в Чуйской котловине. Кроме того, зоолог описал способы охоты на некоторые виды этих зверей (там же, с. 65).

В обобщающей работе по истории Алтая, написанной Л.П. Потаповым, кроме прочего, было охарактеризовано хозяйственное развитие древнего и средневекового населения Алтая. Так, исследователь отмечал, что основным занятием у «афанасьевцев» была охота на крупных (марал и косуля) и мелких (лисица, заяц, хомяк) диких животных. Мелких животных, по его предположению, добывали при помощи лука и стрел, крупных зверей добывали при помощи ловчих ям и облав. В связи с примитивным, по мнению исследователя, уровнем развития орудий охоты «афанасьевцы» были вынуждены охотиться только сообща (Потапов Л.П., 1953, с. 56, 58).

Говоря об охоте населения раннего железного века, исследователь считал, что охота играла подсобную, но в то же время довольно важную роль (Потапов Л.П., 1953, с. 62). Анализируя хозяйство населения тюркского времени, Л.П. Потапов опирался на данные китайских источников. Так, в династийной хронике Тан-шу говорилось, что основные занятия тюрков – кочевое скотоводство и охота. Для характеристики охотничьего промысла историк привлек археологические материалы, в частности, сцену охоты с накладки передней луки седла из могильника Кудыргэ (там же, с. 84, 88).

Особой темой в изысканиях Л.П. Потапова стал традиционный охотничий промысел алтайцев. Результаты его исследований по данному направлению были опубликованы в ряде статей и в итоговом монографическом труде, вышедшем уже после смерти ученого. В своей монографии этнограф рассмотрел основные аспекты охотничьей дея-

тельности алтайцев, в том числе истоки охотничьих традиций, которые он выявил в культуре раннесредневековых тюрков (Потапов Л.П., 2001, с. 11). Кроме того, исследователь попытался на известном ему материале охарактеризовать развитие охотничьего промысла населения Алтая в различные исторические периоды, начиная с глубокой древности (там же, с. 16-24).

Стоит отметить работы Н.Д. Оводова и Л.И. Галкиной, посвященные исследованию плейстоценовой фауны Алтая (Галкина Л.И., Оводов Н.Д., 1975; Оводов Н.Д., 1988). Н.Д. Оводов в 1977 году заложил шурф в Денисовой пещере. Были получены костные остатки представителей горно-степной, лесной и интразональной фауны (Кунгуров А.Л., Цыро А.Г., 2006, с. 67). Полученные палеозоологами данные были важны для определения природной среды и окружения палеолитического человека на Алтае. Эти сведения позволили представить потенциальные объекты охоты первобытного человека.

Важные замечания, связанные с охотничьей деятельностью древнего и средневекового населения Алтая были сделаны В.Д. Кубаревым. Так, рассматривая изображения луков на оленных камнях, исследователь выделил два типа, существовавших в скифское время (Кубарев В.Д., 1979, с. 166). К первому типу относились короткие луки. По мнению автора, изделия, относимые к этой группе, являлись боевыми луками. Другой тип, известный по находкам из курганов пазырыкской культуры, отличался большей длиной (105-110 см). Как считал В.Д. Кубарев, к этому типу относились охотничьи луки. При стрельбе из длинных луков использовались стрелы с более длинными древками.

По материалам исследований поселения Балыктыноль авторами раскопок был сделан вывод о существовании у

«афанасьевцев» Алтая скотоводческо-охотничьего хозяйства. Это мнение опиралось на данные остеологического анализа, проведенного Т.В. Калашниковой (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, с. 66). Исследователи полагали, что хозяйство носителей афанасьевской культуры было скотоводческим, но охота на крупных млекопитающих была значительной (там же, с. 68).

Хозяйство афанасьевской культуры было рассмотрено С.В. Цыбом. В своем диссертационном исследовании «Афанасьевская культура Горного Алтая» (1984) он отдельно остановился на характеристике экономики, где отметил незначительную роль охоты. По мнению С.В. Цыба, этот вид хозяйственной деятельности был вспомогательным промыслом. Основными объектами охоты «афанасьевцев» являлись парнокопытные животные (марал, лось, косуля). Промысел этих животных не требовал значительного удаления от поселений и пастбищ (Тюрина Е.А., 2010, с. 15).

Следующий, второй этап изучения охоты и его роли в жизни населения Алтая наступает в 90-х гг. XX в. Выделение этого периода связано с появлением специализированных работ, касающихся хозяйственного развития населения в древности и средневековье. Кроме того, при рассмотрении древнего хозяйства в этот период стали довольно активно использоваться исследования остеологических коллекций из раскопанных памятников.

Важные данные были получены в результате исследований, проведенных на территории Горного Алтая П.И. Шульгой. За несколько лет археолог открыл и изучил значительное количество поселений в разных районах. Итоги его изысканий были опубликованы в ряде работ, главной из которых стала кандидатская диссертация «Поселения раннего железного века в Горном Алтае» (Шульга П.И., 1990а).

В основу типологии поселений раннего железного века П.И. Шульга положил хозяйственный принцип. Им было выделено три группы поселений: земледельческие, скотоводческие и смешанные (Шульга П.И., 1990б, с. 84-85). Исследователь посвятил изучению хозяйственной деятельности отдельную главу своей диссертации «Хозяйство и расселение племен Горного Алтая в раннем железном веке» (Шульга П.И., 1990а, с. 90-119), а позже вышла статья, посвященная этой проблеме (Шульга П.И., 1994). Автор произвел анализ природно-климатических условий Алтая (Шульга П.И., 1990а, с. 90-93; 1994, с. 49-51) и реконструировал основные направления хозяйственной деятельности населения раннего железного века.

На основе анализа остеологических определений костных остатков, обнаруженных на исследованных поселениях, и привлечения материалов погребальных памятников, П.И. Шульга делает вывод о том, что охота имела важное хозяйственное значение для населения Алтая в I тыс. до н.э. Было отмечено, что основным промысловым животным являлась косуля и в кризисные годы доля потребления мяса косули существенно возрастала. Автор также отметил значительное присутствие костных остатков марала в остеологических коллекциях поселений раннего железного века. Исследователь заметил, что иногда остеологам удавалось установить время добычи зверя (например, лось из поселения Аскат-II был убит осенью). Также на поселениях были найдены фрагменты костей дзерена, кабана, медведя и других животных. Редкими находками являлись кости кабарги и пушных животных (Шульга П.И., 1990а, с. 103-105; 1994, с. 55-56). На основе источников, полученных в ходе собственных раскопочных работ на алтайских поселениях, а также с привлечением других материалов, в одной из работ

П.И. Шульгой были высказаны некоторые замечания по хозяйству «афанасьевцев». Исследователь пришел к выводу, что население афанасьевской культуры Алтая имело скотоводческое хозяйство, с заметной долей охоты и собирательства (Шульга П.И., 2012, с. 208).

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX века барнаульский остеолог А.В. Гальченко проводил активные исследования коллекций, полученных в ходе изучения археологических памятников, слои которых относятся ко времени от энеолита до средневековья. В процессе его работ получены интересные сведения. Например, в результате анализа остеологических коллекций с афанасьевских поселений Алтая и Тувы (Тоора-Даш, Узнезя-1, Балыктыюль) А.В. Гальченко получил неоднозначные данные. На поселении Балыктыюль преобладали кости домашних животных, а на поселении Узнезя-1 было выявлено большое количество костей лошади, которые он затруднился отнести к дикому или к одомашненному виду. На поселении Тоора-Даш к костям домашних животных относятся лишь 20 фрагментов костей крупного рогатого скота из определимых (4,69%) (Гальченко А.В., 1994, с. 16). Исследователь сделал вывод о том, что хозяйство афанасьевских племен – это крайне дискуссионный вопрос (там же, с. 19).

Интересные наблюдения были сделаны А.В. Гальченко при работе с остеологической коллекцией из Нижнетыткескенской пещеры-1. Им были повторены выводы о дискуссионном характере вопроса о хозяйстве афанасьевских племен, поскольку степень сохранности костей не позволила специалисту достоверно определить принадлежность фрагментов костей к особям домашних или диких видов животных. Опираясь на свои определения, автор поставил под сомнение скотоводческую направленность афанасьев-

ского хозяйства (Гальченко А.В., 1995, с. 71). В отношении населения, оставившего культурный слой, отнесенный к большемысской культуре, А.В. Гальченко отмечал, что основным его занятием была охота (там же, с. 75). В работе также были рассмотрены вопросы распространения и динамики расселения некоторых видов диких животных в древности и современности.

Результаты изучения остеологических коллекций из слоев поселений, относящихся к раннему железному веку, показали, что на исследованных поселениях более 80% из всех определимых костей принадлежали домашним животным. Это позволило А.В. Гальченко и П.И. Шульге сделать вывод о том, что основные средства к существованию население Алтая в тот период получало от скотоводства (Гальченко А.В., Шульга П.И., 1992, с. 94).

Ряд работ был посвящен хозяйству древнего населения Северного Алтая. Основными источниками исследований стали материалы Майминского археологического комплекса. Так, Я.Ю. Полосина опубликовав предварительный анализ остеологических материалов поселения Майма-I предположила, что добыча диких животных в хозяйстве населения раннего железного века, особой роли не играла (Полосина Я.Ю., 1990, с. 13).

Позднее горно-алтайские археологи С.М. Киреев, П.И. Кудрявцев и Я.Ю. Полосина проанализировали материалы поздней бронзы и раннего железа с Майминского археологического комплекса в плане изучения хозяйственных занятий населения этих периодов. В результате они пришли к выводу, что в период поздней бронзы на Северном Алтае (по материалам поселения Майма-II) существовало два направления охоты: мясное и пушное. Объектом мясной охоты являлся олень, а пушной охоты – волк. Доля количе-

ства фрагментов костных остатков диких животных от общего числа составила 33% (Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Полосина Я.Ю., 1993, с. 7).

На быстрянском поселении Майма-III получен материал, позволивший им охарактеризовать хозяйство населения раннего железного века. Костные остатки диких животных встречены в значительно меньшем количестве, нежели домашних (всего 13% из определимых). Объектами охоты являлись кабан, кулан, марал, горный козел, медведь, бобр (минимальное количество особей – 1), як и косуля (минимальное количество особей – 2). Хозяйство населения Северного Алтая в I тыс. до н.э., по мнению авторов, в целом носило комплексный характер, в основе которого находилось скотоводство. Охота, как и земледелие, рыболовство, собирательство, имело подсобное значение (Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Полосина Я.Ю., 1993, с. 7-8).

При изучении материалов раскопок голоценовых слоев Денисовой пещеры А.П. Деревянко и В.И. Молодин рассмотрели особенности использования пещеры в разные исторические эпохи. Исследователи отмечали, что в период раннего железного века пещера использовалась для проведения обрядов символического оплодотворения горы (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 132). Об этом свидетельствуют найденные в пещере сломанные костяные наконечники стрел. Исследователи предположили, что пещера рассматривалась древними людьми как некое детородное начало, а обломанные наконечники стрел – это следы стрельбы из лука в пещеру – обряда «оплодотворения» горы. Такие ритуальные действия были связаны с промысловой магией.

В голоценовых слоях пещеры был хорошо стратифицирован материал, включающий в себя довольно предста-

вительную остеологическую коллекцию. Костные остатки, найденные в результате раскопок предвходовой площадки, центральной камеры пещеры и галереи I представлены около 37 тыс. фрагментами, из них определимы 6461 (Васильев С.К., Гребнев И.Е., 1994, с. 167). Анализ макротериофауны Денисовой пещеры, показавший наличие костных остатков животных, характерных для степных ландшафтов, позволил предположить значительную аридизацию климата и «остепнение ландшафтов Северо-Западного Алтая в момент формирования слоя 8 – около 2 тыс. л.н.» (Васильев С.К., Гребнев И.Е., 1994, с. 167). Исследователями также было предположено, что и в более раннее время (2-2,5 тыс. до н.э.) в районе Денисовой пещеры имели место остепненные ландшафты, на что, по их мнению, указывают фрагменты сурка из слоя 11, относящегося к культурному слою афанасьевской культуры.

Довольно необычные данные были получены В.А. Кочевым и А.С. Суразаковым при исследовании одного из раннесредневековых погребальных памятников. Анализируя материалы одиночного кургана Ябоган I, археологи отмечали, что во время его сооружения проводилась поминальная тризна, где кроме мяса домашних животных, использовалось мясо косули (определения фрагментов костей были выполнены А.В. Гальченко) (Кочев В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 75). Как полагают исследователи, эти находки свидетельствуют о наличии охотничьего промысла в занятиях раннесредневекового населения (Кочев В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 72).

Интересны наблюдения А.С. Суразакова, сделанные при проведении археологических работ на святилище Большой Яломан-III. По его мнению, зафиксированные на святилище наскальные рисунки, а также следы костров и

жертвенной пищи, найденные у подножия скал, связаны с охотничьими ритуалами (Суразаков А.С., 1996, с. 82).

Специальное исследование, посвященное изучению охотничьего промысла населения Алтая эпохи неолита, было проведено Н.Ю. Кунгуровой. В 1997 году вышла ее статья «Охота неолитических обитателей Катуня». На основе трасологического и типологического анализа орудийного набора катунских неолитических поселений Майма-3, Тыткескень-2, Усть-Куям, Куям-Брод исследовательница определила, что основным видом занятий неолитического населения долины Средней и Нижней Катуня была охота. Было отмечено, что орудия рыболовства малочисленны и их, «скорее всего, следует причислять к орудиям индивидуальных промыслов, не игравших основной роли в хозяйстве населения» (Кунгурова Н.Ю., 1997, с. 3-4).

Большинство определимых фрагментов костей на этих поселениях принадлежит диким промысловым животным, среди которых преобладают кости косули (на Куямском поселении – 44%), меньшим количеством представлены кости марала, сибирского горного козла, яка, лошади. Также представлены кости архара, дзерена, лося, медведя, зайца-беляка. Основными объектами охоты неолитического населения Средней Катуня были названы косуля и марал. Н.Ю. Кунгурова отмечала, что исследованные неолитические поселения Средней Катуня расположены на местах переправ через Катунь, на путях сезонных миграций стадных животных. Полученные результаты вполне соотносятся с этнографическими данными (Кунгурова Н.Ю., 1997, с. 5).

Так, на основе типологического анализа орудий, планиграфического анализа расположения поселений и анализа остеологических коллекций исследовательницей была отмечена специализация экономики неолитического населе-

ния долины Средней и Нижней Катуня на охоте на стадных животных (Кунгурова Н.Ю., 1997, с. 4-5).

Мировоззренческий аспект охотничьей деятельности был рассмотрен И.В. Октябрьской и Д.В. Черемисиным по материалам петроглифов Джурамала. При анализе изображенных на памятнике сцен исследователи привлекли широкие этнографические параллели, что позволило им интерпретировать некоторые сюжеты, связанные с охотой. Авторы отмечали, что петроглифический комплекс находится в месте традиционных охотничьих угодий (Октябрьская И.В., Черемисин Д.В., 1997, с. 63). Петроглифы Джурамала содержат различные по стилистике и хронологии сюжеты, но все они схожи по внутреннему содержанию и связаны с темой охоты (там же, с. 64).

Система жизнеобеспечения населения долины Средней Катуня скифского времени рассмотрена Ю.С. Худяковым и В.С. Мироновым. Отметив своеобразие этого контактного района, авторы отметили, что основным хозяйственным занятием скифского времени было скотоводство в сочетании с охотой (Худяков Ю.С., Миронов В.С., [электронный ресурс]). Исследователями отмечалось большее значение охоты в хозяйстве носителей северного варианта пазырыкской культуры в сравнении с хозяйством синхронного населения центральных районов Алтая («классические» памятники пазырыкской культуры).

В 2000-е гг. В.Д. Кубарев в ряде работ проанализировал наскальные изображения Российского и Монгольского Алтая и выделил традиционные приемы и объекты охоты древнего и средневекового населения региона (Кубарев В.Д., 2001а; 2001б; 2007а). Он отмечал, что, судя по многочисленным петроглифам, охота занимала значительное место в хозяйственной жизни древнего человека и охватывала

фауну таёжной, горной и полупустынной зон Центральной Азии. Было выделено несколько форм охоты: от охоты в одиночку (приманиванием к домашним животным, по следу с собакой на поводке) до коллективных облав со сворой собак на копытных зверей. Облавная верховая охота, по мнению автора, получает в этом регионе широкое распространение уже в I тыс. до н.э. (Кубарев В.Д., 2001б, с. 155). Он также отмечал широкое распространение пешей облавной охоты и загонной охоты с собаками во II тыс. до н.э. Кроме того, фигурки охотников в сценах охоты имели разные размеры, что, по мнению исследователя, могло быть связано с разным социальным рангом изображенных охотников (Кубарев В.Д., 2007а, с. 280).

По предположению В.Д. Кубарева, население Монгольского Алтая владело большим разнообразием приемов и методов охоты в отличие от таёжных охотников Саяно-Алтая (Кубарев В.Д., 2007а, с. 279). «Значение охоты – отмечает исследователь – было велико из-за ее непрерывности в течение всего года и разнообразия добычи, что придавало устойчивость всему комплексу хозяйственной жизни скотоводов-охотников» (Кубарев В.Д., 2007б, с. 282). Отдельным вопросом В.Д. Кубарев рассмотрел охотничьи и военные сюжеты тюркского времени. По материалам петроглифов исследователь выделил облавную, загонную и соколиную охоту (Кубарев В.Д., 2001а, с. 96, 98).

Анализируя материалы, полученные в ходе исследований на плоскогорье Укок, Н.В. Полосьмак писала, что у носителей пазырыкской культуры, проживавших на этом высокогорном участке, значительную роль в хозяйстве занимала зимняя охота. Она отмечает, что охота приносила разнообразие в рацион питания пазырыкского населения, а также давала сырье (рог и мех) для изготовления предметов

материальной культуры (Полосьмак Н.В., 2001, с. 40). Основными объектами охоты укокских «пазырыкцев» были названы снежные барсы, волки, козлы, бараны и белки.

В обобщающей работе по истории Республики Алтай кроме прочего, было охарактеризовано хозяйственное развитие древнего и средневекового населения. В частности, отмечалось, что на стадии палеолита в Горном Алтае сложилось «охотничье хозяйство древнего человека», в основе которого лежала добыча крупных млекопитающих (мамонта, шерстистого носорога, бизона, дикой лошади и т.д.) (Деревянко А.П., Чевалков Л.М., 2002, с. 82-83). Особенности каменной индустрии периода говорят об охотничьей направленности этих изделий. В эпоху мезолита, после смены природно-климатической обстановки на Алтае, основными объектами охоты являются марал, косуля, сибирский горный козел, а основным охотничьим оружием становится лук со стрелами. Поскольку охота стала менее продуктивна, человеческие коллективы эпохи мезолита стали более подвижны и расширили свои охотничьи угодья (там же, с. 84-85).

В этой же работе В.И. Молодин отмечал, что носители афанасьевской культуры периода ранней бронзы имели хозяйство, в котором важное место занимала охота. Данное хозяйственное направление, по мнению исследователя, обеспечивало население мясом, шкурами, роговым материалом (Молодин В.И., 2002, с. 115). Объектами охоты того времени являлись марал, косуля, лось, як, сибирский горный козел, кулан. Слабая степень изученности памятников каракольской культуры не позволила в достаточной мере охарактеризовать хозяйство ее носителей, однако автор заметил, что, судя по изобразительным источникам, в тот период охота играла подсобную роль, а из объектов

охоты можно выделить лося, марала, медведя и козла (Молодин В.И., 2002, с. 135).

При рассмотрении хозяйства носителей пазырыкской культуры А.С. Суразаков подчеркивал, что охота в тот период имела большое значение. На нем получали мясо, шкуры, ценный мех. Основными объектами добычи были марал, кабан, горный козел и другие животные, на которых охотились, главным образом, с луком со стрелами. Судя по изобразительным источникам, на охоте применялись собаки (Суразаков А.С., 2002а, с.159-160).

А.С. Суразаков считает, что в период раннего средневековья в хозяйстве населения Алтая охота также занимала значительное место. Основными объектами охоты в тот период являлись дикие козлы, маралы, кабаны, пушные зверьки. Кроме того исследователем отмечалось, что данный промысел давал мясо, на охоте добывали шкуры и ценную пушнину. Основным охотничьим оружием был сложносоставной лук со стрелами с железными или костяными наконечниками. Использовались специальные тупые деревянные наконечники стрел, предназначенные для охоты на пушных зверьков (Суразаков А.С., 2002в, с. 198). В этот период применялись разнообразные формы охоты, как пешие, так и конные. Также, вероятно, использовались различные охотничьи ловушки, капканы, силки.

В 2000-х гг. вышел ряд работ одного из авнастоящей торов монографии, в которых были рассмотрены три направления хозяйственной деятельности населения: рыболовство, собирательство, земледелие (Соенов В.И., 2001; 2002; 2003б). Проведенное исследование, основанное на различных источниках, показало, что уже с эпохи бронзы для населения региона стало характерным ведение комплексного хозяйства. Мы считаем недостаточно обоснован-

ным существующее предположение о превалирующей роли скотоводства и охоты в хозяйстве древнего и средневекового населения Алтая (Соенов В.И., 2003б, с. 169). Охота и рыболовство, с развитием производящих форм хозяйства, остаются главными занятиями только у населения таёжной части Алтая (Соенов В.И., 2001, с. 26).

Однако в результате присоединения территории Алтая к монгольской империи и господства монголов в XIII-XIV вв. наблюдается регресс хозяйственного развития населения региона. В последующее время при сложной политической обстановке в регионе преимущественное развитие в XVII-XVIII вв. получили направления хозяйственной деятельности «которые были наиболее приспособлены к нестабильной жизни: скотоводство, охота и собирательство» (Соенов В.И., 2003б, с. 172).

Важные сведения по палеолитической охоте получены в результате исследования новосибирскими учеными материалов раскопок многослойных палеолитических стоянок в долине р. Ануй. Было отмечено, что «конкретных фактов охоты древнего человека на медведей, волков, гиен и других хищников», как и на гигантских травоядных (мамонта и шерстистого носорога) не обнаружено. Но зафиксированные следы порезов на костях крупных и мелких животных, говорят о том, что эти животные являлись объектами охоты палеолитического населения. Характер расположения костных остатков внутри Денисовой пещеры и на ее предвходовой площадке позволил предположить, что мелкие копытные попадали в пещеру целыми тушами или большими кусками, а крупные разделялись за пределами пещеры. Отмечалось, что палеолитический человек ел любую пригодную к употреблению пищу. Зимой люди охотились и на крупных, и на мелких копытных (Деревянко А.П. и др.,

2003, с. 233-234). Находка, свидетельствующая о целенаправленной охоте палеолитического человека, найдена в слое 18 стоянки Усть-Каракол-1 (там же, с. 258). Там была найдена кость дистального отдела передней ноги сибирского горного козла, имеющая следы надрезов, нанесенных, очевидно, при снятии шкуры с туши.

Реконструкция традиционных систем жизнеобеспечения населения Восточного Алтая предтюрокского времени представлена кемеровскими исследователями А.Н. Садовым и С.С. Онищенко. Наряду с другими хозяйственными занятиями они охарактеризовали охоту. Исследователи выделили два охотопромысловых района: Прителецко-Чулышманский (темнохвойная тайга) и Улаганский (степные и горно-тундровые формации). Для первого характерен пушной промысел, для второго – промысел копытных (Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003, с. 212). Авторы считают, что типологическое разнообразие костяных и роговых наконечников свидетельствует о существовании специализации охоты. По их мнению, наконечники стрел с тупоугольным окончанием пера, овальные в сечении (в том числе и железные) могли использоваться при охоте на пушных зверей. При охоте на крупных копытных, как считают исследователи, использовались граненые наконечники с выделенной боевой головкой (там же, с. 215).

Интересное наблюдение над наскальными изображениями сцен охоты было сделано Р.М. Еркиновой и Г.В. Кубаревым. Изучая срисованные Г.И. Чорос-Гуркиным гравированные наскальные рисунки, они отметили случаи изображения больших стрел рядом со сценой охоты (Еркинова Р.М., Кубарев Г.В., 2004, с. 90). Авторы предположили, что изображения огромных стрел связаны с охотничьей магией и были призваны способствовать удачной охоте.

Некоторые аспекты хозяйственной деятельности населения, оставившего поселение Тыткескень-2, были рассмотрены Ю.Ф. Кирюшиным и К.Ю. Кирюшиным. На основе анализа остеологической коллекции, выполненного в разные годы А.В. Гальченко и П.А. Косинцевым, археологами сделан вывод, что в основе хозяйства всех исследованных на памятнике горизонтов (относящихся к мезолиту, неолиту и энеолиту) была охота на копытных животных. Были названы основные объекты охоты: представители среднегорья – косуля, кабарга, благородный олень; высокогорья – сибирский горный козел, муфлон, горный баран (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2005, с. 8).

П.А. Косинцев проанализировав остеологическую коллекцию афанасьевского поселения Нижняя Соору отметил, что среди костных остатков доминируют фрагменты костей мелкого рогатого скота (82% всех определимых). Костей крупного рогатого скота – 15%, лошади и диких видов животных по 1,5%. Он отмечал сильную раздробленность костей, особенно крупного рогатого скота. Дробились даже кости, не содержащие костный мозг. Исследователь предположил, что это явление «отражает какие-то ритуалы» (Косинцев П.А., 2005, с. 164). Кроме того, он отмечал, что остеологические данные афанасьевской культуры немногочисленны и противоречивы. В отношении исследованного материала с поселения Нижняя Соору был сделан вывод о доминировании здесь животноводства (Косинцев П.А., 2005, с. 165).

В другой работе П.А. Косинцев и Н.Ф. Степанова (2010) рассмотрели фауну поселения Малый Дуган. Основной акцент исследования был сделан на анализе находок из культурного слоя афанасьевской культуры, а также из смешанного слоя, в котором основной материал при-

надлежит афанасьевской культуре. Авторы отметили особенности формирования фаунистических комплексов, относящихся к хронологически разным слоям поселения (Косинцев П.А., Степанова Н.Ф., 2010, с. 126). Исследователи считают, что основой питания населения афанасьевской культуры и населения эпохи ранней бронзы являлось мясо домашних животных с заметной долей дикого мяса. Еще одно замечание, высказанное в статье, касается необходимости ревизии данных остеологического анализа материалов афанасьевской культуры, проведенных А.В. Гальченко в 90-е годы XX века.

Некоторые аспекты развития охоты населения Южной Сибири в средневековье и новое время рассмотрели А.Ю. Борисенко, К.Ы. Белинская, Ю.С. Худяков. Они отмечали, что охота являлась важным направлением хозяйственной деятельности жителей региона. У средневековых тюрков преобладала загонная охота на стадных копытных. Охота несла не только смысл обеспечить сообщество продовольствием, но и имело важную социальную и военные функции: на охоте «отрабатывались приемы ведения согласованных тактических действий» (Борисенко А.Ю., Белинская К.Ы., Худяков Ю.С., 2008, с. 102). Огнестрельное оружие русского производства (как и капканы) появилось у телеутов в конце XVII века. Появление огнестрельного оружия у южных алтайцев произошло, по мнению этих исследователей, немного позднее (Борисенко А.Ю., Белинская К.Ы., Худяков Ю.С., 2008, с. 104-105).

Важные данные, связанные с охотничьим промыслом древнего и средневекового населения Алтая, получены в результате раскопок святилища Кучерла-1 (грот Куйлю), расположенного в Южном Алтае (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1991). Итоги многолетних исследований материалов

комплекса были опубликованы в серии статей и обобщены в монографии В.И. Молодина и Н.С. Ефремовой (2010). На памятнике выявлено несколько культурных горизонтов: слой афанасьевской культуры, слой раннего железа, средневековый слой и культурный слой этнографического времени. В ходе исследования авторам удалось доказать связь культурных слоев с изображениями, выбитыми на скалах. Культурный слой святилища содержал большое количество разнообразного материала, в том числе в ходе раскопок была получена большая остеологическая коллекция, изученная палеонтологом С.К. Васильевым (Молодин В.И., Ефремова Н.С., 2010, с. 45, табл. 3). На основе семантического анализа вещественных находок из культурного слоя и изображений с каменных плоскостей было высказано предположение, что святилище связано с промысловыми ритуалами (Молодин В.И., Ефремова Н.С., 2010, с. 174-199, 219). При проведении исследований материалов памятника авторы привлекали широкие этнографические аналогии. В работе были охарактеризованы физико-географические условия и фауна Горного Алтая, что также важно для понимания особенностей развития охотничьей деятельности населения (Молодин В.И., Ефремова Н.С., 2010, с. 14-18).

Материалы, связанные с охотничьей деятельностью, были получены нами в результате работ на городищах гунно-сарматского времени Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4. На основе анализа остеологической коллекции, проведенного С.С. Онищенко, и привлечения материалов из синхронных памятников сделаны определенные выводы о развитии и значении охотничьей деятельности в системе жизнеобеспечения населения Алтая гунно-сарматского времени (Соенов В.И. и др., 2011, с. 47-49). Удалось проследить следы системы ограничений, действующих в охотничьей деятельности

населения Алтая того периода, которые имели некоторые общие черты с существующими ограничениями в этнографическое время. Так, отмечалось, что кости диких животных принадлежали к взрослым особям (там же, с. 47).

Несколько работ, посвященных изучению охотничьей деятельности населения Алтая в I тыс. н.э., было подготовлено Н.А. Константиновым. В частности, им определен и охарактеризован круг источников по охотничьей деятельности (Константинов Н.А., 2011; 2012а; 2012б). В докладах, озвученных на студенческих конференциях и международном конгрессе, выделены несколько видов источников, которые можно использовать при характеристике охоты: археологические (вещественные), археозоологические (остеологические) и изобразительные. В качестве косвенных источников были предложены этнографические, письменные, топонимические и др. Также были озвучены проблемы, связанные с интерпретацией сведений из этих источников.

В ряде работ нами проанализированы изобразительные источники. В частности, были рассмотрены изобразительные источники, свидетельствующие о существовании на Алтае в раннем средневековье соколиной охоты (Константинов Н.А., Соенов В.И., 2012). Кроме того, анализировались наскальные сцены охоты, относящиеся к раннему средневековью (Константинов Н.А., 2012в; 2013а). На основе рассмотрения этих источников сделаны выводы о том, что в петроглифах изображались сцены, связанные с престижными видами охоты, которыми занимались в качестве забавы и военных тренировок раннесредневековая тюркская знать. Было сделано предположение о том, что часть сцен охоты могла быть связана с эпитафийной традицией.

В материалах доклада, подготовленного на одну из РАЭСК, Н.А. Константиновым обобщены археозоологиче-

ские данные, происходящие из поселений гунно-сарматского времени (Константинов Н.А., 2013б). Отмечалось, что остеологические данные – это важный источник не только для изучения охотничьей деятельности населения Алтая гунно-сарматского времени, но и для реконструкции истории животного мира региона.

Остеологические данные также были использованы Н.А. Константиновым при рассмотрении значения охоты в мясном потреблении населения Алтая гунно-сарматского времени. Анализ мясного потребления, произведенный в работе, основывался на остеологических сведениях, полученных в ходе исследования поселений первой половины I тыс. н.э. В основу анализа легли определения остеологических коллекций с поселений Майма-1 и Тыткескень-3, выполненные А.В. Гальченко (Константинов Н.А., 2013в). Используя археозоологический подход, была высчитана доля отдельных видов диких и домашних животных в мясном потреблении. Оказалось, что доля мяса диких животных в мясном потреблении населения рассматриваемого периода составляла всего 11%.

В другой работе рассмотрены охотничьи наконечники стрел. На основании изучения разных видов источников нами сделан вывод о том, что большинство наконечников стрел, находимых в памятниках I тыс. н.э., было универсальным и использовалось как на войне, так и на охоте (Константинов Н.А., Соенов В.И., 2013). Специализированными охотничьими наконечниками стрел являлись «тома-ры» – тупые деревянные и костяные наконечники стрел, предназначенные для охоты на пушных зверей.

Итак, анализ работ разных исследователей, посвященных изучению охотничьей деятельности населения Алтая, позволило нам выделить два периода изучения охоты. На

первом этапе шло постепенное накопление данных; отмечаются первые попытки интерпретации материала, связанного с охотничьей деятельностью, а также определение и характеристика охотничьего орудийного комплекса. Специальных работ, посвященных непосредственно охоте или хозяйству древнего и средневекового населения в целом, в тот период не отмечено. Охота лишь упоминалась при общей характеристике хозяйственного развития древнего населения. Кроме того, естественнонаучные исследования материалов не проводились в полной мере. Лишь в конце 70-х гг. XX века появляются работы по изучению костных остатков животных – объектов охоты, найденных на местах древних поселений и стоянок.

В следующий период, начавшийся в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., активизируются работы по изучению хозяйства древнего и средневекового населения региона и исследования выходят на новый уровень. Важным шагом к этому явились работы П.И. Шульги, который разделил поселения раннего железного века именно по хозяйственному принципу (земледельческие, скотоводческие и смешанные) (Шульга П.И., 1990, с. 84-85). Датировка земледельческих поселений вызвала дискуссию: М.Т. Абдулганеев, С.М. Киреев и О.В. Ларин считают поселения «земледельцев» и «скотоводов» эпохально разными, что ставит под сомнение выводы П.И. Шульги о хозяйственных занятиях населения Горного Алтая раннего железного века (Абдулганеев М.Т., 1998; Киреев С.М., Ларин О.В., 2004, с. 55). Тем не менее, накопление поселенческого материала в значительной мере изменило представления о культурно-хозяйственном развитии древнего населения Алтая.

Важной особенностью второго периода является активное внедрение исследований остеологических коллекций

специалистами по естественнонаучным дисциплинам. Публикуется значительное количество работ, посвященных хозяйству населения Алтая в разные исторические периоды, в основу которых легли данные остеологического анализа коллекций. Рассматривается охотничий инвентарь отдельных периодов и на основе этих исследований дается характеристика особенностей форм охоты. Появляются работы по охоте древнего и средневекового населения высокогорных районов, основанные на изучении изобразительных источников, в первую очередь – петроглифов. В последние годы вышли специальные работы, посвященные отдельным видам хозяйственной деятельности древнего и средневекового алтайского населения. Эти работы позволили представить хозяйственный комплекс, существовавший у жителей Алтая, и обозначить роль отдельных хозяйственных направлений в системе жизнеобеспечения населения в разные исторические периоды.

В целом, на сегодняшний день накоплены определенные наработки по изучению охоты обитателей Алтая на разных исторических этапах. Имеется весьма значительный массив источников, позволяющий охарактеризовать развитие охотничьей деятельности населения в I тыс. н.э. Тем не менее, анализ истории изучения археологических памятников показал, что перед исследователями еще стоят задачи дальнейшего полевого изучения объектов. В первую очередь это касается исследований поселений. Получив существенное количество нового поселенческого материала, мы сможем максимально достоверно охарактеризовать хозяйственное развитие населения Алтая.

*****

Глава II

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ОХОТЫ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В I ТЫС. Н.Э.

2.1. Археологические источники.

Выделенная нами группа археологических источников представлена материалами, полученными в результате раскопок археологических памятников. Сюда вошли определенные фрагменты костей диких животных, найденных на поселениях и предметы, связанные с охотничьей деятельностью (орудия труда и изделия, выполненные из полученных на охоте материалов – рога, кости и меха).

2.1.1. Osteологические материалы.

Одна из важнейших проблем изучения экономического развития древнего и средневекового населения Алтая связана с тем, что археология региона, не считая памятников каменного века, является главным образом погребальной. Именно погребальные памятники являются основными источниками для построения культурно-хронологических схем. Однако одни погребальные объекты не позволяют в достаточной мере реконструировать культурно-хозяйственный тип, выявить особенности системы жизнеобеспечения населения Алтая в древности и средневековье.

Поселения рассматриваемого региона исследуются не так интенсивно как погребения. Тем не менее, на сегодняшний день имеется ряд определений остеологических находок с памятников, основные материалы которых принадле-

жат к первой половине I тыс. н.э. Это неукрепленные поселения Майма-1, Усть-Куба и городища Нижний Чепош-3 и 4, расположенные в Северном Алтае (Абдулганеев М.Т., 1991; 1998; Киреев С.М., Ларин О.В., 2004; Онищенко С.С., 2011). Также имеются определения остеологических материалов из самого верхнего слоя поселения Тыткескень-3 (Кунгуров А.Л., 1994). Материалы других поселений, датировка слоев которых точно не установлена и вызывает дискуссии, нами учитываются, но не используется для интерпретаций. Также мы не стали использовать для своих построений остеологические определения с Черемшанского городища (Киреев С.М., 1995, с. 135), поскольку эти данные полностью не опубликованы, а имеются лишь упоминания некоторых видов животных, фрагменты костей которых были найдены на памятнике. В нашем распоряжении имеются опубликованные данные из остеологической коллекции Денисовой пещеры (Васильев С.К. Гребнев И.Е., 1994). Культурных слоев тюркского времени на поселениях Алтая не выделено, однако имеются немногочисленные сведения о находках фрагментов костей диких животных и птиц в поминальных и погребальных памятниках того периода.

Гунно-сарматское время

Майма-1. Поселение находится в Северном Алтае, в 3 км к северу от с. Майма, на южном склоне террасы, расположенной в 1,5 км к востоку от реки Катунь. Поселение было открыто Б.Х. Кадиковым в 1956 году и изучалось разными исследователями в конце 70-х – 90-е гг. XX века и начале 2000-х гг. (Суразаков А.С., 1982; Киреев С.М., 1986; Киреев С.М. и др., 2008, с. 21-23). В результате работ на поселении М.Т. Абдулганеев выделил майминскую археологическую культуру гунно-сарматского времени, к которой

был отнесен основной археологический материал памятника (Абдулганеев М.Т., 1992; 1998). Также на поселении получены материалы быстринской культуры раннего железного века и каменные орудия периода верхнего палеолита (Киреев С.М. и др., 2008, с. 23). Собранные во время разведочных работ С.М. Киреева в 1983-1984 гг. остеологические материалы исследовались И.В. Фороновой (Киреев С.М., 1986, с. 166). Ей удалось определить фрагменты костей крупного и мелкого рогатого скота, а также лошадей. Наиболее масштабные раскопочные работы на памятнике проводились в 1991 и 1993 гг. под руководством М.Т. Абдулганеева, в результате которых было вскрыто около 700 кв. м. (Абдулганеев М.Т., 1998, с. 166). Остеологические определения были сделаны А.В. Гальченко для коллекции 1991 года. Данные определений приложены к отчету М.Т. Абдулганеева, хранящемуся в Национальном музее Республики Алтай имени А.В. Анохина. Кроме того, А.В. Гальченко осмотрел коллекцию из раскопок 1993 года. Он отобрал некоторые фрагменты костей, которые ему удалось определить, но полностью коллекция не анализировалась, поэтому данные 1993 года не использовались нами в исследовании.

А.В. Гальченко удалось определить видовую принадлежность для 3872 фрагментов костей животных из материалов раскопок 1991 года. Из них 23% (872 фрагмента) принадлежат диким животным. Учитывая, что основное количество находок относится к первой половине I тыс. н.э., можно предположить датировку подавляющей части остеологической коллекции этим же периодом.

Сложилось следующее соотношение фрагментов костей диких животных: косуля – 447 фрагментов костей (минимум от 28 особей), кулан – 212 (16), марал – 96 (7), кабан (свинья?) – 53 (6), барсук – 5 (1), лиса – 33 (8), сурок –

3 (1), заяц – 3 (1), суслик – 4 (1), медведь – 2 (1), птицы – 14 (см. табл. 3).

Усть-Куба. Поселение расположено в Северном Алтае, в 6 км к северо-северо-востоку от села Чемал, на стрелке в месте слияния рек Куба и Чемал. Памятник открыт в конце 50-х гг. XX века Б.Х. Кадиковым. Он произвел сбор подъемного материала и заложил шурф. Была найдена керамика большебереченского облика. В середине 80-х гг. XX века С.М. Киреевым и О.В. Лариным на поселении были заложены три разведочных шурфа общей площадью 16 кв. м. Полученный в ходе разведок материал отнесен к концу I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э. (Киреев С.М., Ларин О.В., 2004, с. 53). На поселении найдено 221 фрагмент кости, из них остеологу Э.В. Алексеевой удалось определить 54 фрагмента. Среди них зафиксированы фрагменты костей дикой птицы и трех особей косули. Данные остеологического анализа полностью не опубликованы.

Тыткескень-3. Поселение расположено в долине реки Катунь, в ее среднем течении, на правобережной террасе р. Тыткескень, рядом с устьем. Памятник был открыт Н.Ю. Кунгуровой в 1985 г. Раскопочные работы проводились в 1988-1991 гг. экспедицией АлтГУ (Кунгуров А.Л., 1994, с. 44). Вскрытые площади составили около 600 кв. м. Поселение многослойное, наиболее древние слои относятся к эпохе палеолита и мезолита. Также были зафиксированы слои эпохи бронзы и раннего железного века. Первоначально самый верхний слой поселения отнесен к раннему средневековью (Кунгуров А.Л., 1994, с. 44, 46). Сейчас автор раскопок пересмотрел датировку¹ и связывает этот слой с гунно-

---

¹ Мы выражаем признательность А.Л. Кунгурову за пояснения по поводу хронологии поселения.

сарматским временем, то есть концом I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э.

Из всей остеологической коллекции, полученной из верхнего слоя поселения, остеологу А.В. Гальченко удалось определить до видовой принадлежности 729 фрагментов костей (Кунгуров А.Л., 1994, табл. 1). Из них 26% (187 фрагментов) принадлежали диким видам животных. Сложилось следующее соотношение фрагментов костей диких животных: косуля – 135 фрагментов костей (минимум от 12 особей), кулан – 18 (2), марал – 16 (4), сибирский горный козел – 14 (3), лось – 2 (1), кабан (свинья?) – 1 (1), птица – 1 (1) (табл. 2).

Денисова пещера. Располагается в верховьях реки Ануй, на ее правом берегу, в 6 км к северо-западу от с. Черный Ануй. Вход в пещеру расположен в 28 м над современным уровнем реки, на западном склоне горы Сосновой (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 3). Сведения о пещере встречаются в литературе начиная с XIX века. Первые археологические работы проведены Н.Д. Оводовым во второй половине 70-х гг. XX века (там же, с. 4). Исследователь заложил два разведочных шурфа. Изучение памятника было продолжено в 80-х гг. XX века и продолжается до сих пор. Голоценовые слои памятника исследованы в 1980-х гг.

К гунно-сарматскому времени отнесены слои 4-7 (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 100). В них было найдено 3920 фрагментов костей животных, из которых 181 удалось определить. При раскопках предвходовой площадки пещеры в слоях, отнесенных к гунно-сарматскому времени, найдены фрагменты костей следующих видов диких животных: косуля – 72 (7), марал – 7 (2), лисица – 2 (1), медведь – 5 (2), птицы – 7 фрагментов (там же, с. 101; Васильев С.К., Гребнев И.Е., 1994, табл. 1) (табл. 4).

Нижний Чепош-3. Городище расположено в Северном Алтае, в 2 км к северо-востоку от села Чепош, на краю высокой левобережной террасы р. Нижний Чепош – правого притока Катуня. Первые упоминания о городищах Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 относятся к концу XIX в. (Шульга П.И., Тишкин А.А., Соенов В.И., 2010). Начало археологическому изучению городищ было положено работами П.И. Шульги в 80–90-е гг. XX века. В 2001 на городищах проводились разведочные работы А.А. Тишкиным и И.Л. Кызласовым. С начала 2000-х памятники несколько раз осматривались В.И. Соеновым. В 2009 году под его руководством на обоих городищах было заложено по одной траншее. В результате работ установлена датировка объектов и сделан вывод о принадлежности городищ к памятникам майминской культуры гунно-сарматского времени (Соенов В.И. и др., 2011, с. 42). Полученный материал позволил охарактеризовать некоторые направления хозяйственной деятельности населения городищ (там же, с. 43-57).

Остеологическая коллекция, полученная в ходе раскопок фортификационных сооружений, исследовалась С.С. Онищенко (Онищенко С.С., Соенов В.И., 2011; Онищенко С.С., 2011). Им было отмечено, что остатки фрагментов скелетов охотничье-промысловых зверей немногочисленны и, чаще всего, представлены единичными образцами.

Костные остатки, принадлежащие диким видам животных, зарегистрированы только на городище Нижний Чепош-3. Среди этих костных остатков, относящихся к диким видам, обнаружены обычные для района расположения памятника виды копытных (косуля, марал и, вероятно, лось), хищных (медведь, лисица) и зайцеобразных (заяц-беляк), причем с заметным преобладанием костных остатков косу-

ли. Сложилось следующее распределение определимых фрагментов костей диких животных по видам: козуля сибирская – 9, благородный олень или марал – 2, лось – 1, бурый медведь – 1, заяц-беляк – 1, лисица обыкновенная – 1 (табл. 5). Как показал анализ костных остатков диких животных, фрагменты скелетов козули, марала и медведя относятся, скорее всего, к взрослым животным (Онищенко С.С., 2011, с. 99). Минимальное количество особей диких животных, костные остатки которых были обнаружены на городище следующее: козуля – 1-2 особи; марал, лисица, лось, медведь, заяц-беляк – по 1 особи.

Рассмотрев встречаемость фрагментов костей отдельных видов животных в материалах изученных поселений (табл. 6), стоит отметить следующее. На всех поселениях первой половины I тыс. н.э. и в культурном слое Денисовой пещеры были найдены кости козули и марала, причем доля фрагментов костей козули практически во всех случаях составляет половину, на Тыткескене-3 – 70%, а в материалах Денисовой пещеры – 77% от всех фрагментов костей диких животных. Подобная ситуация характерна для многих изученных на Алтае поселений, по крайней мере, начиная с периода неолита. Судя по всему, козуля являлась основным объектом мясного потребления из диких видов животных. Очевидно, это связано с ее широким распространением в исследуемом регионе. Доля фрагментов костей марала составляет от 8 до 11%. Также на всех поселениях и в культурном слое Денисовой пещеры, относящемся к гунно-сарматскому времени, удалось зафиксировать фрагменты костей птицы, однако их количество незначительно относительно общего числа костного материала.

Из «обычных» для культурных слоев поселений гунно-сарматского времени видов животных, которые найдены

на двух или трех поселениях, можно назвать таких как кулан, лось, кабан, лиса, медведь. Из этого числа выделяется кулан, фрагменты костей которого найдены на поселениях Майма-1 и Тыткескень-3. Доля кулана из всех фрагментов костей диких животных составляет от 10 (Тыткескень-3) до 24% (Майма-1). Судя по всему, кулан был распространен на Алтае в тот период. Количество фрагментов костей других видов диких животных имеют меньшую долю среди общего числа фрагментов костей диких животных (рис. 43-46).

Фрагменты костей некоторых видов животных встречены только на одном из поселений. К примеру, костные остатки сибирского горного козла были найдены на поселении Тыткескень-3. Доля фрагментов костей горного козла от общего количества фрагментов костей диких животных составляет 7%. Это весьма существенный показатель. Наличие костных остатков горного козла связано с тем, что район обитания этого животного в первой половине I тыс. н.э. включал устье реки Тыткескень. Более южным ареалом обитания этого животного может объясняться отсутствие фрагментов костей горного козла в материалах поселений Майма-1 и Нижний Чепош-3. Фрагменты костей барсука, сурка и суслика были найдены только на поселении Майма-1. Их доля в общем количестве фрагментов костей диких животных незначительна. Отсутствие этих животных в материалах поселений Нижний Чепош-3 и Тыткескень-3, может быть связано со степенью изученности этих памятников, либо с какими-то другими причинами.

Раннее средневековье

Поселения раннесредневекового периода на Алтае пока неизвестны. Существуют только отдельные находки, выделенные из материалов поселений, основной материал ко-

торых относится к более ранним периодам (Матренин С.С., 2007), но культурные слои тюркского времени на исследованных поселениях до сих пор не выделены. Часто исследователи относят верхние слои изученных поселений к средневековому периоду, отмечая, что без присутствия датированных вещей более узкая хронологическая привязка этих слоев невозможна (Шульга П.И., 1998, с. 151). Поэтому остеологическими данными из поселений мы не располагаем. Тем не менее, есть некоторые определения фрагментов костей диких животных и птиц, обнаруженных при изучении других археологических объектов раннего средневековья.

Так, на могильнике Кудыргэ при исследовании оградок I и XII были найдены птичьи бедро и трубчатая кость (Гаврилова А.А., 1965, с. 14, 16, 17), а под насыпью одиночного кургана Ябоган-I найдены фрагменты костей одной особи козули (Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 72, 73, 75).

Находки костей диких животных при изучении погребальных и поминальных памятников Алтая, связанные с ритуальной пищей, редки. Судя по археологическим и этнографическим материалам, мясо диких животных в погребально-поминальной обрядности не использовалось. Обычно в жертву приносилась овца или лошадь, мясо которых было предназначено для кормления души умершего, а также угощения участвующих в обряде родственников и шамана (Кубарев В.Д., 1984, с. 71; Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003, с. 211). Причем обычно в качестве ритуальной пищи выступало мясо овцы, а лошадь выступала в качестве ездового животного. Поэтому нужно искать дополнительное объяснение фактам находок фрагментов костей диких животных при исследовании погребальных памятников.

Находки фрагментов костей птиц также довольно интересны. Кости птиц иногда встречаются на поселениях

предыдущего периода. Изображения диких и домашних птиц встречаются в пазырыкском изобразительном искусстве (Полосьмак Н.В., 2011, с. 204). Известны также изображения птиц в раннесредневековых петроглифах, в том числе в сценах охоты. Эти птицы изображены в качестве объектов охоты (Елин В.Н., Некрасов В.А., 1994; Миклашевич Е.А., 2006, с. 220).

Фрагменты костей диких животных, обнаруженных в культурных слоях поселений, свидетельствуют об употреблении их мяса в пищу. О потреблении мяса диких животных речь пойдет в следующей главе. Osteологические данные не позволяют в нужной мере охарактеризовать уровень развития пушного промысла. Также стоит отметить, что остеологические данные обладают несколькими значительными недостатками. Во-первых, сохраняется небольшой процент костных остатков, а для большей части фрагментов костей невозможно определить видовую принадлежность. Во-вторых, данные отражают только уровень мясного потребления. В-третьих, некоторые кости попадают в культурный слой естественным путем, а часть костных остатков животных могут иметь отношение к ритуальным действиям (Антипина Е.Е., 2007).

Тем не менее, остеологические данные дают весьма ценные сведения об особенностях хозяйственной деятельности древнего и средневекового населения. Так, находки фрагментов костей взрослых особей диких животных на городище Нижний Чепош-3, скорее всего, свидетельствуют о наличии системы ограничений, контролирующих охотничий промысел. Этнографически засвидетельствовано, что алтайцы на охоте убивали не все попадавшиеся особи. Например, если на охоте попадалась самка, то ее следовало отпустить (Фролова И.Д., 2009, с. 233). Скорее всего, моло-

дых животных также старались сохранить. Молодых зверей и самок добывали лишь при крайней нужде.

Относительно большое количество остатков косуль позволяет рассматривать ее в качестве излюбленного объекта охоты населения, проживавшего на поселениях указанного периода. Впрочем, такая же ситуация зафиксирована на большинстве поселений Горного Алтая, датирующихся как минимум с эпохи неолита, материалы которых подверглись остеологическому анализу (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2005, табл. 2, 3; Гальченко А.В., 1994, с. 15; Гальченко А.В., Шульга П.И., 1992, табл. 1-5; Абдулганеев М.Т., 1991; Киреев С.М., Ларин О.В., 2004, с. 53; Шульга П.И., 1996, с. 111; и т.д.).

Стоит заметить, что кости диких животных могли утилизироваться другим образом, нежели кости домашних животных. После разделки туши убитого марала алтайцы, например, во время охоты производили отделение мяса от костей, а крупные кости бросали в костер с целью приготовить костный мозг (Фролова И.Д., 2009, с. 233). Часть мяса диких животных потреблялась во время промысла. Особенно это касается видов, составлявших объекты пушного промысла.

Итак, отсутствие изученных раннесредневековых поселений, а соответственно и остеологических данных того периода, существенно затрудняет характеристику хозяйственного развития населения. Имеющиеся данные по поселениям гунно-сарматского времени, за исключением городища Нижний Чепеш-3, также нуждаются в пересмотре с использованием современных подходов. Современные методики археозоологического анализа вышли далеко за пределы определения только видовой принадлежности фрагментов костей. Сейчас необходимо получать характеристику изношенности костей, половозрастные определения фрагментов и другие

особенности (Антипина Е.Е., 2004). Только современный подход к изучению археозоологических коллекций способен предоставить достоверные данные для реконструкции особенностей хозяйства древнего и средневекового населения. Кроме того, имеющиеся остеологические данные были получены по разным категориям памятников: поселения, городища и пещера (которая в тот период могла использоваться как культовое место). То есть эти остеологические находки изначально имели различное происхождение.

2.1.2. Вещественные источники.

Вещественные источники, которые можно назвать собственно археологическими, представлены находками, полученными при исследовании памятников. Это вещи так или иначе связанные с охотничьей деятельностью: изделия, относящиеся к снаряжению охотников, а также предметы, изготовленные из сырья, добытого на охоте – кости, рога и шкур диких животных.

Гунно-сарматское время

Снаряжение охотников.

Стрелы представлены находками железных и костяных наконечников стрел и остатками деревянных древков. Деревянные древки стрел являются нечастыми находками, поскольку в большинстве своем не сохраняются в земле. Наконечники стрел являются одной из массовых категорией находок в памятниках I тыс. н.э.

Рассматривая *наконечники стрел*, стоит отметить, что на сегодняшний день сложились различные мнения об их функциональном назначении. Так, некоторые исследователи считают, что костяные наконечники создавались исклю-

чительно как охотничьи. Другие отмечают, что костяные наконечники вполне успешно могли использоваться при ведении боевых действий. Железные наконечники, за редким исключением, рассматриваются только в контексте их принадлежности к комплексу вооружения.

Например, об использовании гуннских железных наконечников стрел на охоте писал С.И. Руденко: «хотя железными наконечниками стрел оснащались главным образом боевые стрелы, возможно, они имелись и у стрел охотничьих» (Руденко С.И., 1962, с. 25). Костяные наконечники с точки зрения их принадлежности к комплексу вооружения в ряде своих работ рассматривает Ю.С. Худяков. В подтверждение использования стрел с костяными наконечниками в военных действиях исследователь приводит факты находок костяков людей, поверженных такими стрелами (Худяков Ю.С., 1986, с. 41-42; 2005а, с. 481). В.А. Кочеев, рассматривая костяные наконечники Алтая скифского времени, также писал, что они использовались не только для охоты, но и для военных целей (Кочеев В.А., 1987). Он отметил, что такие наконечники стрел обладают значительной степенью проникаемости для поражения слабозащищенного противника. Кроме того, в пользу своего мнения он, как и Ю.С. Худяков, привел случаи нахождения костяных наконечников в костяках погребенных. Подобной точки зрения, относительно тагарских костяных наконечников стрел придерживается и А.М. Кулемзин (1976, с. 30, 38).

Стоит отметить интересные выводы, сделанные Е.А. Сидоровым после анализа костяных наконечников стрел I тыс. до н.э. лесостепного Приобья, которые он считал охотничьими. Костяные наконечники стрел были разделены на группы в зависимости от толщины черешков (Сидоров Е.А., 1989). Исследователь предположил, что диаметр древка

стрелы соответствует размеру лука. Самые крупные наконечники, по его мнению, принадлежали к комплекту стрел самострела. Также он отмечал, что размеры и форма стрелы соответствует функциональному назначению стрелы (например, для охоты на крупных или пушных животных).

Однозначное мнение о функциональном назначении костяных наконечников стрел было высказано В.В. Горбуновым: все изделия данного вида должны быть отнесены к категории охотничьего снаряжения. Костяные наконечники стрел, по мнению исследователя, имеют отношение к комплексу орудий труда (Горбунов В.В., 1996, с. 162). Им отмечалось, что костяные наконечники стрел не обладают значительным проникающим эффектом и просты в изготовлении. Не исключая возможности использования костяных наконечников в боевых целях, В.В. Горбунов считает, что все же они создавались для охоты, тогда как «комплекс вооружения включает в себя средства защиты и нападения созданные специально». Исследователь объясняет принадлежность наконечников стрел к охотничьим орудиям простотой изготовления, доступностью материала и достаточной степенью проникаемости для поражения животных.

Постараемся разобраться с использованием костяных наконечников в военных целях, а железных – на охоте. Для определения функционального назначения наконечников стрел возможно использование нескольких категорий источников – археологических, изобразительных, письменных и этнографических материалов.

Как упоминалось выше, исследователи отмечают, что археологические источники иногда свидетельствуют об использовании костяных наконечников для поражения людей. Так, например, погребение молодого мужчины, с пробитой костяным шипастым наконечником стрелы грудиной, было

исследовано нами на могильнике Степушка-2 в 2010 году (рис. 2, 3, 4). Погребение, совершенное в каменном ящике, относится ко второй четверти I тыс. н.э. Подобные случаи были зафиксированы на других памятниках Алтая и сопредельных территорий (Кызласов Л.Р., 1979, с. 171; Худяков Ю.С., 1986, с. 41-42; 2005 с. 481; Матренин С.С., 2013, с. 202; и др.) (рис. 5). Таким образом, использование в I тыс. н.э. костяных наконечников для поражения людей подтверждается конкретными зафиксированными случаями.

Изобразительные материалы также служат хорошим источником для изучения охотничьей деятельности. Ранне-средневековые петроглифы отличаются тщательной прорисовкой отдельных деталей, но изображения наконечников, по которым можно судить об их форме, редки. Относительно детально прорисованный наконечник стрелы изображен в сцене охоты на петроглифах Бичикту-Бома. Сцена охоты пешего лучника на оленя была скопирована А.И. Минорским (1951, рис. 56 – 1). Позднее плита с этой сценой была перевезена в Горно-Алтайский республиканский краеведческий музей им. А.В. Анохина (ныне Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина). Уже в музее изображение лучника было скопировано В.В. Горбуновым (1998, с. 103, рис. 1 – 4). Наконечник стрелы в этих прорисовках различается. При обращении к оригиналу мы удостоверились, что это прорисовки одной и той же фигуры лучника. Об этом свидетельствуют детали антропоморфного изображения (лук, поза стрелка, элементы фигуры), а также рисунок оленя, на которого охотится лучник. Также нами установлено, что копия, снятая В.В. Горбуновым, ближе к оригиналу, чем копия А.И. Минорского.

Прорисовка А.И. Минорского ранее была использована одним из авторов при выделении пласта петроглифов

Алтая гунно-сарматского времени (Соенов В.И., 2003а, в). Изображение лучника из Бичикту-Бома было отнесено к этому периоду по форме наконечника. Однако, исходя из копии В.В. Горбунова и дополнительного изучения оригинала рисунка, сейчас можно сделать вывод, что изображение лучника относится к периоду раннего средневековья, возможно, к раннетюркскому времени. Ярусные наконечники стрел наиболее широко были распространены в гунно-сарматское время (Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т., 1991), но продолжали использоваться в раннетюркское время (например: Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, рис. 2 – 3; Соенов В.И. и др., 2009, рис. 8 – 1 и др.). В пользу датировки бичикту-бомовской сцены второй половиной I тыс. н.э. говорит изображение оленя, выполненное в стиле, характерном для раннесредневековых петроглифов. Таким образом, можно предполагать, что перед нами раннесредневековое изображение пешего охотника, стреляющего в оленя стрелой с ярусным наконечником.

Говоря о других раннесредневековых изображениях стрел, стоит отметить, что они прорисованы довольно схематично. Судя по рисунку на костяных накладках луки седла из могильника Кудыргэ, ромбическим наконечником стрелы был вооружен изображенный там конный охотник (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927, табл.). Также изображение ромбического наконечника стрелы известно в сцене охоты у с. Туэкта в Центральном Алтае, где стрелой с таким наконечником снабжен конный охотник (Миклашевич Е.А., 2006, рис. 5; 13 – 1). Пеший охотник в этой сцене вооружен стрелой с наконечником, трудноопределимым типологически. С некоторой долей условности можно отметить, что здесь изображен наконечник какой-то «сложной» формы. Это мог быть ярусный наконечник, либо наконечник со свистункой и т.п.

В других сценах наконечники стрел прорисованы схематично. Чаще всего они представлены овальными и вытянутоовальными формами или формами, схожими с ромбическими (Черемисин Д.В., 2004, рис. 9; Кубарев В.Д., 2007, рис. 1 – 5; и др.). Иногда наконечники вовсе не изображались, было нарисовано только древко (Ямаева, Е.Е., 2010, рис. 1 на стр. 40). Как правило, стрелы прорисовывались с оперением.

Для реконструкции особенностей использования отдельных видов наконечников хорошим источником могут послужить письменные материалы. Определенный интерес представляет специальный трактат об использовании арабского лука и стрел к нему, который был написан предположительно в XV веке неизвестным лучником(?) родом из Марокко. Сейчас перевод трактата на английский язык находится в свободном доступе в сети интернет (Arab Archery, 1945). Этот источник использовался А.Ф. Медведевым в качестве иллюстрации некоторых моментов, связанных с конструкцией и использованием средневекового лука и стрел (Медведев А.Ф., 1966). Трактат важен тем, что в нем подробно описывается конструкция лука, формы наконечников стрел и особенности их использования в тех или иных случаях. Несмотря на то, что источник не касается изучаемого региона и относится к значительно более позднему времени, тем не менее, он содержит важные для нашего исследования сведения.

Автор трактата рассматривал лук и стрелы с точки зрения их военного назначения. В главе XXXVIII им были описаны различные типы наконечников стрел, способы крепления наконечников и оперения к древку стрелы (Arab Archery, 1945). Для нас трактат ценен тем, что выделяя разные типы наконечников, автор отмечал особенности их использования. Исходя из текста источника, можно разделить

описанные там наконечники на две группы по функциональному назначению: бронебойные, используемые для пробивания щитов и доспехов, и наконечники, предназначенные для стрельбы по слабозащищенным противникам и животным. Таким образом, средневековый автор, хорошо знакомый с особенностями использования лука и стрел не разделял их на охотничьи и военные.

Благодаря этнографическим источникам мы узнаем, что существует довольно большое количество вариаций наконечников стрел, предназначавшихся для охоты на ту или иную добычу. Эти источники говорят об использовании как костяных, так и железных наконечников в охотничьих целях (Шатилов М.Б., 1931, с. 149; Попов А.А., 1958, с. 32-34; Жамбалова С.Г., 1991, с. 58-59; Потапов Л.П., 2001; и др.). Приведем очень подходящие слова этнографа Е.Д. Прокофьевой (2011, с. 189), которая при описании комплекса охотничьих стрел тувинцев написала так: «этими стрелами били зверя, с ними же и воевали».

Кроме прочего, этнографические материалы свидетельствуют о том, что на охоте использовались стрелы, издававшие свист при полете. Они применялись охотниками-алтайцами для вспугивания белки. Также свист этой стрелы останавливал на мгновение марала, чем пользовался охотник для прицельного выстрела (Потапов Л.П., 2001, с. 62). К сожалению, мы не нашли описания форм таких стрел, и поэтому сложно сопоставить их со стрелами, имеющими свистунки, происходящими из памятников I тыс. н.э.

По мнению отдельных исследователей, костяные свистунки на железных наконечниках стрел были муфтами, предохраняющими древко стрелы от раскалывания при попадании в цель. В пользу этого говорят случаи находок свистунок без отверстий (Худяков Ю.С., 1986, с. 150). Но в ал-

тайских материалах гунно-сарматского времени есть также костяные наконечники со свистунками (Суразаков А.С., 2002б, с. 180; Соенов В.И., 2005б, рис. 1 – 5, 6) (рис. 6 – 1-3). Это втульчатые наконечники, которым не требуется муфта. Судя по таким находкам и этнографическим данным, можно сделать вывод, что изначальная функция свистунок – издавать свист при полете.

В этом контексте интересно известное предание, записанное китайским летописцем, о будущем гуннском шаньюе Моде (Бичурин Н.Я., 1950, с. 47). Это предание описывает процесс его прихода к власти. Там рассказывается, что Моде сделал стрелу со свистункой и тренировал своих воинов на охоте, чтобы они стреляли вслед этой стрелы. Судя по всему, это была сигнальная стрела. Использование сигнальных стрел на охоте, которая играла роль военной тренировки, в очередной раз подтверждает близость военного дела и охотничьей деятельности.

Иногда при исследовании археологических памятников находят «тупые» костяные или деревянные наконечники стрел, известные по этнографическим источникам как *томар* или *томор*. Находки таких стрел известны в памятниках I тыс. н.э. Алтая и сопредельных территорий (Гаврилова А.А., 1965, с. 23, табл. XI – 1-7; Суразаков А.С., 2002в, с. 198; Молодин В.И., Ефремова Н.С., 2010, с. 80, 108; Вайншейн С.И., Дьяконова В.П., 1966, табл. III – 47-51; Дьяконова В.П., 1970, табл. I – 61, 62; Овчинникова Б.Б., 1981, рис. 1 – 5; и др.). Эти наконечники предназначались для охоты на пушных зверьков. Они не повреждали шкурки, а лишь оглушали добычу.

Из курганов гунно-сарматского времени Верхней Капуни происходят треугольные плоские костяные изделия, подобные которым А.А. Гаврилова интерпретировала как

наконечники стрел для самострела (Гаврилова А.А., 1965, с. 57, рис. 5 – 1; Соенов В.И., 2005б, с. 53). Нам не удалось найти аналогии этим наконечникам в этнографических материалах и сейчас трудно представить, как использовался этот тип наконечника стрелы. Стоит заметить, что по этнографическим данным, наконечники стрел охотничьего самострела и лука не различались по формам (Попов А.А., 1958, с. 34), лишь «тупые» стрелы (*томар* или *томор*) были предназначены исключительно для стрельбы из лука.

Наконечники схожих форм были найдены при раскопках раннесредневековых памятников в Туве, однако из какого материала были изготовлены тувинские наконечники, не было уточнено (Грач А.Д., 1960, с. 47, рис. 46, 50; 1961, с. 21, рис. 10), а по черно-белым фотографиям и схематичным прорисовкам определить железные они или костяные довольно затруднительно. По свидетельствам этнографов, тувинцы использовали стрелы для самострела только с железным наконечником (Прокофьева Е.Д., 2011, с. 193). Вполне вероятно, что в первой половине I тыс. н.э. алтайскими охотниками при установке самострелов могли использоваться стрелы с костяными наконечниками.

Итак, анализ источников показал, что на охоте (впрочем, как и на войне) использовались и железные, и костяные наконечники стрел. Специализированными охотничьими наконечниками стрел, которые использовались только на охоте, являются «тупые» деревянные и костяные наконечники – *томор* или *томар*. Также к охотничьим орудиям можно отнести треугольные изделия, предположительно являющиеся наконечниками стрел самострела.

Другие наконечники использовались как на охоте, так и во время военных действий. В пользу принадлежности костяных наконечников к одному комплексу с железными

говорят их находки в одном колчане. Исключением являются бронебойные наконечники, стрелы с которыми использовались только в военных целях. Их отличие от других стрел подтверждается противоположным расположением в колчане, относительно трехлопастных наконечников стрел. Такая тенденция была зафиксирована в некоторых памятниках раннего средневековья (Кубарев Г.В., 2005а, с. 87). В связи с этим основной комплект наконечников стрел, по нашему мнению, является универсальным, созданным для поражения противника и охотничьей добычи.

Таким образом, к специализированным охотничьим наконечникам стрел относятся «тупые» костяные наконечники стрел. Такие наконечники были найдены в культурном слое раннего железного века святилища Кучерла-1 (Грот Куйлю) (Молодин В.И., Ефремова Н.С., 2010, с. 80, рис. 70 – 9-10). Вполне вероятно, что часть материалов из этого слоя может относиться к гунно-сарматскому времени. Об этом могут свидетельствовать некоторые костяные изделия и фрагменты керамической посуды. Так, находки трубчатых костей с отверстием известны в памятниках гунно-сарматского времени Тувы и Алтая (Девлет М.А., 2010, с. 173, 176-177; Соенов В.И. и др., 2011, с. 23) и в катакомбных погребениях Тувы, датировка которых вызывает дискуссию среди исследователей (Кызласов Л.Р., 1979, с. 166, рис. 123 – 1). Также в культурном слое святилища Кучерла-1 (Грот Куйлю), датированном ранним железным веком, найдена керамика (Молодин В.И., Ефремова Н.С., 2010, с. 90), схожая с керамикой поселений и городищ майминской культуры гунно-сарматского времени по орнаментации и качеству изготовления (Абдулганеев М.Т., 1992, с. 53; 1997б, с. 74; 1998, с. 167; Абдулганеев М.Т. и др., 1995, рис. 1, 2; Абдулганеев М.Т. и др., 2001, с. 96; Киреев С.М., 1986, с. 171, 173; Киреев С.М., 1991, с. 87;

1995, с. 136; Киреев С.М. и др., 2008, рис. 79; Скопинцева Г.В., 1993, с. 63; Кунгуров А.Л., Горбунов В.В., 1993, с. 100-101; Акимова Т.А., 2008, с. 38-39; Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., 2009, рис. 17; Соенов В.И., 2010а, рис. 1; Соенов В.И., Константинов Н.А., 2011, с. 186; Соенов В.И. и др., 2011, с. 34; и др.).

Древки стрел. Археологически хорошо сохранившиеся древки стрел известны по находкам из нескольких памятников. Наиболее ранние находки сохранившихся деревянных древков стрел гунно-сарматского времени происходят из ранней группы погребений могильника Яломан-II (Тишкин А.А., 2011, с. 169) (рис. 7). Другие образцы древков стрел гунно-сарматского времени и их фрагментов найдены в погребениях могильников Кок-Паш, Верх-Уймон (к. 13), Яломан-II (к. 31), и в пещерном погребении в долине реки Кам-Тыттугем. В последнем были найдены древки стрел, выполненные из взрослой березовой древесины. Длина древков составляла 75 см. В некоторых древках сохранились железные черешки наконечников стрел, в одном случае на древке был зафиксирован расщеп под плоский черешок, судя по всему, костяного наконечника (Семенов А.И., 1995, с. 148). В верхней части под наконечником древко было обклеено узкой полоской древесной коры. На концах древков были зафиксированы оформленные ушки – вырезы под тетиву, раскрашенные красной краской. Также были зафиксированы следы краски белого и коричневого цвета (Худяков Ю.С., Эбель А.В., Кочеев В.А., 1998, с. 282) (рис. 11 – 7, 11).

В материалах кургана №31, относящегося к поздней группе погребений предтюркского времени могильника Яломан-II, зафиксировано 33 древка стрелы и 31 железный наконечник (Тишкин А.А., Мильников В.П., 2008, с. 96-97) (рис. 9 – 1). Древки были изготовлены из березы, длина их

составляла 70 см. Некоторые экземпляры были составными. Большинство древков в месте крепления оперения имеют следы красной или черной краски.

В верх-уймонских материалах также имеются наконечники стрел с остатками деревянных древков стрел. Они были округлые в сечении и сужающиеся к концу с наконечником. Сохранились остатки бересты и ниток, которыми древки обтягивались под наконечником при его креплении (Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 41).

Луки. Находки остатков лука, чаще всего представленные костяными накладками, являются одной из массовых категорий вещей, обнаруживаемых на памятниках I тыс. н.э. Находки хорошо сохранившихся деревянных киби-тей луков, напротив, нечастая находка. Тем не менее, на нескольких памятниках зафиксированы сохранившиеся фрагменты кибити. Эти предметы позволяют представить особенности конструкции лука.

Наиболее ранними находками остатков луков из памятников гунно-сарматского времени является серия костяных накладок из памятников Пазырык, Усть-Эдиган, Чендек, Сары-Бел и Яломан-II. На последнем, в кургане №62, относящемся к ранней группе погребений памятника (II в. до н.э. – I в. н.э.), кроме прочего, были найдены деревянные фрагменты кибити лука (Тишкин А.А., 2011, с. 169, рис. 3 – 10-11) (рис. 7). По находкам из этих памятников можно выделить незначительные отличия от более поздних конструкций лука. Так, для раннего этапа развития гуннского лука можно отметить форму срединных накладок на лук: они «сегментовидные» (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2006), основания их чаще всего прямые, а концы заостренные. Но, говоря в целом, их отличия от более поздних луков незначительны. Уже в ранних памятниках конца I тыс. до н.э. –

начала I тыс. н.э. наряду с различными вариантами (Худяков Ю.С., 1997, с. 28-29), фиксируются луки с семью накладками – «классический» тип гуннского лука, который был наиболее распространен на больших пространствах в гунно-сарматское время.

К несколько более поздним находкам деревянных остатков лука относятся предметы из мумифицированного пещерного погребения в долине реки Кам-Тыттугем (Семенов А.И., 1995, с. 148-149; Худяков Ю.С., Эбель А.В., Кочеев В.А., 1998, с. 281-282) и из кургана №31 могильника Яломан-II (Тишкин А.А., Мыльников В.П., 2008, с. 96). Кам-тыттугемский лук сконструирован из нескольких деталей, изготовленных из тополя (Семенов А.И., 1995, с. 148). К деревянной основе были приклеены костяные накладки и оплетены сухожилиями (рис. 11). Реконструируемая длина лука составляет около 2 м. Лук из погребения в пещере на р. Кам-Тыттугем датируется предтюрокским временем – III-V вв. н.э. (Худяков Ю.С., Эбель А.В., Кочеев В.А., 1998, с. 284). Яломанский лук был сделан из нескольких деталей, изготовленных из березы. Деревянная основа обклеивалась костяными накладками (Тишкин А.А., Мыльников В.П., 2007, с. 161). Реконструируемая длина лука составляет 143-150 см (рис. 9 – 2). На могильниках Булан-Кобы-IV и Кок-Паш использовались накладки, изготовленные из полого рога (Бородовский А.П., 1997, табл. 55 – 49-50).

Колчаны, саадаки. Остатки деревянного колчана найдены во впускном погребении кургана 9 могильника Кызыл-Джар-I. В колчане находились стрелы с железными наконечниками. Стрелы укладывались в колчан наконечниками вниз (Могильников В.А., 1983, с. 14).

В пещерном погребении в верховьях реки Кам-Тыттугем найдены остатки футляров, в которых хранились

стрелы и лук. Колчан и налучье(?) были сшиты из шкур, мехом наружу. На колчане зафиксирован вырез под тип известного на берестяных колчанах «кармана» (Семенов А.И., 1995, с. 147). Другие исследователи этого комплекса отмечали, что футляры могли быть скреплены между собой и представлять саадак, аналогичный оглахтинскому, в котором хранились и стрелы и лук, либо они являлись частями одного порванного пополам колчана. Футляр, предназначенный для хранения стрел, имел «наклонную горловину, обшитую полоской выделанной кожи красного цвета». В верхней части сохранилась кожаная петля для подвешивания (Худяков Ю.С. Эбель А.В., Кочеев В.А., 1997, с. 283) (рис. 12).

В кургане 31 могильника Яломан-II были найдены остатки колчана в виде круглого деревянного дна и крышки, к которым пришивалась толстая ткань (Горбунов В.В., 2006, с. 45, рис. 11 – 4; Тишкин А.А., 2011, рис. 4 – 5). Края ткани сшивались через вертикальную деревянную планку. У горловины была вшита деревянная планка с прорезами под ремни. В верхней части колчан был украшен аппликацией из тонкой коры (рис. 9 – 3, 4; 10 – 4).

В кургане 19 могильника Степушка-1 найдены остатки кожаного колчана с деревянным орнаментированным дном и железной скобой для крепления (Кирюшин Ю.Ф. и др., 2011, с. 95).

Изделия из кости и рога.

Некоторые вещи, находимые при исследовании памятников конца I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. изготавливались из рога, который добывался на охоте. Но стоит учитывать, что значительная часть рогового сырья могла добываться при сборании сброшенных рогов (Бородовский А.П., 1997, с. 118). Однако изделия из зубов и когтей диких животных и птиц, очевидно, являются продуктами охотничьей деятельности.

Многие изделия, найденные на памятниках исследуемого периода, были названы роговыми, то есть подразумевается, что они были сделаны из рога. К сожалению, в большинстве публикаций, предметы, называемые «роговыми» (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, рис. 30, 33, с. 113; Гаврилова А.А., 1965, с. 22-27; Мамадаков Ю.Т., 1985, с. 173; Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 43; Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 71-72; Соловьев А.И., 1999, с. 124; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, с. 109-110; и многие др.), не определялись специалистами. По крайней мере, публикации не содержат сведений об этом. Чаще всего такие заключения делались самими археологами в процессе описания, поэтому видовая принадлежность рогов, которые использовались при изготовлении вещей, не была определена. Напротив, многие изделия из рога называются исследователями костяными.

В то же время, по мнению специалистов в области косторезного дела, большая часть предметов, связанных с этим направлением хозяйственной деятельности, изготовлена из рога (Бородовский А.П., 2007б, с. 3). Поэтому многие вещи, обозначаемые в публикациях «костяными», были изготовлены из рогового сырья. Но поскольку в большинстве случаев предметы не рассматривались специалистами и видовая принадлежность этих находок не определена, учитывать их здесь мы не можем.

Довольно частыми находками являются подвески из когтей животных или птиц. Так, в литературе содержатся сведения о находках изделия из когтя на могильнике Булан-Кобы-4 (Бородовский А.П., 1997, с. 75, табл. 39 – 7). Две подвески из когтей медведя были найдены на могильнике Белый Бом II в погребении 3 кургана 10 и погребении 3 кургана 14 (Глоба Г.Д., 1983, с. 117, 120) (рис. 24 – 3, 4).

Находки когтей птиц известны на нескольких памятниках. Находка просверленного когтя птицы известна по материалам могильника Верх-Уймон (Соенов В.И., 2005, рис. 65 – 7). Также подвеска из когтя птицы была найдена на могильнике Степушка-2 (Соенов В.И., 2011) (рис. 24 – 1). Подвеска из когтя крупной птицы найдена при исследовании фортификационных сооружений городища Нижний Чепош-3 (Соенов В.И. и др., 2011, с. 28-33) (рис. 24 – 2).

В алтайских материалах гунно-сарматского времени известны находки подвесок из зубов диких животных, представляющие собой одну из категорий украшений этого периода (Трифанова С.В., 2006).

Так, две подвески из клыков марала были найдены в кургане 11 и кургане 21 могильника Бике I (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 61, 74); изделия из клыков животных были найдены в объекте 29 могильника Улуг-Чолтух (Худяков Ю.С., 2005а, с. 483); семь подвесок из клыков марала происходят из женского погребения объекта 2 могильника Степушка-2 (Соенов В.И., 2011, с. 26) (рис. 19; 20); две подвески из клыков марала содержатся в материалах могильника Айрыдаш-1. Интересны находки подвесок из зубов животного (марала?) с бронзовой проволокой, обнаруженные в кургане 13 могильника Верх-Уймон (Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 26). Шесть подвесок из зубов марала были найдены в разрушенном погребении в долине реки Бугузун (Киреев С.М., Штанакова Е.А., Моносов В.М., 2012, с. 88) (рис. 21). Стоит отметить, что одна из бугузунских подвесок неоднократно подновлялась в процессе использования: на нем зафиксированы три отверстия. Первоначально было сделано отверстие в верхней части, после его износа проделано следующее, а последним было сделано отверстие, расположенное в центре.

Использование зубов и когтей определенных видов животных и птиц в качестве украшений наводит на мысль о большом значении этих животных в мировоззрении населения исследуемого периода (Трифанова С.В., 2006, с. 17).

Важность сырья, добываемого на охоте, подтверждают находки орудий труда, выполненных из кости и рога диких животных и птиц. Например, на Черемшанском городище обнаружена проколка из отростка рога косули (Киреев С.М., 1991, с. 86), а на поселении Усть-Куба был обнаружен стерженок из расколотой вдоль птичьей кости (Киреев С.М., Ларин О.В., 2004, с. 54) (рис. 22).

Довольно редкая находка сделана при проведении аварийных раскопок на могильнике Курайка. В объекте 24 было обнаружено землеройное орудие – заступ-пешня, которое представляло собой двусоставное изделие из рога марала (Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соенов В.И., 2008, с. 44, 45-46) (рис. 23).

Раннее средневековье

Снаряжение охотников.

Наконечники стрел. Как упоминалось выше, в работе рассматриваются только специализированные охотничьи наконечники стрел. Охотничьи наконечники стрел периода раннего средневековья были обнаружены на могильнике Кудыргэ в могиле 5 (Гаврилова А.А., 1965, с. 23, табл. XI – 1-7) (рис. 13). Кроме того, А.А. Гаврилова упоминает о находках стрел с такими наконечниками на могильниках Курай V (в кургане 1) и Туэкта (в кургане 4) (там же, с. 30). Эти деревянные наконечники предназначались для охоты на пушного зверя, поскольку они не пробивали шкурку, сохраняя ее качество (Суразаков А.С., 2002в, с. 198).

Древки стрел найдены на нескольких памятниках второй половины I тыс. н.э. в Южном и Центральном Алтае (Кубарев Г.В., 2005а, с. 87) (рис. 14). Эти древки были выполнены из ивы, реконструируемая длина составила 70-80 см. Ушки были окрашены в красный цвет, рядом с ушками имеются метки в виде красных или черных полосок. В месте крепления наконечников стрел древки имеют следы обрачивания берестой.

В кургане 85 могильника Кара-Кобы-I на некоторых сохранившихся древках стрел также были зафиксированы метки красной краской (Могильников В.А., 1997, с. 206). Судя по размерам колчана, предположительно установленная длина стрел вместе с наконечниками составляла 80-83 см (там же, с. 207).

Луки. Из памятников второй половины I тыс. н.э. происходит значительное количество остатков костяных накладок лука, однако, находки сохранившихся деревянных фрагментов кибитей лука немногочисленны.

В кургане 1 могильника Курай IV были найдены остатки лука. Деревянная кибить этого лука была снабжена двумя срединными костяными накладками. Общая длина лука составила 1,1 м (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 110).

На могильнике Кудыргэ в могиле 22 сохранились следы древесины от кибити лука. Использовалась древесина лиственной породы, возможно, рябины (Гаврилова А.А., 1965, с. 30). Реконструируемая длина этого лука составляла около 1,1 м.

В кургане 85 могильника Кара-Коба-I зафиксированы остатки лука с двумя срединными накладками. Судя по сохранившимся фрагментам, кибить этого лука была обернута берестой (Могильников В.А., 1997, с. 204). Также важным моментом, связанным с этой находкой является то, что уда-

лось определить материал, из которого изготовлены накладки. Археозоологом Е.Е. Антипиной установлено, что они были сделаны из расщепленного вдоль ребра крупного парнокопытного животного (КРС, лось или марал). Отмечалось, что накладки изготовлены из разных частей ребра: одна накладка была выполнена из внешней части ребра, а другая – из внутренней.

Найденные в погребении 29 могильника Юстыд XII деревянные фрагменты кибити лука свидетельствуют об его изготовлении из нескольких деревянных деталей (Кубарев Г.В., 2005а, с. 83, 370). Предполагаемая длина этого лука составляла 138 см.

Во второй половине I тыс. н.э. накладки лука становятся короче, общая длина лука также уменьшается (Худяков Ю.С., 1986, с. 142; Горбунов В.В., 2006, с. 26) (рис. 15; 16). Однако на раннем этапе развития тюркской культуры продолжает использоваться лук близкий к предшествующим типам. Стоит отметить, что, несмотря на вариативность раннесредневековых луков, наиболее распространенным в это время был лук с двумя срединными боковыми накладками (Кубарев Г.В., 2005а, с. 84).

Колчаны. Известна серия находок остатков раннесредневековых колчанов. Однако большинство из этих колчанов сохранились только фрагментарно. Тем не менее, в погребениях этого периода встречаются находки, имеющие довольно хорошую сохранность.

В кургане 1 могильника Курай III был найден берестяной колчан, расширяющийся к низу (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 96) (рис. 17 – 1). Это изделие относится к типу колчанов с «карманом» (Худяков Ю.С., 1986, с. 151). В кургане 1 могильника Курай IV найдены остатки берестя-

ного колчана, расширяющегося к низу (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 110).

На могильнике Кудыргэ найдено несколько колчанов. Все они были плохой сохранности. Судя по сохранившимся фрагментам, все кудыргинские колчаны изготовлены из бересты. Наиболее хорошо сохранившееся изделие из могилы 5 А.А. Гаврилова (1965, с. 30) отнесла к типу колчанов со срезанным верхом. Стрелы в кудыргинских колчанах хранились наконечниками вверх. Некоторые колчаны украшались бронзовыми пластинками. Колчаны крепились к поясу при помощи крюков или пряжек.

В одиночном кургане Ябоган-I также были найдены остатки берестяного колчана. Длина целого колчана составляла 95 см. Изделие расширялось к низу. Стрелы в колчане хранились наконечниками вверх (Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 71, 73).

Колчан из кургана 85 могильника Кара-Коба-I изготовлен из двух слоев бересты (Могильников В.А., 1997, с. 207). В верхней и нижней частях колчан был укреплен берестяными лентами. Деревянное дно не сохранилось. Длина целого изделия составляла 88 см. Было установлено, что колчан подвешивался к поясу на двух тройниках.

Из раннесредневековых погребений, опубликованных Г.В. Кубаревым, происходит несколько колчанов, сохранность которых позволяет представить их первоначальную форму (Кубарев Г.В., 2005а, с. 88).

Хорошо сохранившийся колчан был найден в погребении кургана 29 могильника Юстыд XII (Кубарев Г.В., 2005а, с. 88, 370). Общая длина колчана составляет 92 см, длина щитка – 15 см. Колчан был изготовлен из куска бересты. Изделие расширяется к низу. С левой стороны колчана зафиксированы два отверстия под ремни, на которые он

подвешивался. Сохранилась часть костяных и деревянных накладок, крепившихся в центре и по бокам колчана. На задней части предмета сохранились следы от деревянной планки (Рис. 17 – 3; 18).

Другие хорошо сохранившихся колчаны из этой серии были найдены на могильниках Ташанта III, курган 10; Барбургазы I, курган 20; Барбургазы II, курган 9; Ак-Кобы, курган у изваяния; Талдуаир I, курган 6. На других памятниках степень сохранности колчанов была гораздо хуже (Кубарев Г.В., 2005а, с. 88-89). По приведенному общему описанию изделия обладают следующими характеристиками. Их общая длина варьируется в пределах 85-95 см, высота щитка – в пределах 15-20 см. Все колчаны расширяются к низу, на задней части изделий регистрируется след от деревянной планки. На некоторых колчанах зафиксирована орнаментация верхней или нижней части. В одном случае отмечены прикрепленные к колчану железные пластины. В двух случаях были зафиксированы особенности конструкции колчанов, изготовленных из плашек, обернутых берестой.

Колчан из кургана 5 могильника Усть-Бийке-III был выполнен из одного куска бересты. В связи с плохой сохранностью изделия в полевых условиях была выполнена его графическая реконструкция. Сохранились костяные накладки и деревянные планки для скрепления краев колчана (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 62). В реконструированном виде колчан отнесен к типу открытых (Горбунов В.В., 2006, с. 46).

Традиционно исследователями выделялось два типа колчанов: со срезанным верхом (закрытый) и с карманом (по-другому еще называют «со щекой» или «со щитком») (открытый) (Гаврилова А.А., 1965, с. 30; Худяков Ю.С.,

1986, с. 151; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 77; Горбунов В.В., 2006, с. 46 и др.). Г.В. Кубарев считает, что все обнаруженные раннесредневековые колчаны относятся к типу открытых колчанов «с карманом» или «со щитком». Ошибочное, по его мнению, выделение группы закрытых колчанов исследователь связывает с недостаточной сохранностью найденных изделий, отнесенных к этой группе (Кубарев Г.В., 2005а, с. 90). В.В. Горбунов, напротив, пишет, что на протяжении III-XIV вв. использовались два типа колчанов: с открытым ровным верхом и колчаны с карманом (Горбунов В.В., 2006, с. 46). Причем исследователь отмечал, что в колчанах первого типа стрелы располагались наконечниками вверх, а в колчанах второго типа – наконечниками вверх или вверх и вниз.

Раннесредневековые колчаны подвешивались на двух ремнях к специальному саадачному (стрелковому) поясу, в наклонном положении. Этот пояс одевался вместе с основным и застегивался на так называемый колчаный крюк (Кубарев Г.В., 1998).

Изделия из рога и меха.

Вещи из рога и кости являются довольно частой находкой в материалах памятников тюркского времени Алтая. Однако сырье многих изделий не определено до видовой принадлежности, не изучено специалистами, поэтому использование этих предметов в нашем исследовании невозможно.

Кроме прочего, в одном из погребений могильника Кудыргэ был найден зуб марала. В обобщенном описании С.И. Руденко и А.Н. Глухова приводятся сведения, что зуб марала найден в одном из женских погребений (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927, с. 42). В работе А.А. Гавриловой зуб марала отнесен к комплексу могилы 15, в которой, по ее определению, был погребен мужчина (Гаврилова А.А.,

1965, с. 26). Отмечалось, что зуб не просверлен, судя по всему, носился в мешочке и исполнял роль амулета (Гаврилова А.А., 1965, с. 37-38).

Две подвески из зубов марала были найдены в погребении кургана 6 могильника Катанда-3 (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1999, рис. 5 – 8, 11) (рис. 25 – 3, 6).

Когти хищной птицы найдены в кургане №2 могильника Дялян (Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1992, с. 86).

В погребениях могильника Кудыргэ были найдены роговые псалии. По мнению исследователей, изделия выполнены из рога оленя (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927, с. 47). Также на могильнике обнаружены изделия, названные роговыми, но, как уже говорилось выше, вещи, сырье изготовления которых не определено до видовой принадлежности, мы не использовали в своем исследовании. Как отмечал С.В. Киселев (1951, с. 525), алтайские раннесредневековые резные изделия выполнялись, главным образом, из рога марала.

Четыре рога косули были найдены вместе с комплексом раннесредневековых вещей в гроте в верховьях реки Большой Яломан (Кочеев В.А., 1999, с. 175). По мнению автора, этот клад связан с жертвоприношением, относящимся к культу гор, который был широко распространен у населения Саяно-Алтая (там же, с. 177).

Находки изделий из меха редки и часто фрагменты меха не определимы в силу их плохой сохранности. Тем не менее, известно несколько случаев находок фрагментов меха диких животных в погребениях тюркского времени. Так, в могиле 5 могильника Кудыргэ были найдены остатки меховой одежды. С.И. Руденко и А.Н. Глухов отмечали, что при изготовлении этой одежды использовался мех соболя и других животных (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927, с. 41).

Ряд находок фрагментов шуб, изготовленных, в том числе, из меха сурка и каменной куницы, зафиксирован в погребениях тюркского времени, изученных в Юго-Восточном Алтае (Кубарев Г.В., 2005а, с. 46).

Итак, разбор артефактов, связанных с охотой, из памятников Горного Алтая I тыс. н.э. позволяет охарактеризовать снаряжение охотников. Судя по находкам, основным охотничьим оружием являлся лук со стрелами. На протяжении длительного времени с конца I тыс. до н.э. по середину I тыс. н.э. в военном деле и на охоте использовались сложносоставные луки гуннского типа. Одни из ранних находок лука этого типа известны на Алтае и происходят из позднепазырыкского погребения на могильнике Чоба-V (Киреев С.М., Алехин А.В., Фуршатов А.В., 1990; Кочеев В.А., 1997, с. 151). Конструктивные особенности лука гуннского типа использовались и во второй половине I тыс. н.э. (Савинов Д.Г., 1981, с. 148). Однако в это время максимальное распространение получил лук только с двумя срединными накладками (Савинов Д.Г., 1981, с. 149; Кубарев Г.В., 2005а, с. 83). Накладки в этот период становятся меньшей длины, чем накладки луков предыдущего периода. Значительное укорачивание лука сказалось на эффективной дальности стрельбы (Горбунов В.В., 2006, с. 26).

При проведении исследований памятников I тыс. н.э. были найдены специализированные охотничьи наконечники стрел, предназначенные для охоты на пушных зверьков. Это говорит о существовании довольно развитого пушного промысла. Однако стоит отметить относительную немногочисленность таких находок. Интересно, что в раннем средневековье деревянные тупые наконечники стрел входили в состав погребального инвентаря. Возможно, использовались самострелы, о чем могут свидетельствовать находки

изделий, определенных как наконечники стрел для самострела (Гаврилова А.А., 1965, с. 57).

Изделия, выполненные из материала, полученного на охоте – кости, рога, зубов, когтей, меха диких животных и птиц, свидетельствуют не только о важном сырьевом значении охотничьей деятельности, но также позволяют обозначить некоторые мировоззренческие аспекты отношения к диким зверям и птицам. После анализа вещественных источников по данной тематике, мы уверены в необходимости внедрения обязательных исследований археологических коллекций специалистами из области зоологии и других естественнонаучных дисциплин. Определение видовой, анатомической принадлежности сырья, из которого изготовлены вещи, позволит более полно представить конкретные моменты, связанные с добычей диких животных, а также выявить особенности производства этих предметов.

2.2. Изобразительные источники.

В эту категорию источников входят сцены охоты, изображенные на скалах и на предметах материальной культуры. Большое количество изображений объектов охоты известно в наскальном искусстве, а также многие изделия были украшены изображениями зверей или их детали оформлялись в виде головы или других частей тела диких животных. Изображения диких животных в некоторых случаях позволяют определить основные объекты охоты. Но главную роль эти источники играют при анализе мировоззренческих основ охотничьей деятельности. В настоящей работе мы использовали только сцены охоты, а отдельные изображения животных рассматривали лишь в качестве аналогий.

Гунно-сарматское время

Несмотря на довольно многочисленные попытки выделения наскальных рисунков Алтая гунно-сарматского времени (Окладникова Е.А., 1988, с. 148; Елин В.Н., Тамимов А.М., 1992, с. 78; Кубарев В.Д., 1999, с. 190; Соенов В.И., 2003в; Кубарев Г.В., 2004, с. 77-78; Еркинова Р.М., Кубарев Г.В., 2004, с. 90; Миклашевич Е.А., 2006, с. 222; Штанов Е.С., 2008; и др.), этот вопрос далек от окончательного решения. В данной работе мы рассмотрим сцены охоты, датировка которых гунно-сарматским временем выглядит убедительной. Хронологическая принадлежность сцен охоты, относимых Г.В. Кубаревым к гунно-сарматскому времени (Кубарев Г.В., 2004, с. 77-78; Еркинова Р.М., Кубарев Г.В., 2004, с. 90) требует дополнительной аргументации. Схематичный стиль исполнения этих изображений не позволяет датировать их в рамках какого-либо одного исторического периода. Стоит отметить, что эти рисунки имеют общие черты, как с этнографическими петроглифами, так и с рисунками на накладках луков из могильников Яломан-II и Кок-Паш.

В публикуемой работе мы основываемся на своем опыте выделения ряда алтайских наскальных изображений в группу петроглифов гунно-сарматского времени путем привлечения аналогий из таштыкских рисунков и изображенных реалий (Соенов В.И., 2003в). Среди этих изображений есть несколько сцен охоты из Калбак-Таша-I (там же, с. 101, рис. 1 – 4; 3 – 1, 2), которые можно дополнить недавно опубликованной сценой охоты из междуречья рек Ак-Кол и Кара-Оюк (Окладникова Е.А., Слободзян М.Б., 2009, с. 14-15, табл. 15 – 1). Таким образом, на сегодняшний момент мы имеем четыре сцены охоты, относящихся к первой половине I тыс. н.э. Три калбак-ташских сюжета представлены следующими рисунками:

1) сцена охоты двух антропоморфных фигур на медведя (Kubarev V.D., Jacobson E., 1996, fig. 598; Соенов В.И., 2003в) (рис. 27 – 1);

2) сцена охоты лучника на оленя (Kubarev V.D., Jacobson E., 1996, fig. 414; Соенов В.И., 2003в) (рис. 26 – 1);

3) сцена, в которой изображен лучник, «спасающий оленя в сцене нападения волков на оленей» (Kubarev V.D., Jacobson E., 1996, fig. 409; Соенов В.И., 2003в, с. 102) (рис. 26 – 2);

На четвертой сцене, происходящей из междуречья рек Ак-Кол и Кара-Оюк, изображен пеший лучник, охотящийся на двух бегущих оленей (Окладникова Е.А., Слободзян М.Б., 2009, с. 14-15, табл. 15 – 1). Один из оленей изображен преследуемым тремя собаками (рис. 27 – 2).

В трех из четырех сцен изображена охота на оленей. Причем сюжеты из Калбак-Таша-I и верховьев долины р. Чаган имеют определенное сходство. Но если калбакташская сцена выделяется тем, что там изображена сцена спасения оленя от волков (Соенов В.И., 2003в, с. 102), то сцена из междуречья рек Ак-Кол и Кара-Оюк представляет собой типичную сцену охоты. Интересна сцена охоты на медведя. Изображения медведей были зафиксированы на таштыкских деревянных планках из склепа 1 могильника Тепсей-III (Грязнов М.П., 1971, с. 99). На этих планках медведи изображены среди других зверей – объектов охоты(?). Известны рисунки медведей и в других таштыкских сценах. Видимо, этот зверь был довольно распространенной фигурой в изобразительном искусстве населения Южной Сибири. Стоит также отметить, что ни в одной из этих сцен не было зафиксировано конного охотника. Все люди изображены пешими, но во всех случаях они имеют луки, либо стрелы на поясе, как например, в сцене с медведем.

Раннее средневековье

Раннесредневековые сцены охоты происходят из памятников, расположенных в Южном (Жалгыз-Тобе, Кургак, местонахождения долины р. Чаган и ее притоков), в Юго-Восточном (рисунок на стеле у с. Улаган), в Центральном (Туэкта, Устю-Айры, Бичикту-Бом, Тыныскайак, Кызыл-Тал и Калбак-Таш-II) и в Западном Алтае (петроглифы Усть-Кана). Известна сцена охоты на костяных обкладках передней луки седла из могилы 9 на могильнике Кудыргэ. Рисунки изучались П.П. Хороших, А.И. Минорским, Е.А. Окладниковой, В.Д. Кубаревым, А.И. Мартыновым, В.Н. Елиным, А.М. Тамимовым, В.А. Некрасовым, В.И. Молодиным, Е.А. Миклашевич, Д.В. Черемисиным, Г.В. Кубаревым, Р.М. Еркиновой, Е.Е. Ямаевой и др.

По разным причинам многие сцены, к сожалению, имели плохую сохранность, что неоднократно отмечалось исследователями (Миклашевич Е.А., 2006, с. 220, 222; Кубарев В.Д., 1984, рис. 14; и др.). Некоторые опубликованные рисунки трудно анализировать без работы с оригиналом, поэтому они не учитывались. Нами изучено 25 охотничьих сюжетов, отнесенных к раннему средневековью. Далее приведем описание содержания этих рисунков.

Алтайские наскальные рисунки тюркского времени, изображающие охоту, выполнены, как правило, техникой граффити. Они прочерчивались на камне острым предметом из твердого материала. Одна сцена из Бичикту-Бома была выполнена темно-синей краской (Ямаева Е.Е., 2009). Рисунки отличаются точной прорисовкой малейших деталей, позволяющих использовать их в качестве источника для изучения этнографического облика средневековых тюрков, вооружения, конского снаряжения и др.

Все раннесредневековые сцены охоты, известные в Горном Алтае, отличаются динамизмом. Животные и, часто, охотники переданы в движении, в стремительном беге. Исключениями являются стоящие стрелки и лошади, привязанные к дереву или к поясу хозяина, а также лежащие звери – скорее всего, убитая добыча. Иногда звери и птицы рисовались ранеными стрелой (рис. 40), мертвые изображались реже. Фигура убитой косули известна на костяной накладке седла из могильника Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, табл. XV – 12; XVI – 1). Что касается стоящих лошадей, то в раннесредневековых рисунках довольно часто они изображались рядом со спешившимся хозяином (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927, с. 52, рис. 18; Кубарев В.Д., 1995, с. 161, табл. I – 1, 3; Еркинова Р.М., Кубарев Г.В., 2004, рис. 4 – 1; и др.) (рис. 39).

Охотничья деятельность раннесредневекового населения Алтая в наскальных рисунках представлена сюжетами, в которых участвуют по несколько фигур. Обычно в сценах показывались один или два охотника и несколько объектов охоты. Многие сцены содержат только две фигуры – охотника и объекта охоты (Минорский А.И., 1951, рис. 55 – 4; 56 – 1; Окладникова, 1988, рис. 3 – 1; Черемисин Д.В., 2004, рис. 3; 7а; Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М., 2006, рис. 530; Ямаева Е.Е., 2010, рис. 19 на стр. 60) (рис. 30; 31 – 2; 32 – 1; 35 – 1, 2, 4).

Субъекты охоты в петроглифах. Раннесредневековые охотники были изображены на скалах как пешими, так и верхом на лошади. Изображения пеших охотников встречены в 18 сценах из всех учтенных нами, изображения всадников – в 14. В трех из них лошадь нарисована рядом с пешим охотником, привязанной чумбуром к поясу, либо к дереву (рис. 28 – 2; 29; 36 – 1). Одиночные охотники были

изображены в шестнадцати сценах (рис. 30-33; 35), в остальных сценах участвуют два и более охотника. Только в туэктинской сцене сохранились изображения четырех охотников: трех всадников и одного пешего (Миклашевич Е.А., 2006, рис. 5) (рис. 28 – 1).

Почти все охотники нарисованы с луками и стрелами. Стрелы изображались на поясе в колчане, либо просто пучком (обычно три стрелы). У некоторых всадников были прорисованы налучья (Кубарев Г.В., 2004, рис. 4) (рис. 37 – 1), иногда в сочетании с колчаном (Черемисин Д.В., 2004, рис. 7а, 9) (рис. 29 – 1; 31 – 3). Имеются изображения охотников, вооруженных ловчей птицей и копьём. В сцене из Усть-Кана всадник изображен с соколом (Елин В.Н., Некрасов В.А., 1991, рис. 1 – 1; 1994, рис. 1, 1.3) (рис. 28 – 2). Три сокола, атакующие зайцев(?), были зафиксированы в одной из сцен Бичикту-Бома. В этой сцене один из охотников держал в руках «длинный предмет» (Ямаева Е.Е., 2009, с. 58). Охотник из местонахождения в долине р. Чаган изображен с копьём верхом на лошади, идущей шагом. Собака гонит на него козла (Черемисин Д.В., 2004, рис. 9) (рис. 31 – 3).

Из животных и птиц, используемых человеком на охоте, кроме лошадей, в некоторых сюжетах участвуют собаки и ловчие птицы. Собаки были изображены, как минимум, в четырех сценах (рис. 28 – 1; 31 – 3; 33 – 1; 36 – 2; 38). В туэктинской сцене нарисованы четыре собаки (Миклашевич Е.А., 2006, рис. 5). Одна собака изображена преследующей раненную косулю, три других гонятся за медведем. В двух рисунках из местонахождений долины Чагана зафиксированы моменты охоты, когда собака загоняет добычу (в одном случае – марала, в другом – горного козла) на охотника (Черемисин Д.В., 2004, рис. 8, 9).

Соколы изображены в двух сценах (Константинов Н.А., Соенов В.И., 2012, с. 374). На Усть-Канской писанице один сокол изображен летящим, другой нарисован взлетающим с руки всадника и, видимо, готовящимся атаковать двух куропаток (Елин В.Н., Некрасов В.А., 1991, рис. 1 – 1; 1994, рис. 1; 1.2; 1.3) (рис. 28 – 2). В бичикту-бомовской сцене нарисованы три сокола, которые атакуют трех зайцев (Ямаева Е.Е., 2009, с. 59). Опубликовано только описание сцены, без прорисовки, а оригинал рисунка, на сегодняшний день, судя по всему, утрачен.

Объекты охоты в петроглифах. Объекты охоты, показанные на петроглифах, представлены животными, обитающими на территории Горного Алтая. Копытные переданы изображениями оленей и косуль, горных козлов, архаров, кабанов; хищные звери – изображениями медведей и волков; птицы – изображениями «куропатак-кекликов» и журавля.

Наиболее распространенными в сценах охоты являются изображения оленей и косуль. Они присутствуют в качестве объекта охоты, как минимум, в восемнадцати сценах. В некоторых сценах присутствует по 6-7 фигур оленей и косуль (Усть-Кан и Тыныскайак) (Елин В.Н., Некрасов В.А., 1994, рис. 1; Ямаева Е.Е., 2010, рис. 3 на стр. 40).

Результаты определений остеологических коллекций, происходящих из немногочисленных поселений, исследованных на Алтае, показали, что косуля является излюбленным объектом мясной охоты, начиная, по крайней мере, с неолита (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2005, табл. 2, 3; Гальченко А.В., 1994, с. 15; Гальченко А.В., Шульга П.И., 1992, табл. 1-5; Киреев С.М., Ларин О.В., 2004, с. 53; Шульга П.И., 1996, с. 111; 1998, с. 152, табл. 2; Соенов В.И. и др., 2011, с. 47; и т.д.). Изображения косуль и маралов есть на кудыргинской накладке седла (Гаврилова А.А., 1965, табл.

XV – 12; XVI – 1). Косуля на одной накладке показана убитой. Имеется изображение косули(?) на металлическом наконечнике ремня из кургана 2 могильника Узунтал-I (Савинов Д.Г., 1982, рис. 7). Автор раскопок назвал изображенное животное «пятнистой ланью». Впрочем, черточки на теле изображенного животного могли выступать в качестве изобразительного приема, использованного для выделения туловища животного из общего фона. Подобные приемы зафиксированы в рисунках на костяных изделиях и некоторых петроглифических памятниках (Гаврилова А.А., 1965, табл. XV – 12; XVI – 1; Черемисин Д.В., 2004, рис. 8; Ямаева Е.Е., 2010, рис. 1, 3 на стр. 40; и др.).

Изображения горных козлов в сценах охоты на ранне-средневековых алтайских петроглифах распространены не так широко как сцены с участием косуль и оленей. Известно всего четыре охотничьи сцены с козлами (рис. 30 – 2; 31 – 3; 33 – 2; 37 – 1), хотя фигура горного козла является наиболее распространенным образом в петроглифах Алтая (Суразаков А.С., Соенов В.И., 2010, с. 40). Широко распространены в раннем средневековье были тамги, изображающие горных козлов: «тамгообразные рисунки горных козлов стали своего рода символами Древнетюркских каганатов» (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 244-245).

Изображения архаров зафиксированы в двух сценах охоты (рис. 30 – 1; 37 – 1). Стоит отметить оформление рога архара в сцене из долины Чагана (Черемисин Д.В., 2004, рис. 7а) (рис. 30 – 1), напоминающее среднеазиатские и переднеазиатские рисунки горных козлов и архаров (Литвинский Б.А., 2002; Орбели И.А., Тревер К.В., 1935, табл. 32).

Изображения кабанов периода раннего средневековья встречены в сценах охоты из Улагана, Усть-Кана (Кубарев В.Д., 1984, рис. 14; Елин В.Н., Некрасов В.А., 1994, рис. 1;

1.2) (рис. 28 – 2; 34 – 1). Как отмечал В.Д. Кубарев (2003, с. 72), изображения кабана в пределах Российского Алтая немногочисленны.

Медведи были нарисованы в двух сценах. В сцене из Кургака хорошо прорисованный медведь изображен статично, в отличие от других фигур, участвующих в сцене (Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2002, рис. 1) (рис. 28 – 1). В туэктинской сцене медведь(?) изображен в стремительном беге, его преследуют три собаки (рис. 36 – 2). Но нельзя исключать вероятность того, что это могло быть изображение собаки крупной породы (Миклашевич Е.А., 2006, рис. 5, с. 223). Костяки «гигантских собак» были обнаружены в погребениях аскизской культуры X-XIV вв. в Хакасии (Кызласов Л.Р., 1975, с. 202, 207). Бегущий медведь изображен на кудыргинской накладке седла (Гаврилова А.А., 1965, табл. XV – 12; XVI – 1).

Волки изображены только в одной сцене из Кара-Оюка (Окладникова Е.А., 1988, рис. 3 – 3) (рис. 35 – 3). Интересно, что у волка(?) из этой сцены нарисованы длинные когти, которые свойственны кошачьим хищникам.

Довольно редким образом в алтайских петроглифах раннего средневековья являются птицы. Они в качестве добычи выступают всего в двух сценах. В туэктинской сцене нарисован журавль, раненный стрелой (Миклашевич Е.А., 2006, рис. 5) (рис. 28 – 1), а в усть-канской сцене изображена пара «куропатак-кекликков», которых готовится атаковать сокол (Елин В.Н., Некрасов В.А., 1994, рис. 1; 1.3) (рис. 28 – 2). Журавль в качестве объекта охоты изображен на металлическом сосуде, найденном в кургане рядом с Красноярском (Радлов В.В., 1891, прил., табл. III – e; табл. IV). Упоминается охота на журавлей и в енисейских рунических надписях (Кормушин И.В., 2008, с. 140).

Кудыргинский сюжет. Особо стоит выделить сюжет, изображающий сцену охоты, на накладках луки седла, обнаруженных С.И. Руденко и А.Н. Глуховым (1927, с. 48) на могильнике Кудыргэ (рис. 41).

Накладки были обнаружены в могиле 9, где зафиксировано погребение человека с конем (Гаврилова А.А., 1965, с. 24). Человек и лошадь при погребении положены головами на юг. Накладки были найдены на спине лошади вместе с роговым седельным кантом. Находки представляют собой накладки характерной формы на переднюю луку седла, состоящие из двух частей и имеющие несколько отверстий для крепления. Содержащийся в могиле инвентарь позволил исследователям предположить, что в ней был погребен знатный воин (Савинов Д.Г., 2005, с. 20).

Описание композиции приводилось в научной литературе, по крайней мере, дважды (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927, с. 48-49; Гаврилова А.А., 1965, с. 35). Также она неоднократно рассматривалась исследователями при изучении различных аспектов культуры раннесредневекового населения Южной Сибири и Центральной Азии (Киселев С.В., 1951, с. 497-498; Потапов Л.П., 1953, с. 88; Грязнов М.П., 1961, с. 17; Фёдоров-Давыдов Г.А., 1976, с. 65; Могильников В.А., 1981, с. 37; Суразаков А.С., 1985, с. 60-64; Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003, с. 214-215; Савинов Д.Г., 2005; Азбелев П.П., 2010, с. 80-81; Ермоленко Л.Н., 2011; и др.).

Здесь мы приведем описание сцены с учетом некоторых замечаний, связанных с определением видовой принадлежности изображенных на накладках зверей. Вся композиция содержит, как минимум, два сюжета (Савинов Д.Г., 2005, с. 20). Первый (центральный) представлен изображениями двух противопоставленных тигров, переданных в геральдической манере. Другой сюжет содержит сцену охоты

двух всадников, типичную для петроглифов тюркского времени. Сцена охоты очень динамична, все фигуры показаны в движении, что отличает ее от центральных статичных изображений двух тигров. В сцене присутствуют фигуры двух конных лучников, расположенных на разных половинах накладок. На правой накладке всадник показан преследующим кулана. Далее идет изображение горного барана, поверженной косули (по мнению С.И. Руденко и А.Н. Глухова (1927, с. 48), это изображение самки горного барана) и над тигром – изображение лисицы. На левой накладке фигуры показаны в следующем порядке. Над тигром изображен заяц, слева от тигра изображен второй всадник. Под всадником и тигром нарисованы самка и самец копытного животного. По мнению А.А. Гавриловой, это изображения двух косуль (Гаврилова А.А., 1965, с. 35). А.Н. Садовой и С.С. Онищенко, считают, что эти фигуры могли быть рисунками самки и самца дзерена или джейрана (Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003, с. 215). Над всадником – фигура животного, сохранившееся неполно. У животного прорисован тонкий хвост с кисточкой на конце. По мнению С.И. Руденко и А.Н. Глухова (1927, с. 48), это изображение собаки «из породы борзых». Другие исследователи отметили, что утолщение на хвосте нехарактерно для собак. Такое утолщение могло быть создано при стрижке (Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003, с. 215). Перед всадником изображены самка и самец марала, которых непосредственно преследует охотник. Перед маралами нарисован медведь.

Сложно установить виды охоты, изображенные на скалах. Отдельные сцены охоты можно определить как загонные. Например, к этому виду охоты можно отнести сцену из Кургака. В композиции конный охотник изображен без оружия (Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2002, рис. 1) и, вероят-

но, он является загонщиком, а пеший охотник – стрелок, который готовится выстрелить во вспугнутого всадником марала. Значительная часть раннесредневековых сцен охоты можно отнести к изображениям индивидуальной пешей и верховой охоты гоном. Изображения одиночных охотников встречены в шестнадцати рисунках. Отметим, что показывались только сцены из активных видов охоты.

На скалах и предметах чаще всего изображалась охота на тех животных, которых было трудно добыть либо в силу их проворности, либо в силу их опасности для человека – медведя, кабана, крупных копытных. Изображения таких животных чаще всего рисовались и в более ранние периоды (Грязнов М.П., 1950, с. 53). К этим видам охоты, скорее всего, относилась охота на птиц. Попадание стрелой в летящую птицу, несомненно, являлось показателем высоких стрелковых способностей. Виды охоты, представленные на скалах и предметах материальной культуры, были «престижными» у населения рассматриваемого периода.

Охотничьи и военные сцены известные по наскальным рисункам, по мнению многих исследователей, были связаны с героическим эпосом. Героический эпос, зародившийся еще «в эпоху ранних кочевников» (Грязнов М.П., 1961, с. 31; Суразаков А.С., 1979, с. 269), с самого начала выдвинул на арену героя – богатыря-охотника и богатыря-воина. В эпосе «даны яркие картины погони богатыря на коне за маралами, конь загоняет зверей к охотнику...» (Суразаков С.С., 1973, с. 2-3). Судя по археологическим находкам, героический эпос населения Южной Сибири и других территорий большое развитие получил в гунно-сарматское время (Грязнов М.П., 1971; Пугаченкова Г.А., 1987). В этих эпических сценах охота стоит в одном ряду с батальными сюжетами (Грязнов М.П., 1979, с. 145). Подобного мнения

придерживаются и другие исследователи: «идейное содержание петроглифов заключается в прославлении воинских и охотничьих подвигов древнетюркских воинов, воспевании военного профессионализма, выделении оружия и конского убранства» (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 2009, с. 131).

Многие сцены могли быть связаны с какими-либо эпическими сюжетами. По мнению Д.В. Черемисина, на местонахождениях петроглифов в долине Чагана и его притоков изображались эпические герои, «с которыми могли отождествлять себя местные суверены, предводители тюркских племен, обитавших на юго-востоке Горного Алтая в VI – IX в.» (Черемисин Д.В., 2004, с. 47). Возможно, многие эпические произведения, зафиксированные у современных народов Центральной Азии и Южной Сибири, зародились в тот отдаленный период или еще раньше. Каждая историческая эпоха внесла свой отпечаток на эти эпические сюжеты, но какие-то отдельные черты этих древних фольклорных произведений могли сохраниться до недавнего времени. В подтверждение эпического характера наскального искусства, иногда удается проследить аналогии устоявшимся сюжетам, распространенным на значительные расстояния друг от друга (Черемисин Д.В., 2004, с. 49).

Все объекты охоты, изображенные в исследуемых наскальных сценах, представлены видами, обитающими на Алтае. В этих сценах нет изображений кошачьих хищников¹, известных по сюжетам, украшающим передние луки

---

¹Нерешенным остается вопрос о том, насколько экзотичен для Саяно-Алтайского региона тигр, изображения которого известны на костяных обкладках передней луки седла из могильника Кудыргэ и бронзовых пластинах из Копёнского чаатаса (Гаврилова А.А., 1965, табл. XV – 12; XVI – 1; Евтюхова Л.А., 1948, рис. 87-88). По крайней мере, в литературе есть упоминания о встречах с

раннесредневековых седел (материалы могильника Кудыргэ в Горном Алтае и Копёнского чаатаса в Хакасии). Однако наличие на кудыргинской обкладке сцены охоты вместе с изображениями тигров, участие кошачьих хищников в сцене охоты копёнского сюжета (рис. 42), говорит о близости наскальных рисунков охоты и сцен, украшающих седла. Хотя на более ранней кудыргинской композиции отчетливо видна грань между присутствующими на ней сюжетами: сцена охоты, аналогии которой хорошо известны по петроглифам и геральдическим изображением двух тигров (Савинов Д.Г., 2005, с. 20). Позднее «петроглифическая» традиция изображения сцен охоты, с присущими для нее динамизмом и участием в сценах привычных для региона объектов охоты, слилась с геральдической традицией изображения животных. Результатом синтеза этих двух направлений изобразительного искусства стало появление копёнского сюжета: в нем хорошо прослеживаются черты «петроглифической» традиции (динамичная сцена «героической» охоты) и черты геральдического стиля (изображения кошачьих хищников и симметричность сюжета). Своеобразие копёнского седельного декора, отмеченное П.П. Азбелевым (2010, с. 83-84), по нашему мнению, заключается именно во влиянии героического эпоса на геральдический стиль. Появление этого сюжета стало возможным в результате разви-

---

тигром в начале XIX века в предгорьях Алтая (Евтюхова Л.А., 1948, с. 91). Вероятно, тигр был известен раннесредневековому населению Алтая, если не как постоянный обитатель региона, то хотя бы по эпизодическим заходам. Несмотря на это, упомянутые выше саяно-алтайские изображения тигров, скорее всего, связаны не с тем встречал или не встречал художник тигра, а в большей степени отражают его знание распространенного раннесредневекового геральдического сюжета.

тия общих изобразительных традиций раннесредневекового населения Саяно-Алтая и сопредельных территорий.

Рядом с тремя сценами охоты были зафиксированы надписи. Рунические надписи вырезаны рядом с кургакской и туэктинской сценами (Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2002, рис. 1; Миклашевич Е.А., 2006, рис. 5). В сцене из Бичикту-Бома, нарисованной «темно-синей тушью», была надпись, выполненная древнеуйгурским письмом(?) (Ямаева Е.Е., 2009, с. 57, 60). Кургакская руническая надпись прочитана С.Г. Кляшторным и оказалась эпитафией. О назначении надписей из Туэкта и Бичикту-Бома говорить сложно. Две туэктинские надписи сохранились плохо. Плоскость со сценой и надписью в Бичикту-Боме, описание которой приведено горно-алтайским этнографом Е.Е. Ямаевой, в настоящее время утрачена. Необходимо отметить, что еще одна надпись, выполненная краской, известна на святилище Большой Яломан-III (Тишкин А.А., 2006, с. 6).

Рунические надписи, расположенные рядом с изображениями всадников с ловчими птицами, были обнаружены в Центральном Тянь-Шане на памятниках Кок-Сай и Бойрок-Булак (Кочкорская долина). По мнению К.Ш. Табалдиева и Ч. Жолтошева, эти сцены и рунические надписи связаны с человеческой смертью, то есть носят эпитафийный характер (Табалдиев К.Ш., Жолтошев Ч., 2003, с. 116).

Исходя из прочтения кургакской надписи и находок в Кыргызстане, можно предположить, что некоторая часть сцен охоты в петроглифах также имеет «эпитафийное» назначение, то есть были нарисованы в честь когда-то реально существовавших раннесредневековых тюркских воинов-охотников. Возможно, в наскальных рисунках были отражены какие-то подлинные случаи из жизни этого воина-охотника, в которых он проявил особую удачу, храбрость,

стрелковые навыки и т.п., либо изображался тот вид охоты, которым больше всего любил заниматься умерший. В некоторых енисейских рунических эпитафиях охота звучит как любимое занятие человека, которому посвящена надпись (Кормушин И.В., 2008, с. 310).

В изобразительном творчестве населения Алтая в период раннего средневековья наибольшее распространение получили военные сюжеты и сцены «героической» охоты (Кубарев В.Д., 2001б, с. 96; Черемисин Д.В., 2004, с. 46; Миклашевич Е.А., 2006, с. 223; и др.). Судя по всему, в мировоззрении средневекового населения между этими двумя видами деятельности, образно выражаясь, стоял знак равенства.

Раннесредневековые сцены охоты на петроглифах и предметах материальной культуры дают нам далеко не полное представление о способах ведения охоты, как считалось ранее (Евтюхова Л.А., 1948, с. 89). В этих сценах изображались эпические сюжеты, какие-то легендарные истории, в которых охота выступала, в первую очередь, как иллюстрация мифологических действий и проявления богатырской удали, а не как направление хозяйственной деятельности. Поэтому изобразительные источники не могут отражать все приемы и способы ведения охоты, а передают только некоторые виды активной охоты, связанные с мифологическими сюжетами и престижными видами охоты.

Находки поминальных надписей, планиграфически связанных со сценами охоты, свидетельствуют о том, что эти сцены относятся к эпитафийной традиции. То есть в этих сценах изображался какой-то реально существовавший мужчина, герой. О том, что рисовался какой-то конкретный человек, говорит наличие изображения лично-фамильной(?) тамги на лошади охотника из долины р. Чаган (Черемисин Д.В., 2004, рис. 7а; Кызласов И.Л., 2008, с. 459) (рис. 30 –

1). Изображения всадников с ловчей птицей из Кочкорской долины на Тянь-Шане были даже подписаны именем изображенного воина – «Моё мужское имя Адык...» (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А., 2002, с. 125-126).

Престижными видами охоты, представленными в рисунках, занимались главным образом знатные воины не для добывания пищи, а в качестве военных тренировок или некой забавы. «...Охота была подготовкой к воинским подвигам, своего рода манёврами» (Гумилев Л.Н., 1967, с. 70). О знатности воинов, изображенных на петроглифах, может свидетельствовать всадник из охотничьей сцены из Хар-Салаа с ловчей птицей, нарисованный с престижным атрибутом – стеклом или булавой (Кубарев В.Д., 2001б, с. 98).

Таким образом, сцены охоты в искусстве населения Алтая эпохи раннего средневековья могут использоваться в качестве источников по изучению образа жизни и мировоззрения раннесредневековых тюркских воинов, которые составляли основу Тюркских каганатов. Эти сцены дают нам представление об определенных социальных ценностях того времени. Представители средневековой тюркской знати предстают в них умелыми и ловкими охотниками, без промаха стрелявшими по летящим птицам или бесстрашно охотившимися на проворных и опасных зверей.

2.3. Другие источники.

2.3.1. Этнографические источники.

Одним из важных источников, которые необходимо применять при изучении разных аспектов жизни древнего и средневекового населения тех или иных территорий, яв-

ляются данные этнографии. Сведения об охоте алтайцев в XVIII – начале XX вв. содержатся в описаниях путешественников, посетивших Алтай, и исследователей, занимавшихся изучением культуры коренного населения, а также в архивных документах. Эти данные могут пролить свет на многие особенности ведения охоты в древности и средневековье. Тем более, что этнографом Л.П. Потаповым отмечались глубокие исторические корни охотничьих традиций алтайцев. Он писал, что «охотничий промысел [алтайцев – авт.] хранит черты, восходящие к древнетюркской охоте» (Потапов Л.П., 2001, с. 9).

Так, благодаря этнографическим источникам можно определить назначение некоторых видов наконечников стрел и их названия. Затупленная стрела применявшаяся, судя по фольклору, при охоте на пушных зверьков у тубаларов называлась *томор*. Свистящая стрела, о которой говорилось в предыдущем разделе, у алтайцев называлась *коркудар-ок* (Потапов Л.П., 2001, с. 59-62), т.е. стрела для устрашения/испуга. Кроме прочего, Л.П. Потапов приводит сведения из русских документов XVIII в., позволяющие представить стоимость лука. В документах сообщается, что цена зайсанского лука (3 руб. 60 коп.) определена выше цены кобылицы (3 руб.) (там же, с. 63).

Отсутствие в слоях поселений костных остатков пушных зверей может объясняться тем, что их мясо употреблялось в пищу во время промысла или утилизировалось определенным способом (Потапов Л.П., 2001, с. 102-103). Это может касаться и других видов животных. Например, алтайцы во время охоты после разделки туши убитого марала производили отделение мяса от костей, а крупные кости бросали в костер, с целью приготовить костный мозг (Фролова И.Д., 2009, с. 233).

Вероятно, некоторые способы и приемы охоты, зафиксированные у алтайцев (Вербицкий В.И., 1893, с. 33-38; Сатлаев Ф.А., 1974, с. 53-63; Потапов Л.П., 2001; Кандараква Е.П., 2007), сформировались и использовались еще в I тыс. н.э. К сожалению, по археологическим материалам подавляющую часть этих способов реконструировать невозможно. Особенно это касается пассивных форм охоты, которые в значительной мере были представлены в охотничьем промысле алтайцев.

Рассмотрение этнографических данных по традиционной охоте позволяет понять отдельные факты, фиксирующиеся археологически, а также определить функциональное назначение некоторых предметов, их религиозную нагрузку. В то же время стоит помнить, что напрямую экстраполировать этнографические данные на древние и средневековые материалы нельзя, поскольку прямой перенос этих данных может отрицательно сказаться на осмыслении отдельных моментов и исказить наши представления.

2.3.2. Письменные и лингвистические источники.

Письменные источники.

Памятники Южной Сибири, в том числе и Алтая, «находятся как бы «в тени» письменной истории раннесредневековых этнополитических образований» (Савинов Д.Г., 2011, с. 14). Более всего это касается периодов, предшествующих средневековью. Для изучения охоты населения Алтая в I тыс. н.э. тюркские, китайские и арабские источники являются косвенными, поскольку напрямую не касаются изучаемой территории.

При всем том, данные письменных источников важны для понимания значения охоты в повседневной жизни древних и средневековых обществ Центральной Азии, пе-

риферийной частью которых являлось население Алтая. В китайских произведениях, переведенных Н.Я. Бичуриным, содержится описание значительного количества исторических сюжетов, где в том или ином контексте фигурирует охота. Эти сведения можно разделить на несколько групп. Одна группа связана с описанием событий, когда повествуется о конкретной охоте, проводившейся в определенный момент. Это охота сына гуннского шаньюя Тумыня, будущего шаньюя Модэ, во время которой были застрелены сначала лошадь его отца, а затем и сам Тумынь (Бичурин Н.Я., 1950, с. 46-47); охота тюркского кагана Шаболио на китайской территории (Бичурин Н.Я., 1950, с. 238-239) и многие другие. Вторая группа сведений об охоте в этих источниках связана с описанием быта населения Центральной Азии, в которых охота рассматривается как хозяйственное или военное занятие того или иного народа или описывается как любимое занятие конкретной исторической фигуры (Бичурин Н.Я., 1950, с. 40, 256, 302; Гумилев Л.Н., 1967, с. 139; и др.).

Содержатся некоторые упоминания об охотничьей деятельности и в собственно тюркских письменных памятниках. Так, в поминальном тексте, посвященном советнику трех тюркских каганов Тоньюкуку описывается, что во время сложных внешнеполитических условий каган Ильтерес с Тоньюкуком избрав «местожительство Куз Чугая и Кара-кумы» «жили (там) питаясь оленями и питаясь зайцами» (Малов С.Е., 1951, с. 65).

Для нашего исследования особый интерес представляет «Гадательная книга» или «Книга предзнаменований» – произведение, написанное тюркским руническим письмом в 930 году (Кляшторный С.Г., 2006, с. 195). В нем содержится описание ситуаций, каждая из которых включает вывод, хо-

рошо это или плохо. Вполне вероятно, что это был сонник. Две миниатюры, из описанных в книге, упоминают охотничью деятельность. Первая миниатюра: «Говорят: муж пошел на охоту. В горах он колдовал (молился): в небе повластный! Так знайте – это дурно!» (Малов С.Е., 1951, с. 86); и вторая: «Говорят войско ханства выступило на охоту. В облаву попались козули-звери. Хан своей рукой поймал (зверей). Население и все войско его (т.е. хана) радовалось. Так знайте – это хорошо!» (Малов С.Е., 1951, с. 91).

В алтайских рунических надписях упоминаний об охоте нет, за исключением одного памятника. Надпись, получившая наименование Бичикту-Бом-IV (A8), была проанализирована Л.Н. Тыбыковой, И.А. Невской и М. Эрдалом. Однако авторы отметили, что на их прочтение повлияла сцена охоты, изображенная рядом с надписью (Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М., 2012, с. 60). В енисейских рунических эпитафиях, в отличие от алтайских текстов, содержатся конкретные сведения об охоте. В них она описывается как любимое занятие усопшего, которому посвящен текст (Кормушин И.В., 2008, с. 310).

Лингвистические источники.

В эту группу мы включили алтайскую топонимику, связанную с охотничьей деятельностью и охотничью терминологию современного алтайского языка. Для работы с этой группой источников нужно иметь специальную подготовку, поэтому мы не будем детально вдаваться в рассмотрение данных, а коснемся некоторых моментов, позволяющих охарактеризовать лингвистические материалы с точки зрения их значения для изучения охотничьей деятельности. Данные по средневековой тюркской охотничьей терминологии требуют привлечения внимания специалистов, тем более что подобный опыт имеется (Clauson G., 1968).

В топонимах часто подчеркиваются особенности использования населением данной местности (Соенов В.И., 2002, с. 26). Многие алтайские топонимы связаны с охотничьей деятельностью или названиями зверей и птиц. Информация о топонимах отражена в словаре, составленном О.Т. Молчановой (1979, с. 119-354) (см. Прил. 2). Интересующие нас топонимы можно разделить на несколько групп.

Подавляющая часть «охотничьих» топонимов связана с местом обитания зверей и птиц: *Айу-Көл* – медвежье озеро; *Анг-Көл* – звериное озеро; *Ангырлу* – с утками; *Булан-Кобы* – лосиный лог; *Киштү* – с соболями; *Тарбаанду* – с сурками; *Текелү* – с козлами; *Түлкүлү* – с лисами; *Чайлу-Таиш* – сопка или гора с глухарями; *Черенду* – с косулями; *Чунгмак-Орой* – вершина горного козла и мн. др.

Имеются топонимы, дублирующие названия диких животных и птиц: *Кочкор*, *Кошкор*, *Кочкорок* – баран, маленький дикий баран; *Куран* – самец косули; *Кушкуллу* – колонок; *Сарас-Кыр* – колонковая гора; *Сарыкту* – дикий козел двухлеток; *Тарбаан* – сурок; *Улары (Улару)* – куропатка.

Зафиксированы топонимы, связанные с поведением зверей и птиц: *Яан-Айу-Кечер* – большая медвежья переправа; *Орыкту-Ой* – впадина с тропой [диких зверей]; *Тийин-Келди* – белка пришла; *Уйалу* – лог с логовом, берлогой; *Чай-Ойын* – глухарина игра (ток).

Наиболее интересны для нас топонимы, связанные с охотничьей деятельностью человека: *Айа-Тарткан* – самострел натянул; *Айу-Манаг* – медвежья охота (засада на медведя); *Горо-Суу* – охотничья река; *Каан-Кујурт* – ханский солонец; *Манакай* – засада; *Тес-Каиш* – засека для ловли зверей (маралов, косуль, оленей); *Тузак* – силок, петля для ловли птиц, зверьков; *Чергей* – ловушка на мелких пушных зверьков; *Элик-Манар* – огораживать косуль и мн. др.

Древние корни охотничьих традиций алтайцев подтверждает развитая охотничья терминология, существовавшая до недавнего времени в алтайском языке. В современном алтайском языке уже сложно найти точные значения многих слов. Это были разнообразные названия наконечников стрел, капканов, других охотничьих принадлежностей и прочего (Потапов Л.П., 2001, с. 59-74). Различные названия наконечников стрел, судя по всему, представляли названия каких-то конкретных типов стрел. Также, имеются возрастные и половые различия в названиях особей одного вида зверей объектов охоты (например: косуля (вид) – элик; куран – самец косули, керекшин – самка косули, чаап – детеныш косули и др.) (Русско-алтайский словарь, 1964).

Значительная часть современных топонимов и охотничьей терминологии могла сформироваться многие столетия назад. Использование данных топонимики и лингвистики значительно расширяет круг источников по изучению охоты населения I тыс. н.э. В то же время, они могут служить лишь как косвенные источники. Возможно, при проведении специального исследования этих материалов, удастся почерпнуть гораздо больше сведений. Однако более детальное рассмотрение лингвистических источников выходит за рамки нашего исследования.

Итак, рассмотрение источников по охоте населения Алтая I тыс. н.э. показало, что на сегодняшний день накоплено немалое количество материалов по этому виду хозяйственной деятельности. Кроме того, источники свидетельствуют о том, что охота имела значение не только для хозяйства, но также играла социальную и военную роль, а еще занимала особое место в мировоззрении населения региона. Эти аспекты охоты будут рассмотрены в следующей главе.

*****

Глава III

ОХОТНИЧЬЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЧАСТЬ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В I ТЫС. Н.Э.

Само понятие «жизнеобеспечение», введенное представителями этнографической науки, довольно обширно. Исследователи определяют систему жизнеобеспечения как «процесс удовлетворения основных потребностей» или комплекс производственных особенностей, демографической структуры, систему потребления и распределения продуктов питания, связанных с конкретной природной средой (Козлов В.И., 1991, с. 26; Ямсков А.Н., 2009, с. 80-81; Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003, с. 209). В то же время некоторые исследователи трактуют это понятие более конкретно и относят к жизнеобеспечению только «первично необходимые» средства, такие как поселение, жилище, одежда и пища (Ямсков А.Н., 2009, с. 77).

Охотничья деятельность как часть системы жизнеобеспечения изначально была призвана удовлетворять потребность человека в мясной пище. Очевидно, с переходом к производящему хозяйству значение охоты в обеспечении населения мясом снизилось, но, тем не менее, оно оставалось существенным и, ко всему прочему, продукты охоты вносили разнообразие в мясной рацион. То есть охотничья деятельность выполняла важную хозяйственную функцию по обеспечению общества продуктами питания.

Несмотря на основное значение этого вида деятельности, которое было связано с хозяйственным направлением

(на охоте пополнялась пищевая продукция, связанная с мясным потреблением, добывались необходимые для ведения ремесленных производств материалы – кость, кожа, другие материалы), охота играла важную роль в военной и социальной сфере. Об этом свидетельствуют письменные и изобразительные источники.

Источники по охоте населения Алтая в I тыс. н.э. свидетельствуют о том, что охотничья деятельность в тот период имела свои особенности и устоявшиеся традиции. Ниже мы рассмотрим особенности организации охотничьего промысла, его формы, охотничьи приемы и технику, а также охарактеризуем хозяйственную роль охоты и обозначим значение этого вида деятельности в социальной, военной и религиозной сферах. Особенности охоты в том или ином месте напрямую зависят от природных условий, поэтому необходимо, прежде всего, оценить естественную среду для развития охотничьей деятельности. С характеристики природного фона мы и начнем эту главу.

3.1. Природные условия и биологический фон Алтая.

Особенности хозяйства, которое вели древние, средневековые и традиционные общества, в значительной мере зависят от природных условий и географического положения того или иного региона (Чеснов Я.В., 1970; Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н., 1972; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А., 1985, с. 178). Природные условия, специфика животного и растительного мира региона особенно важны для присваивающих форм хозяйства, в том числе для охоты. Чтобы представить биологический фон охоты населения

Алтая в I тыс. н.э., мы приведем краткое описание природно-климатических условий региона, с учетом изменений, произошедших с течением времени.

Российская часть алтайских гор, которую среди археологов, как и среди специалистов некоторых других областей знания, принято называть «Горным Алтаем», представляет собой горный регион, ограниченный высокими хребтами с юга, востока и запада. Южной границей служат горные хребты Сайлюгем и Тавын-Богдо-Ола; восточной границей является хребет Чихачева и Шапшальский хребет; на севере Алтай граничит с Горной Шорией; на северо-западе горные долины выходят на Предалтайскую равнину и Верхнеобское плато. По своему географическому расположению горы Алтая находятся между двумя огромными природно-климатическими областями – Западно-Сибирской равниной и полупустынными степями Монголии.

Горы Алтая сформировались в их современное состояние в кайнозойский период (Маринин А.М., Самойлова Г.С., 1987, с. 12-18). Однако в южных и юго-восточных частях Алтая хранятся следы более древнего рельефа – пенеплена, существовавшего до кайнозойской эпохи. Это плоскогорье Укок, Улаганское плато и некоторые другие геологические формации. В современный геологический период Алтай является одной из самых высоких горных областей орогенного пояса Южной Сибири. Он представляет собой гигантский свод, сложный и разнообразный в орографическом отношении. Характерными для Алтая являются труднопроходимые, а порой и непроходимые высокогорные, среднегорные, низкогорные рельефы, расчлененные эрозийными долинами рек и межгорными котловинами.

Географы выделяют шесть физико-географических провинций в границах современной Республики Алтай: Юго-

Восточная, Восточно-Алтайская, Центральноалтайская, Северо-Восточная, Северо-Алтайская, Северо-Западная провинции (Маринин А.М., Самойлова Г.С., 1987, с. 89-97). В «Атласе Алтайского края» (1991, с. 21) те же шесть физико-географических провинций были названы Укокско-Чуйской, Чулышманской, Центральноалтайской, Прителецкой, Ануйско-Чергинской, Западно-Алтайской провинциями. Все эти районы различаются морфоструктурными признаками и имеют свои климатические и биологические особенности.

В силу разнообразия ландшафтов, на Алтае довольно отчетливо прослеживается высотная поясность (Малолетко А.М., 2002, с. 15). Выделяется четыре вертикальные зоны: степная, лесная, альпийская и нивальная (Маринин А.М., Самойлова Г.С., 1987, с. 66). Степной пояс, обрамляющий Алтай с севера и запада, проникает по долинам рек вглубь гор, занимая расширенные участки этих долин. Большую часть Алтая занимают леса. На севере, в увлажненной части Алтая произрастает таёжная растительность. В высокогорном поясе выделяется горно-тундровая и луговая растительность. Горная тундра приурочена к выровненным участкам древнейшего рельефа – пенефлену. Нивальный пояс, расположенный на самой большой высоте, характерен в основном для Южного Алтая. Высокогорные степи характерны для Южного Алтая. Это Курайская и Чуйская котловины, близкие по характеру и составу растительности степям Северо-Западной Монголии (Малолетко А.М., 2002, с. 17).

Формирование климата Алтая происходит под влиянием циркуляции атмосферы, солнечной радиации, рельефа и прочих свойств поверхности. Максимальная продолжительность солнечного сияния характерна для высокогорных котловин Юго-Восточного Алтая (более 2600 часов), а минимальное количество солнечного света попадает в узкие

крутые долины, продолжительность солнечного сияния в которых составляет 1300 часов. Над территорией Горного Алтая происходит довольно частая смена воздушных масс, различающихся своими физическими свойствами, что обусловлено расположением региона на стыке различных физико-географических областей (Модина Т.Д., 1997, с. 26). Разнообразие в движение воздушных масс вносят местные циркуляции – периодические горно-долинные фены.

Названные выше факторы влияют на температуру воздуха в регионе. Среднегодовая температура на Алтае колеблется от $+3^{\circ}\text{C}$ в наиболее теплых районах до -6°C в наиболее холодных высокогорных водоразделах. Средняя температура зимы $-15-17^{\circ}\text{C}$, однако в разных районах этот показатель может очень сильно отличаться. Летом, длительность которого составляет от 60 до 120 суток, средняя температура июля (самый теплый летний месяц) составляет в Северном Алтае $+18^{\circ}\text{C}$, в котловинах Центрального и Юго-Восточного Алтая $+13-14^{\circ}\text{C}$.

Алтай на сегодняшний день характерен относительно обильным увлажнением и густой речной сетью (Модина Т.Д., 1997, с. 78, 81). Более всего увлажнен Юго-Западный Алтай, где на наветренных склонах выпадает до 1500 мм осадков в год. Достаточно большое количество осадков, в пределах 800-1000 мм, выпадает в Северо-Восточном Алтае. Подветренные склоны гор и внутренние районы увлажнены меньше. В центральноалтайских котловинах выпадает в пределах 350-450 мм осадков в год, на плоскогорье Укок и в Курайской котловине 200-250 мм в год. Довольно значительно влияние фенов, размывающих облачность над долинами, на характер увлажнения. Снежный покров разнообразен. Наиболее мощный снежный покров фиксируется на северо-востоке Алтая, где на высотах 1600 м достигает 3 м. В

долинах Центрального Алтая высота снежного покрова колеблется в пределах 10-35 см. В Чуйской и Курайской котловинах максимальная высота покрова достигает 10 см.

В силу особенностей Алтая здесь проявляются значительные различия местных климатов долин и котловин. Это связано с влиянием на климат макрорельефа, мезорельефа и микрорельефа. По температурным условиям холодного периода выделяется семь типов климата, а по местным условиям формирования режима температур выделяется 15 подтипов (Модина Т.Д., 1997, с. 115, 118).

Исследователи отмечают, что климатические условия, близкие к современным, установились в начале голоценовой эпохи (около 12 тыс. л.н.) и с тех пор кардинальных изменений климата не происходило. Но, тем не менее, определенные колебания климата все-таки имели место в истории развития природной среды региона (Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А., 2000, с. 17). Поэтому современные климатические условия можно экстраполировать на I тыс. н.э. только с учетом этих изменений.

Если говорить о климате исследуемого периода, то этот хронологический отрезок полностью входит в субарктический период голоценовой эпохи, длящийся с V в. до н.э. до современности. В этот хронологический период происходили довольно значительные колебания климата, реконструированные исследователями. Изменения климата в ту пору проходили в рамках тысячелетних «ритмов», когда примерно за одну тысячу лет происходил четырехфазный цикл изменений климата: теплый сухой климат; теплый влажный; холодный влажный; холодный сухой (Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А., 2000, с. 17) (табл. 7). Каждый тысячелетний ритм состоял из одного теплого и одного холодного интервала по 500-600 лет.

Практически на все гунно-сарматское время приходится климатический оптимум I в. до н.э. – IV в. н.э., когда климатические условия были близки к современным, но климат был, скорее всего, более увлажненным. В первую половину периода был теплый сухой климат, во вторую произошло увеличение влажности, однако климат оставался теплым (Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А., 2000, табл. 4). После этого довольно благоприятного периода наступает климатический пессимум. Климатический пессимум раннего средневековья начался в III-V в. и продлился до VII-VIII вв. В этот период климат стал суше по сравнению с предыдущим. Говоря об этом периоде, стоит отметить похолодание, имевшее место в 535-536 гг. Судя по всему, это резкое похолодание было вызвано серией вулканических извержений, снизившей прозрачность атмосферы (Larsen L.B. и др., 2008). Факт похолодания подтверждается дендрохронологическими изысканиями, проведенными на юге Алтая. Авторами исследования отмечено, что после 536 года наблюдается «экстраординарное снижение прироста» (Мыглан В.С. и др., 2012).

Последующий период, получивший название малого климатического оптимума, характерен мягким климатом. Температура в тот период была чуть выше современной. Имеются разнообразные сведения, в том числе исторические, говорящие о том, что в VII-X вв. в Азии было относительно тепло, на VII-VIII вв. приходится минимальное количество суровых зим в Китае (Монин А.С., Шишков Ю.А., 1979, с. 354-355). Этот период продолжался вплоть до наступления малого ледникового периода в XIV веке. Подтверждается это наблюдениями за колебаниями ледников Юго-Восточного Алтая (Северо-Чуйский хребет), которые свидетельствуют о повышении в тот период средней

летней температуры (Галахов В.П. и др., 2002, рис. 1; Галахов В.П. и др., 2010, с. 14-25).

В силу описанных выше природно-климатических и ландшафтных особенностей животный мир Алтая, также как и растительный, довольно разнообразен. Главным образом это связано с наличием хорошо выраженной высотной поясности и географическим расположением региона. Как писал известный зоолог, исследователь алтайской фауны Г.Г. Собанский: «разнообразие условий обитания обусловило видовое богатство животного мира этой страны. Здесь соседствуют представители северной тайги: лось, медведь и соболь – и обитатели степей и полупустынь: антилопа-дзерен, як, сурок, суслик и солонгой. Здесь живут горные виды – сибирский горный козел, горный баран, снежный барс, а также обитатель высоких широт дикий северный олень» (Собанский Г.Г., 1988, с. 12). Благодаря разнообразию природных угодий в алтайских горах нашли себе место обитания около 100 видов диких животных. На сегодняшний день, на Алтае обитают дикие животные, характерные для совершенно разных природных областей.

Сейчас здесь обитают представители нескольких отрядов млекопитающих, пять из которых представляют промысловое значение (рис. 53-76). К насекомоядным относится сибирский или алтайский крот, который вплоть до недавнего времени являлся объектом пушной охоты (Собанский Г.Г., 1988, с. 18). Из зайцеобразных здесь обитают несколько видов: заяц-беляк, заяц-толай, заяц-русак, искусственно заселенный в советское время, а также пищухи (или сеноставка) – монгольская, даурская, северная и степная. Грызуны представлены речным бобром, который был практически полностью истреблен в XIX веке и восстановлен в советское время; белкой обыкновенной; белкой-телеуткой; сурком алтайским.

К хищным относятся представители нескольких семейств: волчьих (серый волк, лисица обыкновенная, корсак, красный волк); медвежьих (бурый медведь); куньих (соболь, россомаха, горноста́й, колонок, солонгой, степной хорек, сибирский барсук, выдра); кошачьих (рысь, снежный барс или ирбис, манул). Парнокопытные представлены несколькими видами, относящимся к трем семействам (Собанский Г.Г., 1988, с. 93-94). К семейству оленьих (плотнорогие) относятся кабарга, марал, сибирская косуля, европейский лось, северный олень. Из полорогих на Алтае обитают сибирский горный козел и горный баран (аргали). Семейство свиньи представлено кабаном.

Кроме диких млекопитающих на Алтае обитает большое количество видов и подвидов птиц, которых насчитывается около 330, а если учитывать те виды, что зафиксированы на окраинах, то их насчитывается около 380 (Сушкин П.П., 1938б, с. 371). Из всех видов около 10% считаются охотничье-промысловыми (Конунова А.Н., 2009, с. 6), некоторые виды могли являться объектами охоты в древности и средневековье.

Таким образом, российская часть Алтая выглядит довольно привлекательной с точки зрения охотничьего промысла. Видимо, в периоды колебаний климата менялась и зоологическая картина региона – происходили изменения районов распространения отдельных видов диких животных. Скорее всего, в горы заходили нетипичные виды или исчезали обычные для региона виды, сокращалось или увеличивалось поголовье тех или иных животных. Так, судя по данным остеологического анализа коллекций с поселений Тыткескен-3 и Майма-1, выполненного А.В. Гальченко, районы расположения этих памятников населял кулан, являвшийся популярным объектом охоты. Во второй полови-

не XIX века кулан еще встречался в Юго-Восточном Алтае (Радлов В.В., 1989, с. 156). На сегодняшний день этот вид отсутствует среди представителей фауны Горного Алтая. Наличие в материалах поселения Тыткекскень-3 фрагментов костей сибирского горного козла говорит о том, что в период функционирования поселения ареал распространения животного достигал Северного Алтая. Зоологи отмечали, что современный ареал этого типичного представителя высокогорья сильно сократился, но даже в недалеком прошлом достигал Чемала. В Юго-Восточном Алтае с древности, вплоть до XVIII-XIX вв. обитали антилопы оронго и сайга (Собанский Г.Г., 1992, с. 93). Существование этих животных на Алтае в древности и средневековье подтверждается наскальными рисунками (Ешелкин И.И., 1974, с. 67; Соенов В.И., Суханов Г.П., 2001, с. 139). В Юго-Восточный Алтай раньше заходили дзерены (Ешелкин И.И., 1974, с. 66). Сегодня эти животные на Алтае не встречаются.

3.2. Формы, приемы и техника охоты.

Важным направлением изучения охотничьей деятельности населения Алтая в I тыс. н.э. является реконструкция форм, приемов и техники охоты, использовавшихся при проведении этого промысла. Этнографы обычно выделяют активные и пассивные формы традиционной охоты (Жамбалова С.Г., 1991, с. 28). Из-за отсутствия источников многие приемы и формы охоты пока невозможно реконструировать. В первую очередь, это касается пассивных форм охоты, которые, очевидно, были известны населению этого периода (Киселев С.В., 1951, с. 512). К пассивным видам относится охота, в которой применяются различные ловушки, капканы,

отравы, самострелы, ловчие ямы и т.п. К находкам, связанным с пассивными видами охоты, могут быть отнесены треугольные плоские изделия, названные А.А. Гавриловой наконечниками стрел для самострела (Гаврилова А.А., 1965, с. 57; Соенов В.И., 2005б, с. 53). Эти находки относятся к предтюркскому времени. Аналогии изделиям можно найти в тувинских памятниках (Грач А.Д., 1960, с. 47, рис. 46, 50; 1961, с. 21), но, к сожалению, нет описания материала, из которого были изготовлены эти наконечники. В этнографическое время для стрел самострела тувинцы использовали железные наконечники (Прокофьева Е.Д., 2011, с. 193). Возможно, в предтюркское время при установке самострелов использовались стрелы с костяными наконечниками. Отсутствие других свидетельств затрудняет реконструкцию пассивных форм охоты населения Алтая I тыс. н.э. В связи с этим, представляется возможным в определенной мере охарактеризовать только некоторые активные формы охоты и комплекс снаряжения, используемого при проведении активных видов охоты. Для объяснения некоторых явлений, зафиксированных по археологическим источникам, нами привлечены этнографические данные, содержащиеся в описаниях исследователей.

Снаряжение охотников и комплекс охотничьего оружия. Судя по вещественным находкам и изобразительным источникам, основным охотничьим оружием на протяжении всего I тыс. н.э. являлся лук со стрелами. Остатки луков и стрел – одни из самых массовых находок из археологических памятников конца I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Поскольку лук являлся не только охотничьим, но и боевым оружием, основные характеристики луков исследуемого периода содержатся в оружейведческой литературе.

На протяжении всего I тыс. н.э. в Южной Сибири использовались луки с конструктивными особенностями, при-

сущими так называемому луку гуннского типа и его модификациям (Гаврилова А.А., 1965, с. 87; Савинов Д.Г., 1981, с. 148, Худяков Ю.С., 1986, с. 30; Горбунов В.В., 2006, с. 26). Но если в первой половине I тыс. н.э. наиболее широко использовался классический лук гуннского типа с семью костяными накладками, то во второй половине, начиная с VII-VIII вв., наибольшее распространение получили изделия, у которых было только две срединные накладки (Савинов Д.Г., 1981, с. 148-149; Кубарев Г.В., 2005а, с. 82, 83).

В гунно-сарматское время деревянная основа лука – кибить, изготавливалась из березы или тополя, обклеивалась костяными накладками и, в некоторых случаях, оплеталась сухожилиями (Семенов А.И., 1995, с. 148; Тишкин А.А., Мыльников В.П., 2008, с. 96). В ряде случаев зафиксировано, что накладки изготавливались из полого рога (Бородовский А.П., 1997, табл. 55 – 49-50). Реконструируемый размер луков варьирует в пределах 1,4-2 м. Несмотря на общую тенденцию к уменьшению размеров лука (Горбунов В.В., 2006, с. 26), в тюркское время наряду с изделиями, имевшими длину 1,1-1,2 м, в использовании находились луки, длина которых составляла 1,4 м (Кубарев Г.В., 2005а, с. 370).

На охоте использовались стрелы с наконечниками различных типов, изготовленными из кости, железа и дерева. Не использовались на охоте только стрелы со специализированными боевыми наконечниками. Такими могли быть, к примеру, бронебойные наконечники стрел. Напротив, исключительно для охотничьих целей создавались стрелы с деревянными и костяными тупыми наконечниками, называвшиеся в этнографическое время *томар* или *томор*. Остальные типы наконечников стрел были универсальными и могли использоваться как во время боевых действий, так и на охоте. Отметим, что в материалах ран-

него средневековья содержится гораздо меньше костяных наконечников стрел, чем в предыдущий гунно-сарматский период (Сальникова И.В., 1999).

В гунно-сарматское время древки стрел изготавливались из березы. Причем отмечалось, что древки были изготовлены из взрослой березовой древесины (Семенов А.И., 1995, с. 148). В последующий период стрелы изготавливались из ивы (Кубарев Г.В., 2005а, с. 87). На конце древков стрел делался специальный вырез под тетиву. Эта часть древков раскрашивалась красной или черной краской. В местах крепления наконечников древки стрел обматывались древесной корой или нитками.

Стрелы хранились в специальных футлярах – колчанах. В памятниках гунно-сарматского времени находят изделия, произведенные из различных материалов: дерева; дерева и кожи; дерева и ткани. Колчан изготавливался таким образом: к круглым деревянным дну и крышке с вырезом в виде полумесяца крепилась кожаная или тканая основа (Тишкин А.А., Мыльников В.П., 2008, с. 98). Форма изделия поддерживалась вертикальной деревянной планкой. В этих колчанах стрелы хранились наконечниками вниз. Также в тот период начинают использоваться берестяные колчаны (Горбунов В.В., 2006, с. 45). Находки колчанов тюркского времени представлены исключительно берестяными изделиями. В таких колчанах стрелы обычно хранились наконечниками вверх. Колчаны крепились на двух ремнях в наклонном положении к специальному саадачному (стрелковому) поясу (Кубарев Г.В., 1998).

Кроме луков со стрелами алтайские охотники в I тыс. н.э. использовали подготовленных собак и птиц. Об использовании охотничьих собак в гунно-сарматское время говорят изобразительные источники. Также встречаются

немногочисленные находки фрагментов костей собак в материалах поселений. О раннесредневековых собаках мы знаем благодаря изобразительным источникам, в которых они являются довольно частыми фигурами. Кроме того, в раннесредневековых погребениях могильников Курай III, Курата II и Балык-Соок-I известны находки костяков собак (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 97; Суразаков, 1999, с. 172; Кубарев Г.В., 2005а, с. 380, табл. 122). В этих случаях впускные погребения собак, по-видимому, должны были осквернить могилу врага (Суразаков А.С., 1999). По мнению Н.А. Кузнецова, костяки собак, находимые в средневековых погребениях Южной Сибири, являются сопребением охотничьей собаки с хозяином. Исследователь утверждает, что погребение собаки с человеком является социальным маркером знатных погребений: «присутствие собаки в погребении маркирует степного «аристократа» ...» (Кузнецов Н.А., 1998, с. 305). Впускной характер погребений собак из могильников Курата-II и Балык-Соок-I (возможно и на Курае-III) позволяет нам связать эти факты скорее с традицией нарушения могилы, чем с социальным положением погребенного. К сожалению, в научной литературе не содержатся сведения об изучении этих костяков специалистами-зоологами.

Об алтайских охотничьих собаках, использовавшихся в этнографическое время, мы находим мало сведений. При описании поездок по Алтаю во второй половине XIX века В.В. Радлов отмечал, что собаки, которых он видел во множестве у алтайских юрт, были призваны охранять стада домашних животных от волков. Исследователь описывал собак худыми, плохо накормленными и очень злыми (Радлов В.В., 1989, с. 152). Видимо, основная задача этих собак была пасти и охранять скот. Имеются сведения об

использовании на охоте алтайцами в 20-е гг. XX в. лайки (Романова Е.Е., 2012). В.П. Дьяконова отмечала, что у южных алтайцев имелись «специально натасканные собаки», которые «всегда находили раненного зверя». Использовались собаки также в загонной охоте – *агырту* (*агыртар*) (Дьяконова В.П., 2001, с. 33).

Раннесредневековому населению Алтая была известна охота с ловчими птицами (Константинов Н.А., Соенов В.И., 2012). Об этом свидетельствуют изобразительные источники. Изображения хищных птиц известны по петроглифам Каракола, Елангаша, Карагема, плиты из Ини, Мынты (Минорский А.И., 1951, с. 188, рис. 56 – 5; Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., 1984, рис. 2 – 12; Маточкин Е.П., 1997, с. 57-58, рис. 1 – 1; Соенов В.И., Суханов Г.П., 2001, с. 138-139, рис. 1; Бородовский А.П., 2009, с. 226). В соседних и отдаленных от Горного Алтая регионах (Минусинская котловина, Тува, Монгольский Алтай, Казахстан, Тянь-Шань) имеется ряд раннесредневековых сцен соколиной охоты, изображенных на предметах материальной культуры, стелах и скалах (Радлов В.В., 1891, прил., табл. III – е; табл. IV; Кызласов И.Л., 1998, с. 145, рис. 12-14; Кубарев В.Д., 2001б, с. 98, 100, рис. 9 – а, б; Табалдиев К.Ш., Жолдошов Ч., 2003, с. 112-113; Железняков Б.А., 2011, рис. 3, с. 293; и др.). На раннесредневековых тюркских изваяниях Казахстана также встречаются изображения птиц, сидящих на руке (Шер Я.А., 1966, с. 12, 114, 116, рис. 5, табл. XXIII; Чариков А.А., 1989, с. 184, рис. 1 – 1; Ермоленко Л.Н., 1999).

Упоминание об охоте с хищной птицей на журавлей содержится в минусинских рунических эпитафиях: «... Пусть множатся журавли Тогудая: того кто мог охотиться на них с ловчей птицей – мудрого тутука, – нет, пусть множатся! Великий кравчий остался (один)...» (Кормушин

И.В., 2008, с. 140). Охота с применением хищной птицы была хорошо известна в этнографическое время у народов Казахстана, Центральной и Средней Азии (Хороших П.П., 1947, с. 31; Симаков Г.Н., 1998; Потапов Л.П., 2001, с. 39; Жуковская Н.Л., 2002, с. 97). Соколиная охота имела значительное распространение у населения Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, как минимум, с периода раннего средневековья. Кроме того этот вид охоты имел широкое распространение у знати раннесредневековых центрально-азиатских государств.

Коллективная охота. Рассматривая охотничий промысел населения Алтая в I тыс. н.э., естественно, мы проводили этнографические параллели сведениям, полученным в результате анализа археологических и изобразительных источников. В ходе работы с этнографической литературой мы столкнулись с проблемой несогласованности терминологического аппарата. Например, часто в этнографической литературе, описывающей охотничий промысел алтайцев, употреблялся термин «облавная охота» (Сатлаев Ф.А., 1974, с. 54; Потапов Л.П., 2001, с. 26; Дьяконова В.П., 2001, с. 33). В труде Ф.А. Сатлаева не содержится описание охоты на маралов, которую он назвал облавой. Однако, судя по описанию Л.П. Потапова и В.П. Дьяконовой, формы охоты, названные ими облавной, можно уверенно отнести к категории загонной охоты.

Облавная охота имеет ряд характерных особенностей. В первую очередь, облава характерна окружением местности, в которой сосредоточена охотничья добыча и постепенным сужением кольца окружения, в ходе которого проводился отстрел животных (Жамбалова С.Г., 1991, с. 34). Л.П. Потапов так описывает рассматриваемую охоту: «Охотники разделялись на загонщиков (*агырчи*) и стрелков-

караульщиков. Облава происходила по следу или ходу маралов и козуль и была основана на широком использовании естественных особенностей местности. Стрелки занимали места на тропах, по которым шли животные, выходы из долины, а загонщики гнали животных ...» (Потапов Л.П., 2001, с. 26). В другом месте этнограф называет облаву охоту гоном, которую организовывали северные алтайцы: «ранней весной <...> устраивали облавы на маралов на лыжах, по насту и замучивали их преследованием» (Потапов Л.П., 2001, с. 26). В.П. Дьяконова описывает «конную облавную охоту» – *агырту*, следующим образом: «участники облавной охоты разбивались на несколько групп (3-4 человека) и занимали избранные позиции по северному склону горы. Начиналась охота с нижнего склона горы, группа охотников с криком (*агырт*) теснила зверя вверх. Его по мере продвижения к вершине горы отстреливали те или иные группы охотников» (Дьяконова В.П., 2001, с. 33).

Судя по приведенным описаниям, становится ясно, что указанные формы охоты относятся к разновидностям загонной охоты и охоты гоном. Нами не было найдено ни одного описания форм традиционной охоты алтайцев, которую можно было бы отнести к облавной охоте. Кроме того, имеются архивные свидетельства, о том, что для населения Алтая в XVIII веке была характерна охота небольшими группами, от 4 до 20 участников, но, впрочем, имели место и исключения. В частности, в донесении Крофта, датирующемся 30 декабря 1755 года, упоминается группа из 250 алтайских охотников, проезжавшая на лошадях рядом с Усть-Каменогорской крепостью (Самаев Г.П., 1991, с. 40). Однако учитывая военно-политические события, происходившие в регионе в то время, можно предположить, что объединение в большие группы было вынужденной мерой в условиях

постоянной опасности нападения со стороны цинских, монгольских, казахских и русских военных отрядов.

Также необходимо отметить, что в этнографическое время у алтайцев существовала коллективная охота, включающая в себя элементы активных и пассивных форм. В.И. Вербицкий писал, что на марала и лося алтайцы «делают городьбу, которая бывает версты на три, кое-где оставляя пустоту. Внутри городьбы наставляют от 200-300 луков», то есть самострелов (Вербицкий В.И., 1893, с. 35). Описания подобной техники охоты приводится и другими этнографами (Сатлаев Ф.А., 1974, с. 54; Дьяконова В.П., 2001, с. 31-32). В этих случаях охота была пассивной. Типичную охоту с использованием изгородей и ловчих ям описывает Л.П. Потапов: шорцы огораживали места брода на осенних миграционных путях лосей маралов и косуль, оставляя проходы, в которых ставили петли. На концах городьбы устанавливались шалаши, в которых постоянно находились охотники, караулящие добычу (Потапов Л.П., 2001, с. 28-29). Ловчие ямы выкапывались на тропях (Потапов Л.П., 2001, с. 26; Сатлаев Ф.А., 1974, с. 54).

Для изучения форм охоты исследуемого периода важным источником являются изобразительные материалы. Это сцены охоты в петроглифах и на накладках луки седла из могильника Кудыргэ. В силу особенностей используемого для нанесения изображений материала, а также принадлежности этих сцен определенному стилю и «законам жанра», сложно установить виды охоты, изображенные на скалах. Но, тем не менее, отдельные сцены охоты можно определить как загонные. Например, к этому виду охоты можно отнести сцену из Кургака. В сцене конный охотник изображен без оружия (Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2002, рис. 1) и, вероятно, он является загонщи-

ком, а пеший лучник – стрелок, который готовится поразить вспугнутого всадником марала. Другие виды коллективной охоты определить сложно из-за плохой степени сохранности изображений сцен либо из-за их стилизации.

Необходимо отметить, что в изобразительных материалах I тыс. н.э. нет свидетельств наличия облавной охоты. Главная особенность облавной охоты – окружение зверей охотниками, не встречена в изобразительных источниках, найденных в российской части Алтая. Сцены облавной охоты, относящиеся к раннему средневековью, известны в петроглифах Монгольского Алтая (Кубарев В.Д., 2001б, с. 96, 98, рис. 8). Судя по всему, облавная охота свойственна главным образом населению больших остепненных, относительно ровных пространств (Гумилев Л.Н., 1967, с. 262). Поэтому в горных ландшафтах российской части Алтая этот вид охоты не был распространен.

Некоторые сцены охоты можно назвать коллективной верховой охотой гоном. Такой можно определить сцену охоты на кудыргинских костяных накладках луки седла (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927, табл.) и некоторые другие изображения. Верховая коллективная охота гоном, наряду с ее индивидуальным аналогом, была связана со «спортивной» составляющей охотничьей деятельности. Во время охоты гоном отрабатывались навыки стрельбы из лука с лошади на скаку. Этот вид охоты, кроме хозяйственного значения, выполнял функции военной тренировки.

Конечно, при анализе изобразительных источников стоит учитывать стилизацию сюжетов и особенности материала, на котором изображены сцены. Например, художник, украшавший кудыргинские накладки, был ограничен в рабочей площади, поэтому сюжет кроме вынужденной стилизации в значительной мере зависел еще и от формы и раз-

мера накладок. В то же время заметим, что охотничий сюжет, нанесенный на накладки, практически не отличается от одновременных наскальных сцен охоты.

Индивидуальная охота. Значительную часть ранне-средневековых охотничьих рисунков можно отнести к изображениям индивидуальной охоты. Изображения одиночных охотников встречены в шестнадцати раннесредневековых сценах (всего было зафиксировано 25 сцен) и в трех сценах гунно-сарматского времени (из четырех). Некоторые сюжеты относятся к изображениям пешей и верховой охоты гоном. Конечно, при рассмотрении изобразительных источников стоит учитывать смысловые особенности этих рисунков, поскольку чаще всего в них изображался какой-то конкретный «герой», которому была посвящена сцена (Кызласов И.Л., 2008, с. 459).

Среди охотничьих композиций, в которых присутствует только одна фигура охотника, можно выделить сцены верховой охоты гоном. Сцены пешей охоты трудно определить из-за простоты их композиционных построений. В одном случае был изображен пеший охотник, на которого собака загоняет марала (Черемисин Д.В., 2004, рис. 8) (рис. 33 – 1). Также интересна сцена охоты, в которой всадник изображен с копьём, а собака загоняет на него марала (Черемисин Д.В., 2004, рис. 9) (рис. 31 – 3). Возможно, это было изображение какого-то эпического сюжета.

Охотничьи угодья. Из-за отсутствия письменных источников, напрямую касающихся территории Алтая, сегодня сложно достоверно реконструировать особенности использования охотничьих угодий между разными семьями или общинами в рассматриваемый нами период. Тем не менее, учитывая, что Российский Алтай в раннем средневековье входил в состав тюркских каганатов, здесь могли

быть схожие условия владения землей. Некоторые сведения об этом можно почерпнуть из китайских источников. Для первой половины I тыс. н.э. таких данных, даже косвенных, пока нет.

В переведенных Н.Я. Бичуриным китайских источниках содержатся описания тюрков, составленные летописцами. В частности, там сказано, что у тюрков «постоянного местопребывания нет, но каждый имеет свой участок земли». По мнению переводчика, здесь говорится о пастбище (Бичурин Н.Я., 1950, с. 230). Л.Н. Гумилев, опираясь на эти сведения и данные археологической разведки, проведенной им в 1948 году в Горном Алтае, считал, что у раннесредневековых тюрков была аильная система ведения хозяйства, в котором основной экономической единицей являлась парная семья (Гумилев Л.Н., 1967, с. 71). При такой системе каждая семья селилась в какой-либо долине и использовала ее в хозяйственных целях. Судя по всему, в этот участок земли, которым владела отдельная семья, должны были входить и охотничьи угодья.

Н.М. Ядринцев писал, что у населения Алтая во второй половине XIX века «охотничьи угодья в лесах между родами волостями были почти размежеваны; примеры этого мы видели часто в горном Алтае и даже в таких пустынях, как на Чулышмане и Телецком озере, где инородцы жаловались нам на то, что к ним заходит другая волость» (Ядринцев Н.М., 1891, с. 117). Учитывая характер владения землей у раннесредневековых тюрков, можно предположить, что у них существовала подобная система владения охотничьими угодьями. В то же время, если брать во внимание мнение Л.Н. Гумилева о том, что в основе хозяйственной деятельности была парная семья, то владения охотничьими угодьями могли быть у одной такой семьи. Вполне вероятно, что охотничьи

угодя такого рода были у населения Южного Алтая, для которого из-за природных особенностей была более характерна индивидуальная охота (Потапов Л.П., 2001, с. 39).

В северных таёжных районах Алтая могли существовать коллективные охотничьи угодя, как это было у северных алтайцев в этнографическое время. Охотничьи угодя у них были во владении сеока, что сохранялось в памяти народа вплоть до советского времени, несмотря на изменения традиционного уклада, произошедшие после присоединения к Российской империи (Потапов Л.П., 2001, с. 43). В то же время стоит учитывать данные рубежа XIX-XX вв., приводимые С.П. Швецовым (2008, с. 147) – «есть угодя, которыми пользуются все одинаково». Это промысловые угодя, где охотничий промысел может проводить любой алтаец, независимо от сеока и принадлежности его к той или иной дючине (Швецов С.П., 2008, с. 138).

Итак, для населения российской части Алтая в I тыс. н.э. были характерны различные формы и приемы охоты. К сожалению, археологический материал не позволяет нам сегодня в достаточной мере реконструировать пассивные формы охоты. Что касается активных способов ведения охоты, то здесь мы имеем довольно хорошую базу источников, позволившую их охарактеризовать. Так, для горных территорий Алтая была характерна загонная коллективная охота. Облавная охота, которая была широко распространена в соседних степях Монголии, на территории Алтая не применялась, а если и применялась, то не имела большого значения, как это зафиксировано для раннесредневекового тюркского населения монгольских степей или в этнографическое время у бурятов.

Прослеживается значительная доля индивидуальной охоты. В то же время стоит отметить, что в силу разнород-

разной высотной поясности Алтая, изменяющейся с севера на юг, изменяется и степень популярности тех или иных видов охоты. На юге испытывалось влияние «степной» традиции охоты, а на севере – «таёжной» традиции (Потапов Л.П., 2001, с. 57). Подобная ситуация характерна и для этнографического времени.

Итак, главным оружием, применявшимся на охоте населением Горного Алтая в I тыс. н.э., являлся лук со стрелами. Известны находки специализированных притупленных наконечников стрел, использовавшихся при охоте на пушных зверей. Активно использовались собаки, а также во второй половине I тыс. н.э. на охоте применялись ловчие птицы. Вероятно, в рассматриваемый период у алтайских охотников в употреблении имелись самострелы.

3.3. Хозяйственная роль охоты.

Учитывая разные аспекты охотничьей деятельности, в том числе «спортивный», мировоззренческий, социальный, нельзя не остановиться на одном из важнейших компонентов охоты как части жизнеобеспечения населения Горного Алтая в гунно-сарматское и тюркское время – хозяйственном значении этого вида деятельности. В основе охотничьей деятельности человека лежит добыча диких животных для пополнения пищевых запасов и других продуктов. В этом разделе мы рассмотрим значение охотничьей деятельности в повседневном быту и питании.

Мясное потребление диких животных. Поселения исследуемого периода изучены, к сожалению, не равномерно. Памятники Майма-1, Тыткескень-3, Нижний Чепош-3 и Усть-Куба, остеологические коллекции которых исследова-

ны зоологами, относятся к первой половине I тыс. н.э. В материалах Денисовой пещеры выделены слои гунно-сарматского времени, раннесредневекового слоя не зарегистрировано. Поселения второй половины I тыс. н.э. на Алтае пока неизвестны и, соответственно, мы не можем в полной мере охарактеризовать значение продуктов охотничьей деятельности в мясном потреблении того времени, впрочем, как и значение одомашненных видов животных.

Материалы гунно-сарматского времени имеют весьма значительный потенциал для анализа мясного потребления населения Алтая этого периода. Из коллекций, полученных в ходе раскопок на поселении Майма-1 в 1991 году, остеологом А.В. Гальченко были определены 3000 фрагментов костей домашних животных и 872 фрагмента костей диких животных (рис. 43). Материалы с определениями были приложены к полевому отчету М.Т. Абдулганеева, хранящемуся в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина.

На поселении Тыткескень-3 в слое гунно-сарматского времени найдено 542 определимых фрагмента костей домашних животных и 187 фрагментов костей диких животных (Кунгуров А.Л., 1994, табл. I) (рис. 44). Из остеологической коллекции, полученной при раскопках на городище Нижний Чепош-3 в 2009 году, были определены 252 фрагмента костей домашних животных и 16 фрагментов костей диких животных (Онищенко С.С., 2011) (рис. 45). Из остеологической коллекции поселения Усть-Куба, с которой работала остеолог Э.В. Алексеева, определены 54 фрагмента костей лошади, коровы, овцы (по две особи), трех особей косули, одной особи собаки (Киреев С.М., Ларин О.В., 2004, с. 53). Однако сведения о количестве фрагментов костей тех или иных видов животных, най-

денных на Усть-Кубе, остались неопубликованными. Имеется упоминание о находках фрагментов костей животных (овцы, коровы и других) на Черемшанском городище (Киреев С.М., 1995, с. 135).

Итак, говоря о периоде конца I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э., мы имеем довольно представительные материалы по мясному потреблению населения Алтая. Судя по количеству фрагментов костей диких животных, а также их встречаемости на разных поселениях, излюбленным объектом охоты была косуля. На всех поселениях найдены фрагменты костей марала, что говорит о том, что марал тоже был обычной охотничьей добычей. Большое распространение в этот период имел кулан, фрагменты костей которого встречены в значительном количестве на поселениях Майма-1 и Тыткескень-3. Кроме того, жителями Алтая гунно-сарматского времени в пищу употреблялось мясо кабана, сибирского горного козла и некоторых других животных.

Нужно отметить значительное видовое разнообразие диких животных на поселениях рассматриваемого периода. Так, на поселении Майма-1 были зафиксированы фрагменты костей, относящиеся к десяти видам диких животных и птичьим остаткам (Абдулганеев М.Т., 1991). На поселении Тыткескень-3 зафиксированы костные остатки семи видов диких животных (Кунгуров А.Л., 1994, табл. 1). Среди остеологических материалов городища Нижний Чепеш-3 зафиксированы костные остатки шести видов диких животных (из тех, что являются объектами охотничьей деятельности человека) и фрагмент кости птицы (Онищенко С.С., 2011). Большое видовое разнообразие фрагментов костей диких животных свидетельствует о значительном развитии охотничьего промысла (Сатаев Р.М., Гимранов Д.О., Кильмухаметова Э.Д., 2009, с. 177).

По мнению археозоолога Е.Е. Антипиной, минимальное число фрагментов костей для определения видового состава животных, наиболее значимых в хозяйстве того или иного населения и соотношения их в мясном потреблении, составляет 400 фрагментов (Антипина Е.Е., 2004). Это значение также принято другими археозоологами (Косинцев П.А., 2004). Учитывая данный показатель, можно допускать, что сведения с городища Нижний Чепош-3 и поселения Усть-Куба могут дать не вполне адекватное представление о хозяйственном значении охотничьей деятельности. Тем более что определения Усть-Кубы не опубликованы полностью. Osteологические данные из слоя гунно-сарматского времени Денисовой пещеры также не представляется возможным использовать при анализе мясного потребления населения Алтая исследуемого периода, поскольку пещера в раннем железном веке выполняла роль культового места (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 134). Соответственно, фрагменты костей животных из этого памятника имеют ритуальное происхождение и, кроме того, количество фрагментов костей в культурном слое гунно-сарматского времени недостаточно для расчетов особенностей мясного потребления. Если говорить о поселениях Тыткескень-3 и, особенно, Майма-1, то их данные могут реально отражать названные Е.Е. Антипиной показатели. Впрочем, эти данные, как и любые другие osteологические подсчеты, объективны только в определенной мере (Антипина Е.Е., 2007, с. 1-2).

Кроме прочего, Е.Е. Антипина отмечает, что для изучения кухонных остатков наиболее адекватным показателем являются количественные данные фрагментов конкретных видов, нежели минимальное число особей. Исходя из этого принципа, мы будем основывать расчеты мясного потреб-

ления на количестве фрагментов костей разных животных. Для более точного определения степени эксплуатации тех или иных видов в мясном потреблении населения необходимо учитывать разницу в весе особей этих видов животных (Антипина Е.Е., 2004). Чтобы получить соотношение объема мяса отдельного вида и количества мяса других видов животных необходимо число фрагментов костей конкретного вида умножить на его весовой коэффициент, то есть на средний убойный вес одной особи. При вычислении долей разных видов животных в мясном потреблении, нами были использованы данные об их весе, опубликованные в специальной сельскохозяйственной и зоологической литературе. Кроме того, учитывались особенности животного мира региона, а также наблюдения, сделанные археозоологами при проведении анализа остеологических коллекций рассматриваемых памятников. Естественно, проводя вычисления, мы понимаем, что приведенные ниже показатели имеют определенную долю условности.

Итак, приведем средние весовые показатели для видов животных, фрагменты костей которых встречены на алтайских поселениях гунно-сарматского времени. Полезный (убойный) вес одной особи крупного рогатого скота с учетом не только мяса, но и внутренностей и жира, которые также употребляются в пищу, составляет в среднем около 150 кг. С одной лошади в среднем можно получить около 200 кг мяса и внутренностей. Эти данные приведены С.С. Онищенко при анализе остеологических данных с городищ Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4. Также С.С. Онищенко (2011, с. 101) предложил показатель среднего веса туши овцы в 30 кг. Однако, судя по другим данным, средний живой вес взрослой овцематки теленгитской овцы, которая была наиболее распространена на Алтае до 1928 года, со-

ставлял 46-50 кг (Стасевич Е.Ф., Альков Г.В., 1962, с. 6). Учитывая, что полезный вес туши особи овцы составлял около 50% от общего веса и к нему добавить вес употребляемых в пищу внутренностей, то показатель в 30 кг можно рассматривать как максимальный. Кроме того, на городищах Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4, во всех случаях, когда удавалось определить возраст забитых овец, фрагменты костей относились к скелету молодых особей (Онищенко С.С., 2011, с. 98-99), которые не достигали максимального веса. Исходя из этих данных, при проведении расчетов был использован показатель среднего полезного веса одной особи овцы в 23 кг. Полезный вес особи козы в среднем составляет чуть меньше, чем вес овцы (Ерохин А.И. и др., 2001, с. 96-98) и установлен нами около 20 кг.

Данные по весу диких животных содержатся в работе зоолога Г.Г. Собанского (2005). Так, исследователь отмечает, что от одного марала можно получить до 200 кг мяса и до 35 кг жира (Собанский Г.Г., 2005, с. 215). Средний показатель, с учетом самок и молодых особей, ученый устанавливает в рамках 120-130 кг. Учитывая факты находок фрагментов костей взрослых особей на городище Нижний Чепош-3 (Онищенко С.С., 2011, с. 99; Соенов В.И. и др., 2011, с. 47), а также добавив к этому показателю вес жира и внутренностей, также употребляемых в пищу, средний полезный вес марала можно установить около 150 кг. Убойная масса косули варьируется в пределах 40-60% от живой массы, которая колеблется в пределах от 30 до 50 кг (Собанский Г.Г., 2005, табл. 21). В среднем, с одной косули можно получить около 22 кг мяса, жира и внутренностей. С одной особи лося можно было получить до 280 кг мяса, однако это максимальные данные, в наших расчетах мы использовали средний показатель в 200 кг. Средний

убойный вес кабана составлял 50 кг (Собанский Г.Г., 2005, с. 139). Сибирский горный козел достигает в среднем массы тела 85 кг. Учитывая, что убойный вес составляет около 50%, мы использовали показатель в 42,5 кг. Общий вес кулана составлял 120-300 кг, мы использовали показатель среднего убойного веса в 80 кг.

Итак, после того как мы умножили количество фрагментов на весовой коэффициент, у нас получилась совсем другая картина, отличающаяся от простого видового соотношения количества фрагментов костей. Так, доля мяса диких животных в мясном потреблении как на поселении Майма-1, так и Тыткескень-3 составила всего 11% (рис. 48; 51). До введения весового коэффициента доля количества фрагментов костей диких животных от общего количества определяемых костей составляла 23% на поселении Майма-1 и 26% на поселении Тыткескень-3. Соответственно, картина изменилась в значительной мере после введения весового коэффициента. Таким образом, доля мяса диких животных в мясном потреблении населения Алтая гунно-сарматского времени составляла около 11%.

После введения весового коэффициента изменилось и соотношение долей разных видов диких животных. На Тыткескене-3 доля косули среди диких животных составила 38%, марала – 30%, кулана – 18%, сибирского горного козла – 8%, лося – 5%, кабана – 1% (рис. 52). На поселении Майма-1 из значимых в мясном потреблении животных выделяется кулан, доля этого вида в потреблении мяса диких животных составила 39%, марала – 33%, косули – 22%, кабана – 6% (рис. 49).

Интересно, что на поселении Майма-1 в мясном потреблении большое значение имел кулан в сравнении с другими дикими животными. В слое гунно-сарматского време-

ни поселения Тыткескень-3 его доля значительно ниже, что, очевидно, связано с меньшим распространением кулана в горной долине Катунь. Итак, основными объектами мясного потребления из диких животных населением Алтая в гунно-сарматское время являлись три вида – кулан, марал и косуля. Судя по всему, в тот период кулан являлся довольно распространенным видом в предгорьях Алтая и проникал в горные долины вплоть до района поселения Тыткескень-3. Вместе с тем, даже после введения весового коэффициента, доля косули остается значительной в мясном потреблении в сравнении с другими видами диких животных. Это говорит о том, что добывалось значительное количество особей этого вида. Из домашних животных, значимых в мясном потреблении населения Алтая исследуемого периода, стоит отметить лошадь, доля которой в общем потреблении мяса превышает половину (рис. 47; 50). Около четверти всего мяса, в пределах 24-27% потребляемого населением, составляло мясо крупного рогатого скота. Баранина занимала всего около 6% в мясном потреблении, что немногим больше мяса некоторых видов диких животных (доля кулана на Майме-1 – 5%; косули на Тыткескене-3 – 4%).

Об особенностях мясного потребления алтайцев в этнографическое время имеются сведения, позволившие довольно точно охарактеризовать мясное потребление населения. Так, отмечалось, что мясная пища употреблялась в ограниченном количестве, забой скота был сезонным. В весенне-летний период бедные и малоимущие алтайцы мяса практически не употребляли (Дьяконова В.П., 2001, с. 62). В этом плане заметную часть рациона южных алтайцев составляло мясо диких животных, добыча которых была круглогодичной. Скорее всего, похожая ситуация была в средневековье и предшествующее время, поскольку система хранения мяса в

тот период вряд ли разительным образом отличалась от зафиксированной этнографами в недавнее время у алтайцев. В связи со сказанным выше, можно предположить, что охота вносила значительное разнообразие в мясное потребление и способствовала поддержанию необходимого уровня мясной пищи в летний период, когда употребление мяса домашних животных было ограниченным.

Также стоит заметить, что приводимые исследователями данные по этнографии теленгитов Южного Алтая свидетельствуют о том, что в отличие от домашних животных, не все внутренности диких зверей употреблялись в пищу. Из внутренностей у них бралось только сердце и печень, хотя у других народов Сибири зафиксирован обычай использования кишок и крови диких животных для приготовления пищи (Дьяконова В.П., 2001, с. 67-68).

Итак, данные, полученные археозоологами при анализе остеологических коллекций, позволяют в достаточной мере охарактеризовать значение охоты в мясном потреблении населения российской части Алтая в первой половине I тыс. н.э. К сожалению, изученные поселения этого периода локализованы в северной части региона. Очевидно, что значение охотничьей деятельности и отдельных видов диких животных в мясном потреблении населения зависело от среды обитания, которая на Алтае связана с особенностями высотной поясности, ярко выраженной в регионе из-за сложного горного рельефа. В связи с этим дальнейшее изучение поселений в разных районах позволит выявить особенности хозяйственного развития древнего и средневекового населения в различных природно-климатических зонах Алтая.

Применение археозоологических методов для алтайских материалов выглядит перспективным. Определение степени изношенности, половозрастных особенностей ос-

теологических коллекций позволит зафиксировать специфику местного животноводства (Антипина Е.Е., 2004), его направленность (мясное или молочное), использование животных в качестве тягловой силы, в верховой езде, а также традиционные черты охотничьего промысла древнего и средневекового населения региона.

Потребление мяса птиц. Особо стоит отметить использование мяса птиц. Костные остатки птиц известны на всех поселениях первой половины I тыс. н.э., результаты остеологического анализа с которых опубликованы (табл. 6), а также на поселениях предшествующего периода (Шульга П.И., 1994, с. 56). Изобразительные источники второй половины I тыс. н.э. свидетельствуют о том, что охота на птиц имела место у населения Алтая того периода. В туэктинском сюжете среди объектов охоты изображен журавль (Миклашевич Е.А., 2006, рис. 5), в усть-канской сцене охоты изображены «куропатки-кеклики» (Елин В.Н., Некрасов В.А., 1994, с. 118).

В исследуемый период значение птичьего мяса в мясном потреблении не было существенным. Этнографами отмечалось, что население Южного Алтая в недавнем прошлом употребляло в пищу глухарей, рябчиков, куропаток, уток и гусей. Но охота на птиц имела случайный характер (Дьяконова В.П., 2001, с. 68). Мясо отдельных видов птиц использовалось в лечебных целях. Так, мясо некоторых видов хищных птиц засушивалось, перетиралось в порошок и использовалось в лечебных целях, в частности, при болезни десен (Дьяконова В.П., 2001, с. 33). В I тыс. н.э. охота на птиц, судя по всему, носила случайный и немассовый характер, как и в этнографическое время. Главное значение птиц в мясном потреблении заключалось во внесении разнообразия в пищевой рацион, чему способствовала их добыча.

Пушной промысел. Значение пушного промысла трудно достоверно определить по археозоологическим данным. Из фрагментов костей зверей, значимых для пушного промысла, на поселениях первой половины I тыс. н.э. найдены костные остатки лисы, сурка, суслика, медведя, зайца. Эти находки сделаны на Майме-1 и Нижнем Чепеше-3. На поселении Тьткескень-3 определимые фрагменты костей пушных зверей не были найдены. Однако это может говорить только о том, что пушные животные не имели большого значения в мясном потреблении, поскольку фрагменты костей на поселениях являются главным образом кухонными остатками.

В погребениях булан-кобинской культуры встречаются находки фрагментов меха (Гаврилова А.А., 1965, с. 54; Семенов А.И., 1995, с. 147), однако видовая принадлежность этих мехов не определена. В памятниках Горного Алтая тюркского времени известны находки фрагментов шуб, изготовленных, в том числе, из меха соболя, сурка и каменной куницы (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927, с. 41; Кубарев Г.В., 2005а, с. 46).

Изобразительные источники первой половины I тыс. н.э. немногочисленны. На одной из сцен охоты, относящихся к этому периоду, изображена охота на медведя (Кубарев В.Д., 2011, прил. II, рис. 598; Соенов В.И., 2003в, рис. 1 – 1). Впрочем, медведь являлся не только объектом пушной охоты, но и объектом мясного потребления населения Алтая, хотя находки фрагментов костей этого зверя единичны среди кухонных остатков. В изобразительных источниках раннесредневековой поры присутствуют изображения пушных зверей, но в довольно небольшом количестве. К ним может быть отнесена фигура лисицы на кудыргинской накладке, а также изображения медведей (Кляш-

торный С.Г., Кубарев Г.В., 2002, рис. 1; Миклашевич Е.А., 2006, с. 223, рис. 5) и волков (Окладникова Е.А., 1988, рис. 3 – 3) в наскальных рисунках.

Исходя из имеющихся источников, определить уровень развития пушного промысла у населения Алтая в гунно-сарматский период довольно сложно, мы можем отметить только факт его наличия. Вместе с тем о значительном развитии пушного промысла в раннем средневековье говорят находки тупых деревянных наконечников стрел на могильниках Кудыргэ, Курай V и Туэкта (Гаврилова А.А., 1965, с. 30). Эти изделия являются специализированными охотничьими наконечниками стрел, предназначенными для промысла мелких пушных зверьков (Суразаков А.С., 2002в, с. 198). Наконечники, предназначенные для охоты на пушных зверей обнаружены уже в памятниках эпохи ранней бронзы. Так, находки томаров зафиксированы в афанасьевском слое святилища Кучерла-1 в Южном Алтае (Молодин В.И., Ефремова Н.С., 2010, с. 48) и в материалах памятников елунинской культуры в Верхнем Приобье (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2002, с. 24; Грушин С.П., Тишкин А.А., 2011, с. 163-164, рис. 1 – 5). Стрелы с подобными наконечниками продолжали использоваться вплоть до этнографического времени.

По мнению части исследователей, средневековые обитатели Центральной Азии занимались пушным промыслом в ограниченном объеме, а пушнину получали от подвластного им населения северной таёжной периферии ранне-средневековых центрально-азиатских государств (Борисенко А.Ю., Белинская К.Ы., Худяков Ю.С., 2008, с. 102). Тем не менее, находки специализированных наконечников стрел, предназначенных непосредственно для охоты на пушных зверей, изображения объектов пушного промысла

(лисицы, медведей, волков) в раннесредневековых сценах охоты, а также фрагменты одежды из меха диких животных говорят о том, что пушной промысел населения Алтая в рассматриваемый период был развит в значительной мере.

Судя по данным ясачной комиссии, проведенной на Алтае в первой половине XIX века, здесь добывалось значительное количество диких животных. В зависимости от года добывалось от 33,5 тыс. до 64 тыс. зверей (Владимиров В.Н., 1990, с. 156). Основными объектами охоты являлись белка (как отмечает В.Н. Владимиров, белка добывалась «в очень большом количестве»), соболь, лиса, россомаха, марал и другие. При этом отмечалось, что алтайцы охотились главным образом для сбыта.

Очевидно, для населения горно-таёжных районов Северного Алтая занятие охотой было одним из важнейших хозяйственных направлений в исследуемый период, также как это фиксируется в более позднее время (Самаев Г.П., 1991, с. 41; Потапов Л.П., 2001, с. 24). В охотничьей деятельности населения Северного Алтая пушной промысел занимал важное место. Однако стоит учитывать, что приводимые этнографические и исторические сведения, касающиеся пушного промысла северных районов Алтая, относятся к периоду, когда регион уже стал частью Российской империи или находился под ее влиянием. Российское государство в первую очередь было заинтересовано в получении пушнины с присоединенных районов и облагало новое население ясаком, по которому необходимо было отдать государству определенное количество шкур пушных животных. Этот факт, на наш взгляд, сильно повлиял на специфику охотничьего промысла в регионе. Так, состав ясака, выплачивавшегося двоеданческим населением Алтая и прилегающих территорий во второй половине XVIII века россий-

ской казне, определялся главным образом количеством соболей. В Джунгарию двоedanцы платили алман, в состав которого входило меньшее количество пушнины и железные изделия – «таганы» или «котлы» (Самаев Г.П., 1991, с. 83, 84). В.Н. Владимиров также считает, что формирование пушного промысла алтайцев в первой половине XIX века стимулировалось российской политикой по обложению инородцев ясаком, а также на развитие этого промысла влияли торговые отношения с русскими (Владимиров В.Н., 1990, с. 156). Судя по всему, до включения Алтая в состав Российской империи добыча пушнины производилась в меньших объемах, поэтому данные поздних источников не представляется возможным прямо экстраполировать на средневековье и предшествующие исторические периоды.

Значение охоты для косторезного дела. Большая роль охотничьей деятельности прослеживается в косторезном деле населения Алтая I тыс. н.э. А.П. Бородовский отмечал, что основой сырьевой базы косторезного производства, начиная с эпохи бронзы, являлось скотоводство. Однако, по мнению исследователя, роговое сырье являлось в основном продуктом охоты или собирательства (Бородовский А.П., 1997, с. 113, 118). Очевидно, зубы и когти диких зверей добывались во время охотничьего промысла.

Этот вид деятельности являлся важнейшим источником сырья для косторезного дела. Даже те рога, которые собирались после сезонного сбрасывания их животными, судя по этнографическим источникам, выскивали во время проведения охоты, параллельно основному занятию (Бородовский А.П., 1997, с. 118).

Продукция косторезного дела, изготовленная из сырья, полученного на охоте, включает в себя орудия труда, предметы украшения, конского снаряжения и др. Спектр

применения предметов, изготовленных из охотничьего сырья, был довольно широким. Изготовленные из рога орудия применялись при шитье шкур, рыхлении земли; многие детали конского снаряжения также изготавливались из рогового сырья. Из зубов и когтей диких животных изготавливались подвески, часть которых использовалась в качестве украшений, другие могли играть роль амулетов. Все это говорит о большом значении изделий из рога в повседневной жизни населения Алтая в I тыс. н.э.

3.4. Мировоззренческий, социальный и военный аспекты охоты.

В силу специфики охотничьей деятельности, кроме хозяйственного значения, она играла существенную роль и для других сфер жизни древнего и средневекового населения. Археологические, этнографические и письменные источники свидетельствуют о том, что охота являлась значимой для социальной сферы, военного дела и была связана с религиозными представлениями древних и средневековых обществ.

При рассмотрении этих аспектов стоит учитывать условия, в которых развивалась охотничья деятельность. В I тыс. н.э. в Центральной Азии происходили сложные исторические процессы. Информация о них отражена в письменных источниках и прослеживается по археологическим материалам. Российская часть алтайских гор, которая административно сейчас практически полностью входит в состав Республики Алтай, в тот период находилась на северной периферии активных процессов, но, тем не менее, испытывала влияние центрально-азиатских исторических событий. Соответственно, охотничья деятельность населения Алтая

также развивалась в русле общеисторических процессов, происходящих в сопредельных регионах.

Мировоззренческий аспект охоты. Охотничья деятельность населения Алтая в I тыс. н.э. была неразрывно связана с религиозной составляющей. Различные ритуалы и обряды, связанные с охотничьей деятельностью, нашли отражение в археологических памятниках. Так, судя по специфике находок в Денисовой пещере, этот памятник в гунно-сарматское время являлся местом проведения действий обрядовой практики (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 134). Находки костяных наконечников стрел с обломанными остриями натолкнули авторов на мысль о том, что пещера использовалась в обрядах, представленных стрельбой из луков в полость пещеры. Следы подобных обрядов фиксировались в материалах многих сибирских и уральских пещер. В представлениях древних и традиционных обществ Сибири пещера рассматривалась как некое детородное начало, что «обусловило существование культов, связанных с оплодотворением горы», а стрелы использовались «в качестве символов мужского производящего начала наряду с фаллическими изображениями» (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 132; Кызласов И.Л., 1999). Очевидно, что символика стрел не ограничивалась только этими положениями, она включала в себя и другие аспекты (Худяков Ю.С., 2004, с. 111). Появление обрядов «оплодотворения» пещеры уходит в глубокую древность, в эпоху каменного века. Как свидетельствуют археологические находки, довольно интенсивно эти обряды проводились населением Алтая в раннем железном веке, в том числе и в гунно-сарматское время.

Важную информацию несут находки рогов косули, обнаруженные вместе с другими предметами в раннесредневе-

ковом кладе на реке Большой Яломан (Кочеев В.А., 1999). В.А. Кочеев предположил, что клад был связан с культом горы. Такой культ существовал у многих народов с глубокой древности, в том числе у населения Саяно-Алтая (Потапов Л.П., 1946; Кызласов И.Л., 1982). У раннесредневековых тюрков в роли родовой горы могла выступать «Отюкенская чернь», хотя местонахождение и смысловая нагрузка этой местности является дискуссионным вопросом (Дробышев Ю.И., 2008, с. 345-347). В кладе на реке Большой Яломан найдены, кроме прочего, два железных топора. Боевые топоры являются довольно редкой находкой. По мнению исследователей, боевой топор в раннем средневековье обладал особой семантикой. Он мог являться одним из символов власти (Кубарев Г.В., 2005а, с. 99; Серегин Н.Н., 2011а, с. 223). Возможно, его особым значением объясняется редкость находок боевых топоров при исследованиях археологических памятников. Обнаружение рогов косули в одном комплексе с топорами свидетельствует о значении последних для культовой практики средневекового населения Алтая.

С культом гор также связаны находки петроглифов. В петроглифах, начиная с эпохи бронзы и до этнографической современности, большое распространение получили сюжеты охоты и отдельные изображения диких животных. Одним из наиболее распространенных образов в петроглифах стало изображение горного козла. В гунно-сарматское время на скалах изображались горные козлы и бараны со спиралевидными рогами и маралы. Зафиксировано также несколько сцен охоты, отнесенных к этому периоду (Соенов В.И., 2003а, в). Охотничьи петроглифы следующего раннесредневекового периода представлены более многочисленными сюжетами. Они включают значительное количество сцен охоты (Мухарева А.Н., 2007), а также отдельные изображе-

ния диких животных – косуль, маралов, козлов и др. Вполне вероятно, что эти изображения, как и находки в культурном слое у подножия скал с петроглифами, были связаны с промысловой магией (Молодин В.И., Ефремова Н.Ф., 2010).

Возможно, изображения диких животных на скальных плоскостях имели такое же магическое значение, что и фигурки козлов и маралов, которые лепили теленгиты из ячменной муки и расставляли в тайге с уверенностью, что Алтай их оживит (Потапов Л.П., 2001, с. 135). Подобные действия магии, основанные на том, что подобное порождает подобное Д.Д. Фрэзер (1980, с. 20) назвал гомеопатической или имитативной магией (Потапов Л.П., 2001, с. 135). То есть, нанося изображения животных на скалу, древний человек верил, что это будет способствовать сохранению диких зверей в его охотничьих угодьях.

Так, мы видим, что охотничий промысел был связан с охотничьей магией. Вообще, раннесредневековые тюрки имели весьма развитые представления о магии. Одним из таких примеров является довольно часто упоминающиеся в письменных источниках «камни погоды» – *јада-таш*, которые использовались с целью изменения погоды (Дробышев Ю.И., 2008, с. 350). Поверье о таких камнях сохранялось у алтайцев вплоть до недавнего времени (Яданова К.В., 2007).

Значение охоты для мировоззрения раннесредневекового тюркского населения Центральной Азии подтверждают сведения, содержащиеся в письменных памятниках. Так, в «Гадательной книге» или «Книге предзнаменований», содержатся текстовые миниатюры, связанные с охотой. В одной из них описывается ситуация, в которой охотник, поднявшись в горы, молился (Малов С.Е., 1951, с. 86). Л.П. Потапов, приведя перевод С.Г. Кляшторного, отмечал, что в указанной миниатюре описывается традиционная молитва,

которую совершали тюрки перед проведением охоты (Потапов Л.П., 2001, с. 11, 12). Традицию проведения специальных обрядов перед охотой исследователь зафиксировал во время своих экспедиционных работ в Северном Алтае. По дороге на промысел охотники останавливались на перевалах и совершали кропление в сторону «наиболее выдающихся гор» (Потапов Л.П., 1946). Во время промысла алтайские охотники ежедневно приносили жертвы родовой горе: брызгали в ее сторону супом, чаем, бросали в стороны горы кусочки мяса. Судя по приведенным письменным сведениям, подобные обряды тюркские народы практиковали еще в эпоху раннего средневековья. Сам факт наличия охотничьих сюжетов в «миниатюрах» или «притчах» книги гаданий свидетельствует о немаловажном значении охоты в мировоззрении раннесредневековых тюрков.

Из зубов и когтей диких животных и птиц изготавливались различного рода подвески. Украшения в древности и средневековье были связаны с магико-религиозными и лечебными функциями, то есть выполняли функцию оберегов-охранителей (Трифанова С.В., 2006, с. 9). Отметим, что звери и птицы, из зубов и когтей которых выполнены такие изделия, имели особое значение в мировоззрении населения исследуемых периодов. Большинство подвесок гунно-сарматского времени, найденных на территории Саяно-Алтая, было изготовлено из клыков марала, а в тувинских материалах даже имеется каменная подвеска, имитирующая клык этого животного (Трифанова С.В., 2006, с. 17). Подвески из зубов марала найдены также в раннесредневековых памятниках Алтая. Кроме того, целый зуб марала, который носился в мешочке, был найден в одной из могил кудыргинского могильника (Гаврилова А.А., 1965, с. 37-38). Интересно, что в разрушенном погребении гунно-сарматского

времени в долине реки Бугузун подвеска из зуба марала трижды подновлялась – после того как изнашивалось одно отверстие просверливалось новое (Киреев С.М., Штанакова Е.А., Моносов В.М., 2012, с. 88).

Кроме клыков марала в качестве подвесок использовались когти хищных зверей и птиц. Когти медведя, возможно, использовались населением Алтая гунно-сарматского времени в качестве оберега. Находки когтей медведя в погребениях могут говорить о существовании особого отношения к образу этого животного в рассматриваемый период, которое обобщенно принято называть как «культ медведя». Этот культ был широко распространен у многих народов, в том числе он зафиксирован в этнографическое время у тюркских народов Сибири (Потапов Л.П., 1928; Dyrenkova N.P., 1930).

По-особому относились к медведю южные алтайцы. Они использовали медвежий жир и кости в лечебных и гигиенических целях, а голову медведя после его умерщвления прятали в «малоприметном месте» (Дьяконова В.П., 2001, с. 66-67). Одним из ярких проявлений культа медведя, являются связанные с этим животным ритуалы и поверья, зафиксированные в культуре дальневосточных народов. Например, у айнов существовал праздник медведя, на котором происходило ритуальное убийство выращенного в поселке медведя. Кровью убитого медведя мужчины мазали себя и свою одежду, чтобы на охоте им сопутствовала удача. В других случаях, чтобы мужество и другие положительные качества медведя перешли к ним, айнские мужчины пили его теплую кровь (Фрезер Д.Д., 1980, с. 563). Все присутствующие на церемонии айны были обязаны отведать вареное медвежье мясо. Сахалинские айны после умерщвления медведя отрезали ему лапы и голову и сохраняли их как реликвии.

Обычай хранения части тела животного также имел распространение на Алтае в этнографическое время. Считалось, что местом обитания души зверя был нос и эту часть тела охотники часто отрезали и уносили домой, считая, что завладели его душой. Эти действия относятся к заразной магии (Потапов Л.П., 2001, с. 134). Вполне вероятно, что когти медведя и хищных птиц, происходящие из археологических памятников Алтая I тыс. н.э., использовались в рамках приемов заразной магии (Фрэзер Д.Д., 1980, с. 20). По подобным причинам некоторые североамериканские индейцы считают, что человек, употребляющий мясо оленя, перенимает у этого зверя быстроту и смекалку, а тот, кто ест мясо неуклюжих медведей, кур, свиней и т.п., выглядит менее проворным и менее сообразительным (там же, 1980, с. 549). Обладая амулетами из зубов и когтей определенных видов животных, человек надеялся (был уверен?), что он владеет качествами, присущими тому или иному виду животных.

В этнографическое время у алтайцев в качестве оберега использовались лапы улара. Лапа этой птицы должна была обязательно подвешиваться к детской колыбели, также ими производился массаж при лечении маститов у женщин и дойных коров (Дьяконова В.П., 2001, с. 33).

В погребальных и культовых памятниках Алтая найдены фрагменты костей диких животных. В слое гунно-сарматского времени Денисовой пещеры, который мог быть связан с обрядовой практикой (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 134), находились фрагменты костей диких животных. Среди них преобладают фрагменты костей косули, а костные остатки других животных немногочисленны. Важен тот факт, что количество фрагментов костей косули равно количеству фрагментов костей овцы.

Но если овцы являлись обычным животным, мясо которых использовалось при проведении разнообразных обрядов, то мясо диких животных в культовой практике обычно не использовалось. Но, судя по материалам Денисовой пещеры, в каких-то обрядах могло использоваться мясо косули, причем в значительном количестве.

Интересна находка фрагментов костей косули при раскопках раннесредневекового тюркского погребения (Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 72, 73, 75). Сейчас этот факт трудно объяснить, поскольку мясо диких животных обычно не использовалось при проведении обрядов. Это фиксируется как по археологическим, так и по этнографическим материалам. Запрет на использование мяса добытых на охоте животных в обрядах погребального и поминального цикла сохранился у современного населения Алтая. Возможно, при каких-то особых условиях использование мяса дичи в обрядовых погребальных действиях могло быть допустимо, однако пока нам не удалось найти убедительного объяснения этому.

Военное значение охотничьей деятельности для населения Центральной Азии нашло отражения в сведениях, содержащихся в письменных источниках. Так, один из самых известных эпизодов гуннской истории, отраженной в китайских источниках, который был связан с приходом к власти будущего шаньюя Модэ, произошел на охоте. Кроме прочего, в этих источниках описывается как Модэ «сделал свистунку и стал тренировать своих людей в конном стрельнии из лука», причем все его подчиненные должны были стрелять туда, куда полетит стрела со свистункой (Бичурин Н.Я., 1950, с. 46). Полученные приближенными навыки он применил на охоте, где подчиненные Модэ застрелили сначала коня шаньюя, а потом и его самого, после того, как

Модэ пустил в него стрелу со свистункой. Таким образом, здесь описывается применение сигнальной стрелы на охоте (Худяков Ю.С., 2004, с. 102).

Специальное исследование влияния института облавных охот на развитие военного дела кочевников Центральной Азии провел А.К. Кушкумбаев. В его работе прослежены многие параллели военной организации и структуры облавных охот. По мнению автора, облава, кроме прочего, сыграла роль консолидирующего и организационного фактора, поскольку центрально-азиатские кочевники вынуждены были собираться на сезонные облавные охоты, которыми можно управлять, только создав стройную организацию всего процесса (Кушкумбаев А.К., 2009, с. 142). Поэтому облавная охота была прямым аналогом военным действиям, а ее организация – структуре войска. По мнению исследователя, формы и техника облавных охот стали одним из ключевых факторов в становлении «структурных элементов военного дела».

Связь охоты и военного дела подтверждается описанием особенностей организации охот с целью тренировки воинов, содержащимся в раннесредневековом византийском военном трактате, названном «Стратегикон Маврикия». В этом трактате специальный раздел, название которого звучит как «Об охоте: как следует охотиться на диких животных, не претерпевая вреда, несчастных случаев или ранений», был посвящен использованию охоты в тренировочных целях (Стратегикон Маврикия, 2004, с. 229-232).

Судя по имеющимся источникам, охота имела значение для двух аспектов военной подготовки. Во-первых, на охоте отрабатывались большие тактические приемы и взаимодействие разных структурных элементов войска. Естественно, они отрабатывались при проведении больших облав-

ных охот. Во-вторых, во время охотничьей деятельности отрабатывались элементарные навыки ведения боевых действий, такие как стрельба из лука по движущимся объектам, преследование добычи на лошади и многое другое.

Большинство охотничьих сцен, которые содержатся в изобразительных материалах, в значительной степени отражает второй аспект связи военного дела и охоты. В этих сюжетах охотники изображены скачущими во весь опор на лошадях и одновременно ведущими стрельбу из лука по движущимся животным. В некоторых композициях есть изображения птиц, на которых также успешно охотятся воины. Приведенные виды охоты были связаны со «спортивной» составляющей этой деятельности. Другой аспект взаимоотношений охотничьей деятельности и военного дела нашел отражение в виде сцен, в которых изображены пешие и конные охотники. Во время таких охот могло отрабатываться взаимодействие разных родов войск. Причем если в одних сценах отражен типичный сюжет загонной охоты, когда всадники гонят на пеших охотников зверей (Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2002, рис. 1), то в туэктинской сцене пеший охотник вместе с конными преследует диких животных (Миклашевич Е.А., 2006, рис. 5).

Л.Н. Гумилев писал что, распространенная в раннем средневековье у тюрков «облавная охота требует специальной выучки загонщиков и охотников, и это было очень полезно для тюркютов, потому что охота была подготовкой к воинским подвигам, своего рода манёврами. Удачная облава давала большое количество мяса, которое было основной пищей тюркютов, и случалось, что даже во время войны они устраивали охоту, чтобы пополнить запасы» (Гумилев Л.Н., 1967, с. 70). Кроме того, в источниках описывается как китайский военачальник Ли Юань (Гаоцзу –

будущий основатель династии Тан), служивший на границе с тюрками, чтобы создать войско способное побеждать тюрков, приучал своих воинов к тюркскому образу жизни и в том числе заставлял их заниматься облавной охотой (Гумилев Л.Н., 1967, с. 139).

Под предлогом облавной охоты можно было подобраться с войском к самым границам противника и неожиданно напасть на него. По крайней мере, такие действия предпринимались гуннским шаньюем (Гумилев Л.Н., 1960, с. 155).

Судя по письменным источникам, в раннем средневековье охота имела некоторое значение и для политической деятельности. Китайские источники изобилуют сюжетами, где описывается, как различные центрально-азиатские исторические деятели проводили время на охоте и многие значимые события происходили во время нахождения их на промысле. Признанием союзнических отношений китайских и тюркских династий являлось разрешение на охоту в китайских владениях, которое получали тюркские правители. Так, каган Шаболио с разрешения правителя династии Суй охотился в его владениях (Бичурин Н.Я., 1950, с. 238). Однако, после неправильно проведенной охоты (Шаболио нарушил традиции отношения к добыче: собственноручно убил 18 оленей, но взял только «голова и задки») у него сгорела ставка, а через некоторое время скончался сам каган (Бичурин Н.Я., 1950, с. 238-239; Потапов Л.П., 2001, с. 15).

Все эти факты отражают значение охоты как обязательного элемента повседневной жизни верхушки ранне-средневекового общества центрально-азиатских государств, а также роль охоты в развитии военного дела.

Социальное значение охотничьей деятельности. Несомненно, охота играла социальную роль. С глубокой древности для проведения удачной охоты от человеческой об-

щины требовалась слаженная организация этого промысла (Жамбалова С.Г., 1991, с. 101). На разнообразных этнографических материалах мы видим, что участвующие в охотничьем промысле коллективы имели довольно стройную организацию. Часто для общей координации всего процесса выбирался один лидер, управлявший всем процессом охоты. При этом его указания должны были выполняться беспрекословно. Так, В.Р. Кабо (1986) приводил пример охоты пигмеев, которые на время коллективной охоты выбирали предводителя – «тума». Несмотря на то, что после окончания промысла он становился обычным рядовым членом общины, охота была консолидирующим и организующим фактором. Таким же важным организующим фактором у бурят была облавная охота. Структура бурятской облавной охоты имела традиционную центрально-азиатскую военную структуру (Жамбалова С.Г., 1991, с. 104). Охотники делились на три части – два фланга и центр. Общим руководителем являлся предводитель центральной части.

Не менее важна была охота и как возможность для проявления каких-либо своих личных выдающихся способностей. По мнению С.Г. Кляшторного, опирающегося на данные рунических памятников, охотничий или воинский подвиг мог стать причиной для перевода юноши в статус взрослого мужчины, получения им «мужского имени» (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 153).

Интересен факт наличия упоминаний охоты в енисейских рунических надписях (Кормушин И.В., 2008, с. 310). Сведения эпитафийных рунических памятников свидетельствуют о том, что охота являлась неотъемлемой частью поведенческих ценностей тюркской знати, поскольку большинство эпитафий посвящалось знатым слоям общества раннесредневековых государств Южной Сибири и Цен-

тральной Азии. Но в алтайских рунических надписях упоминаний охоты нет, за исключением строки Бичикту-Бом-IV, которую прочитали Л.Н. Тыбыкова, И.А. Невская и М. Эрдал. Однако при публикации авторы отмечали: «рисунок изобилует сценами охоты, что повлияло на нашу интерпретацию надписи» (Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М., 2012, с. 60). Упомянутые сцены охоты, скорее всего, были нарисованы позже нанесения надписи, поэтому достоверно прочитанных рунических надписей, содержащих упоминание охоты, по нашему мнению, на Алтае нет.

Сцены охоты, происходящие из петроглифических местонахождений Алтая, как уже отмечалось, могли иметь эпитафийное значение, то есть были посвящены «конкретному герою», но «воспроизводят не деяния живых, а славят уже умерших витязей» (Кызласов И.Л., 2008, с. 459). Рядом с несколькими сценами охоты зафиксированы рунические надписи. В одном случае надпись оказалась эпитафией (Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2002), другие не прочитаны. Несмотря на то, что планиграфически надписи выглядят второстепенно относительно сцен охоты, их соседство также может свидетельствовать об эпитафийном назначении охотничьих сцен (Константинов Н.А., 2013а, с. 123).

В некоторых сценах участвующие в охоте всадники изображены скачущими на лошадях, на крупе которых нарисованы тамги (Миклашевич Е.А., 2003, рис. 9; Черемисин Д.В., 2004, рис. 7а; Кубарев В.Д., 2007). В раннем средневековье тамга являлась геральдическим символом. Такой символикой могли обладать только знатные семьи (Кызласов И.Л., 2008, с. 459). Это свидетельствует о том, что в указанных сценах охоты изображались знатные воины.

Довольно значимой находкой в рассматриваемом контексте являются накладки на переднюю луку седла со сценой

охоты из могильника Кудыргэ. На накладках кроме сцены охоты выгравировано геральдическое изображение двух противопоставленных тигров (Савинов Д.Г., 2005, с. 20). Исследователи отмечали, что могила 9, в которой были найдены накладки, судя по инвентарю, принадлежала мужчине, обладавшем при жизни высоким социальным статусом, возможно, предводителю одного из военных отрядов Чеби-хана.

Похожая находка была сделана при раскопках Копенского чаатаса в Хакасии (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1940). Но копенский сюжет содержит изображения тигров, которые участвуют в сцене охоты, что отличает его от кудыргинской композиции. В то же время, копенский сюжет имеет все признаки, характерные для геральдических изображений – вся сцена подчинена принципу симметрии. Перенос сцены охоты типично «петроглифической» традиции на геральдику и смешение охотничьей тематики с геральдикой свидетельствует о немалом значении охоты для социальной идентификации раннесредневековой тюркской знати.

Итак, охота как часть системы жизнеобеспечения жителей Алтая в I тыс. н.э. имела большое хозяйственное значение. Но, в то же время, охотничья деятельность выполняла и другие функции. Она имела значение для социальной сферы жизни населения рассматриваемого периода, являлась одним из элементов военного дела, выполняя функцию тренировок, также в рамках охоты проводились различные религиозные ритуалы, она играла важную роль в мировоззрении населения Алтая I тыс. н.э.

*****

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало научному изучению археологических памятников I тыс. н.э. на Алтае было положено раскопками К.Ф. Ледебура в долине реки Чарыш в первой половине XIX века (Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А., 1993, с. 97-99). Однако накопление сведений об археологических памятниках началось раньше, а именно в середине XVIII века, о чем свидетельствуют письменные источники, составленные русскими рудознателями (Кубарев В.Д., 1984, с. 4). С тех пор исследовано значительное количество археологических объектов, относящихся к рассматриваемому периоду.

Погребальные памятники гунно-сарматского времени представлено более чем 600 погребениями из около 40 памятников (Соенов В.И., 2003а, с. 13-22; Матренин С.С., 2005, с. 4), учитывая исследования последних лет, число раскопанных погребений этого периода сейчас, вероятно, более 700 (Тишкин А.А., Матренин С.С., 2013, с. 147). Также на Алтае изучено более 70 погребальных памятников тюркского времени (Серегин Н.Н., 2011б, с. 5). Исследовано значительное количество поминальных сооружений второй половины I тыс. н.э., которые представлены почти 180 объектами (Матренин С.С., Сарафанов Д.Е., 2006, с. 204). Известны наскальные изображения исследуемого периода, однако их большая часть относится ко второй половине I тыс. н.э. Петроглифы, датируемые гунно-сарматским временем, пока немногочисленны (Соенов В.И., 2003а, в). Менее интенсивно изучаются поселения. К гунно-сарматскому времени относится всего несколько укрепленных и неукрепленных поселений, а значительными площадями по 600-800 кв. м вскрыты только два

многослойных памятника – Майма-1 и Тыткескень-3, на которых выделены слои гунно-сарматского времени. Культурные слои периода раннего средневековья на исследовавшихся алтайских поселениях пока не выделены.

Полученные при изучении археологических памятников материалы позволили исследователям в той или иной мере охарактеризовать отдельные виды хозяйственной деятельности, в том числе, в некоторых научных трудах содержатся сведения по охотничьей деятельности древнего и средневекового населения Алтая. Рассмотрение истории изучения охоты позволило нам условно выделить два периода изучения этого вида деятельности.

Начало изучению охоты древних и средневековых обитателей Алтая положено В.В. Радловым, который первым проанализировал развитие охотничьего промысла в разные исторические периоды (Радлов В.В., 1989, с. 437, 470-471). В последующем, с проведением новых исследовательских работ на территории Алтая, шло постепенное накопление материалов, связанных с охотничьей деятельностью, а также на основе полученных данных исследователями давалась характеристика охоты древнего и средневекового населения.

Второй этап изучения связан с внедрением остеологических исследований коллекций из поселенческих памятников специалистами-зоологами, что послужило значительному прогрессу в понимании особенностей хозяйственной деятельности в древности и средневековье. В связи с активизацией исследований памятников наскального искусства, появились статьи, посвященные анализу отражения охоты в петроглифах Алтая. В этот же период опубликованы специальные работы, посвященные охотничьему промыслу различных исторических эпох (Кунгурова Н.Ю., 1997; Кубарев В.Д., 2001а; 2001б; Потапов Л.П., 2001).

Появлению специальных работ по охоте способствовало достаточное для исследовательского процесса накопление различного рода источников по теме. Использованные в исследовании археологические источники представлены вещественными находками, связанными с охотничьей деятельностью. Это вещи, изготовленные из шкур диких животных; изделия из рога и кости диких животных; различного рода амулеты и украшения из зубов и когтей зверей и птиц. Также к вещественным источникам относятся детали снаряжения охотников рассматриваемого периода. В первую очередь это орудия охоты, которые, представлены главным образом остатками луков и наконечниками стрел.

Важными для изучения охотничьей деятельности являются остеологические или археозоологические данные. В эту группу источников входят выполненные зоологами определения остеологических коллекций, полученных в ходе раскопок археологических памятников. При проведении исследования мы располагали остеологическими данными с нескольких разнотипных памятников гунно-сарматского времени: поселений Тьткескень-3 и Усть-Куба, Денисовой пещеры, городища Нижний Чепош-3. Также привлекались неопубликованные определения остеологической коллекции поселения Майма-1 (раскопки 1991 года). Остеологические определения, относящиеся к раннему средневековью, немногочисленны.

Довольно представителен корпус изобразительных источников по охотничьей деятельности населения Алтая I тыс. н.э. Большая часть охотничьих сцен этого периода относится к раннему средневековью, тогда как сцены охоты гунно-сарматского времени немногочисленны. Охотничьи композиции, которые с достаточной долей вероятности датированы первой половиной I тыс. н.э., представлены четырьмя рисунками пешей охоты. Из них в

трех сценах была изображена охота на маралов, а в одной сцене – охота на медведя.

Охотничьи сюжеты второй половины I тыс. н.э. более разнообразны и представительны. Всего было учтено 25 наскальных сцен охоты и одна сцена на костяных накладках луки седла из могильника Кудыргэ. В этих рисунках представлены сюжеты конной и пешей охоты, как коллективной, так и индивидуальной. Практически во всех сценах, за исключением одной, охотники изображены вооруженными луком со стрелами. В нескольких композициях были прорисованы собаки, известны сцены охоты с ловчей птицей. Наиболее популярными объектами охоты в этих рисунках являются представители семейства оленьих – маралы и козули. Также встречаются изображения горных козлов, архаров, кабанов, медведей, волков и птиц.

Значительному развитию охотничьего промысла у населения Алтая в I тыс. н.э. содействовало богатство животного мира региона. Существованию благоприятных условий для разнообразия фауны способствовало многообразие ландшафтов Алтая, а также расположение региона между двух природно-географических зон – Западной Сибири и Северо-Западной Монголии. В современный геологический период Алтай является одной из самых высоких горных областей орогенного пояса Южной Сибири. Он представляет собой гигантский свод, сложный и разнообразный в орграфическом отношении. Характерными для Алтая являются труднопроходимые, а порой и непроходимые высокогорные, среднегорные, низкогорные рельефы, расчлененные эрозионными долинами рек и межгорными котловинами (Маринин А.М., Самойлова Г.С., 1987, с. 12-16).

Современные (или близкие к современным) климатические условия сложились около 12 тыс. л.н. Однако имели

место значительные колебания климата, которые влияли на биологический фон региона. Рассматриваемый период полностью входит в субарктический отрезок голоценовой эпохи, длящийся с V в. до н.э. до современности. В субарктический период проходили значительные колебания климата в рамках тысячелетних ритмов (Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А., 2000, с. 17). Практически на все гунно-сарматское время приходится климатический оптимум I в. до н.э. – IV в. н.э. когда условия были близки к современным, но, судя по всему, климат был более увлажненным. После этого довольно благоприятного периода наступает климатический пессимум.

Климатический пессимум раннего средневековья начался в III-V в. и продлился до VII-VIII вв. В этот период климат стал суше по сравнению с предыдущим. Следующая стадия, получившая название малого климатического оптимума, характеризуется мягким климатом. Температура в этот период была чуть выше современной. Имеются разнообразные сведения, в том числе исторические, говорящие о том, что в VII-X вв. в Азии было относительно тепло, например, на VII-VIII вв. приходится минимальное количество суровых зим в Китае (Монин А.С., Шишков Ю.А., 1979, с. 354-355). Эта теплая фаза продолжалась вплоть до наступления малого ледникового периода в XIV веке.

Как показали остеологические материалы поселений и изобразительные источники, в рассматриваемый период на Алтае водились те же дикие животные, что населяют регион сейчас, а также были и некоторые другие. Еще недавно в Юго-Восточном Алтае (вплоть до XVIII-XIX вв.) обитали антилопы оронго и сайга (Собанский Г.Г., 1992, с. 93). Существование этих зверей на территории Алтая в древности и средневековье подтверждается наскальными рисунками

(Ешелкин И.И., 1974, с. 67; Соенов В.И., Суханов Г.П., 2001, с. 139). В Северном Алтае был распространен кулан, о чем свидетельствуют находки фрагментов костей этого животного на поселениях Майма-1 и Тыткескень-3. В этот период другим был и ареал распространения сибирского горного козла, который включал не только высокогорную часть Южного Алтая, но даже и низкогорья Северного.

Исследование источников показало, что по имеющимся на сегодняшний день материалам могут реконструироваться только некоторые виды активных форм охоты. Пассивные формы, которые очевидно имели место быть (Киселев С.В., 1951, с. 512), пока реконструировать из-за отсутствия источников не представляется возможным. Изобразительные данные свидетельствуют о том, что население Алтая в I тыс. н.э. практиковало как коллективную, так и индивидуальную охоту.

Коллективной была загонная охота и охота гоном. Традиционная для многих центрально-азиатских народов облавная охота для населения алтайских гор была нехарактерна. Несомненно, это было связано с особенностями рельефа и фауны региона. Индивидуальные формы охоты представлены охотой гоном и охотой с собакой. В целом можно предположить, что в северных районах Алтая охотничья деятельность населения испытывала влияние таёжных форм охоты, а в южных – степной охоты. Тем не менее, такой вид типичной степной охоты как облава на Алтае не имел широкого распространения, а если облавы даже проводились в остепненных межгорных котловинах, то их роль в охотничьем промысле населения была незначительной.

Судя по находкам из археологических памятников и данным изобразительных источников, главным охотничьим оружием являлся лук со стрелами. В рассматриваемый пери-

од использовался сложносоставной лук, основанный на конструкции лука гуннского типа. Но если в гунно-сарматское время лук в классическом варианте имел семь костяных накладок и был довольно крупных размеров, то во второй половине I тыс. н.э. размеры кибити лука уменьшаются, и сокращается количество накладок. Наиболее распространенным становится лук с двумя срединными накладками.

Сложным вопросом остается функциональное назначение отдельных типов наконечников стрел. Если тупые деревянные и костяные наконечники, известные в этнографическое время как томары (*томор*), были предназначены только для охоты на пушных зверей, то выделение других типов охотничьих наконечников на сегодняшний день выглядит затруднительным из-за универсальности многих из них. Все же это довольно перспективное направление исследований и в дальнейшем с накоплением нового материала, на наш взгляд, возможно определение функционального назначения отдельных видов наконечников стрел. Тем более что в научных трудах по этнографии сибирских народов приводятся описания стрел, которые использовались при охоте на конкретные виды животных и птиц.

Кроме лука со стрелами в раннем средневековье на охоте применялись ловчие птицы, о чем свидетельствуют наскальные рисунки. Существовали охотничьи собаки, которые, насколько можно судить по охотничьим сценам, использовались для преследования добычи и загона ее на охотника.

Хозяйственная роль охоты заключалась в ее значении для мясного потребления населения и косторезного дела. Важным для хозяйства был также пушной промысел. Рассмотрение роли охоты в мясном потреблении населения Алтая гунно-сарматского времени показало, что доля мяса диких животных была сравнительно незначительной – око-

ло 11% всего мясного рациона. Но охотничья добыча имела место в рационе круглый год, в отличие от мяса домашних животных, потребление которого было возможным преимущественно в осенне-зимний период, когда происходил забой скота, что связано с особенностями системы хранения мяса. Также охота вносила необходимое разнообразие в пищевой рацион. Наибольшее значение в мясном потреблении населения Алтая гунно-сарматского времени имели такие виды диких животных как косуля, марал и кулан.

В рассматриваемый период население занималось пушным промыслом, однако реальные объемы этого промысла установить невозможно. Тем не менее, находки особых наконечников стрел, предназначенных только для охоты на пушных зверей свидетельствуют о том, что пушной промысел был развит в значительной мере. Ко второй половине I тыс. н.э. относятся находки фрагментов шуб, изготовленных из меха соболя, сурка и каменной куницы. Несомненно, были и другие объекты пушного промысла, о чем свидетельствуют изобразительные источники.

Немаловажным было значение охоты для косторезного производства: благодаря занятию этим видом деятельности пополнялись запасы необходимого сырья для косторезного ремесла. Из полученного на охоте материала изготавливалось большое количество вещей, имевших самое разнообразное функциональное назначение. Естественно, какое-то количество рогов, служивших основным косторезным сырьем, было результатом собирательства. Однако даже собирательство сброшенных животными рогов, судя по этнографическим данным, велось во время охотничьего промысла, параллельно основному занятию.

Значение охоты не ограничивалось только хозяйственной стороной. Охотничья деятельность была связана с

религиозными культами, в рамках которых проводились различные ритуалы, имевшие отношение к этому виду занятия. Одним из самых важных культов был культ гор, о существовании которого свидетельствуют культурный слой Денисовой пещеры, клад на реке Большой Яломан и местонахождения петроглифов. Наскальные рисунки, кроме прочего, могли быть связаны с гомеопатической магией: изображая на скале диких животных, человек надеялся, что это способствует увеличению их поголовья в охотничьих угодьях. В чем-то схожие ритуальные действия сохранялись на Алтае до недавнего времени и были зафиксированы у южных алтайцев даже в XX веке. Перед проведением промысла охотники совершали моления и делали кормления родовых гор, что также связано с культом гор.

Судя по находкам различных подвесок, выполненных из зубов и когтей определенных видов животных, можно заключить, что эти животные занимали важное место в бестиарии населения Алтая в I тыс. н.э. Находки такого рода представлены просверленными когтями медведя и хищных птиц, зубами марала. Эти вещи, судя по всему, служили оберегами или должны были наделить их владельца какими-либо качествами, присущими тому или иному животному или птице. Подобная практика также являлась частью магии, представляя здесь пример заразной или контактной магии, основанной на законе соприкосновения или заражения (Фрезер Д.Д., 1980, с. 20).

Кроме того, находки когтей медведя могут свидетельствовать о существовании в рассматриваемый период культа этого животного. Такой культ существовал у многих народов с глубокой древности вплоть до недавнего времени. Возможно, присутствие фигуры медведя в охотничьих сценах среди объектов охоты также может являться отражени-

ем этого культа, поскольку медведь в сценах, относящихся ко второй половине I тыс. н.э., присутствует среди других объектов охоты, однако изображен чуть в стороне, не являясь непосредственной целью охотников.

Судя по значительному количеству письменных свидетельств, в том числе специальных военных трактатов, у многих народов охотничья деятельность выступала в роли военных тренировок. Это проявлялось в двух аспектах. Во-первых, во время проведения масштабной охоты отрабатывались военное маневрирование и тактика, взаимодействие между различными воинскими подразделениями, а также навыки управления отдельными подразделениями. Во-вторых, на охоте формировались непосредственные навыки ведения боевых действий: стрельба из лука по движущимся мишеням, стрельба из лука с лошади на скаку, выслеживание и преследование добычи, и т.п. Судя по имеющимся источникам I тыс. н.э., алтайскими воинами на охоте главным образом отрабатывались непосредственные навыки военных действий – стрельба из лука верхом на скачущей лошади, стрельба по движущимся мишеням, в том числе, по летящим птицам. Также отрабатывалось взаимодействие пеших и конных воинов, о чем свидетельствует их совместное участие в охотничьих сценах. Проведение масштабных облав, подобных центрально-азиатским средневековым охотам, на которых задействовалось значительное количество участников, на большей части Алтая было невозможно из-за особенностей сложного горного рельефа.

Таким образом, мы видим, что неотъемлемой частью жизни алтайских воинов рассматриваемого периода была охота. Находка костяной накладки на переднюю луку седла в мужском погребении на раннесредневековом могильнике Кудыргэ с изображенной на ней сценой охоты и геральди-

ческим сюжетом кроме прочего говорит о том, что охота несла некоторую социальную символику. Судя по соседству в композиции охотничьей сцены и геральдических изображений, можно сделать заключение, что охота была важной составляющей жизни знатного слоя раннесредневекового общества. Кроме того, в охотничьих сценах встречаются изображения охотников на лошадях, на крупах которых прорисованы тамги, являющиеся социально диагностирующим признаком знати.

Судя по данным рунических письменных текстов, охотничий подвиг в раннем средневековье мог способствовать переводу юноши в статус взрослого мужчины (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 153). Содержащиеся в енисейских рунических надписях упоминания охоты свидетельствуют, что этот вид деятельности был излюбленным занятием раннесредневековой знати Саяно-Алтая. Одним из престижных видов охоты, которым занималась тюркская знать, была соколиная охота. Имеется ряд изображений сцен соколиной охоты, встречающихся на территории Саяно-Алтая и сопредельных регионов. На Алтае зафиксированы две сцены соколиной охоты.

Охотничьи сцены в петроглифах могли иметь эпитафийное назначение. Возможно, в них нашли отражение деяния каких-то конкретных героев, охотников-воинов, умерших к моменту нанесения рисунков на скалу. В пользу этого говорят рунические надписи, зафиксированные рядом с некоторыми охотничьими сценами, которые при прочтении оказались эпитафиями. Мнение о том, что в сценах изображались конкретные люди, подтверждают фамильные(?) тамги, прорисованные на крупах охотничьих лошадей.

Итак, проведенное исследование показало, что занятия охотой являлись важной составной частью системы жизне-

деятельности населения Алтая в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Мясо диких зверей, добытое на охоте, пополняло пищевые запасы и вносило существенное разнообразие в питательный рацион. Пушной промысел поставлял мех для изготовления одежды, а рог и кость диких животных использовались при изготовлении различных изделий: украшений, орудий труда, предметов вооружения и быта, деталей конского снаряжения. В рассматриваемый период населением проводились определенные религиозные обряды, связанные с охотничьей деятельностью. Это нашло отражение в существовании различного рода священных мест, имевших отношение к промысловым и другими культам (комплексы наскальных рисунков, пещерные святилища, клады).

Роль охоты была значительной и для развития военного дела населения Алтая. Во время проведения промысла воины упражнялись в стрельбе из лука по быстро движущимся мишеням и тренировали другие навыки и приемы ведения боевых действий, а также отработывали взаимодействие между пешими и конными охотниками. Охота являлась излюбленным занятием знатных слоев алтайского общества гунно-сарматского и тюркского времени и одним из основных мужских дел. Охотничий подвиг мог быть одним из критериев перевода юноши в ранг взрослого мужчины. Все это свидетельствует о том, что охотничья деятельность – это одна из важнейших составляющих частей системы жизнеобеспечения населения Алтая в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

*****

SUMMARY

The scientific study of the archaeological monuments of the 1st Millennium AD in the Altai Mountains was initiated excavations of Carl Friedrich von Ledebour in the valley of the Charysh river in 1824. Since then investigated a significant number of archaeological sites related to the period under review.

This era is divided into two periods. Funerary monuments of the first period (the Hunno-Sarmatian time – from II century BC to V century AD) considering studies in recent years, more than 700 graves. The second period (the Turkish time – from VI to XI centuries AD) is more than 70 funerary monuments. The considerable number of memorial constructions of the second half of the 1st Millennium AD, which presents almost 180 objects. Rock carvings of the period most applies to the second half of the 1st Millennium AD. Petroglyphs of the Hunno-Sarmatian time are few in number. Settlements of the period are less intensively studied. To the Hunno-Sarmatian time are only a few hillforts and settlements. Large areas for 600-800 square feet excavated only two sites – Maima-1 and Tytkesken-3, which selected layers of Hunno-Sarmatian time. Cultural layers of the Early Medieval in the studied settlements of Altai not allocated at all.

The study used archaeological sources – things made from the skins of wild animals; products of horns and bones of wild animals, different kinds of amulets and ornaments from the teeth and claws of animals and birds. Also archaeological findings include details of hunting equipment of the period under consideration. First of this entire hunting weapon, which mainly represented by remain of bows and arrowheads.

Archaeozoological data is important for a study of hunting. In this group of sources are made by zoologists define collections of fragments of animal bones obtained during the excavation of archaeological sites. For the research we have osteological data from several monuments of Hunno-Sarmatian time – settlement Tytkesken-3 (upper cultural layer), Ust-Cuba, Maima-1 (excavation 1991), Denisova cave, hillfort Nizhniy Cheposh-3. Osteological definitions related to the early Middle Age are few.

Fairly representative pictures with a hunting scenes of the 1st Millennium AD. Most of the hunting scenes of this period refers to the period of the early Middle Ages, while hunting scenes Hunno-Sarmatian time are not so many. Hunting compositions that with reasonable certainty dated first half of the 1st Millennium AD represented by just four scenes of an unmounted hunting. Of these three stages was depicted hunting of deer and in one scene shows a bear hunting.

Hunting scenes of the second half of the 1st millennium AD are more diverse and personable. A total of 25 hunting scenes on rocks and one scene from a bone onlay on pommel (Kudyrge cemetery) are related to the Turkic time. These figures show the plots of horseback hunting and unmounted hunting, both collectively and individually. Almost all the scenes except for one, the hunters are depicted armed with bow and arrows. Several compositions were drawn with dogs and also known scenes of hunting with birds of prey. The most popular objects for hunting in these figures are members of the family of deer – red deer and roe deer. Also, there are pictures of mountain goats, mountain sheep, wild boars, bears, wolves and birds.

Significant development of hunting of the population of the Altai Mountains in the 1st millennium AD contributed to the wealth of wildlife in the region. Diversity of the landscape of the Altai and the location of the region between the two bio-

geographical zones – Western Siberia and North-Western Mongolia contributed the existence of an enabling environment for a variety of fauna. In modern geological period Altai is one of the highest mountain areas of orogenic belt in the Southern Siberia. It is a complex and varied orographic region. Characteristic of the Altai are rugged and sometimes impassable mountainous, middle, low mountain reliefs, dissected by river valleys and erosional hollows.

As shown by osteological materials from settlements and pictorial sources in the period under review in Altai inhabited the same wild animals that inhabit the area now but there were some others. More recently, in South-Eastern Altai (up to the eighteen-nineteen centuries) lived Tibetan antelope and saiga. The existence of these animals in Altai in ancient and medieval periods confirmed in petroglyphs. In the Northern Altai was distributed koulan (Asiatic wild ass), as evidenced by the fragments of the bones of the animal in the settlements Tytkesken-3 and Maima-1. During this period, other was the area of distribution Siberian ibex, which included not only the high-mountainous part of the Southern Altai, but even the low-mountainous areas of the Northern Altai.

Investigation of sources revealed that according to today content can be reconstructed only certain types of active forms of hunting. Passive forms are obviously being occurred until reconstruct due to lack of sources is not possible. Pictorial evidence suggests that the population of the Altai Mountains in the 1st Millennium AD practiced as a collective and individual hunting.

Traditional for many Central Asian nations battue hunting for the population of the Altai Mountains was uncharacteristic. Undoubtedly, this was due to terrain features and fauna of the region. Individual forms of hunting are presented hunting rut and hunting with a dog. In general, it can be assumed that in the

northern regions of the Altai hunting activity of the population was influenced by taiga forms of hunting, and in the southern part – the steppe hunting. However, such a kind of a typical hunting of steppe as battue hunting on the Altai was not widespread. Even if the stalking was carried out in the steppe intermountain basins, their role in the hunting was negligible.

Judging by the finds from archaeological sites and data of pictorial sources, most common hunting weapon was a bow and arrows. During the reporting period, used a composite bow, based on the design of the Xiongnu bow type. But if in Hunno-Sarmatian time bow in the classic version had seven bone plates and was a fairly large size, in the second half of 1st Millennium AD dimensions of bow reduced and the amount of bone plates also reduced. Bow with two median plates became the most common type.

Complex issue is the functional purpose of the individual types of arrowheads. Blunt wooden and bone arrow heads, known in the ethnography as 'Tomar' or 'Tomor', were intended only for hunting fur-bearing animals. Other types of arrowheads looks universal (them can be used for hunting as well as for battle).

In addition to a bow and arrows in the early Middle Ages were used for hunting birds of prey, as evidenced by rock paintings. Hunting dogs, as far as can be judged from the hunting scenes, were used for the pursuit of prey and corral it to the hunter.

The economic role of hunting was its significance for meat consumption and bone-carving, also important to the economy was hunting of fur animals. Consideration of the role of hunting in the meat consumption of the population of Altai in Hunno-Sarmatian time showed that the proportion of bushmeat was relatively small – about 11% of all meat diet. But hunting took place in the diet throughout the year, in contrast to the meat of domestic animals, the consumption of which was possible main-

ly in autumn and winter, when there was a butchering that was associated with features of the storage of meat. Hunting also makes the necessary variety in the diet. The highest value in the meat consumption of the population of the Altai Mountains Hunno-Sarmatian time had these kinds of wild animals like roe deer, red deer and koulan (wild ass).

The population of the period hunted of fur animals; however, the real volume of the prey cannot be established. Nevertheless, the findings of the special arrowheads designed only for hunting fur-bearing animals suggest that this kind of hunting was developed to a great extent. In burials the second half of 1st Millennium AD were found fragments of the coats made from sable, marmot and beech marten. Sure, there were other objects of the fur trade, as evidenced by pictorial sources.

The value of hunting was not confined to the economic side. Hunting activity has been associated with religious cults, which were carried out in the framework of the various rituals that had to do with this type of activity. One of the most important cults was the cult of the mountain, the existence of which testify to findings from the cultural layer of the Denisova Cave, a treasure on a mountain in the valley Bolshoy Yaloman river, locations of petroglyphs. Rock paintings, among other things, could be associated with homeopathic magic: posing on a rock wild animals, one hoped that it helps to increase their livestock in the hunting grounds. Similar rituals were preserved in the Altai until recently time and were reported in the Southern Altai still in the twenty century. Before carrying out hunting men made a prayer and made feeding ancestral mountains, which is also associated with the cult of the mountain.

Based on the findings of various pendants made of teeth and claws of certain species of animals, it can be concluded that these animals had an important place in the bestiary of the

population of the Altai Mountains in the 1st Millennium AD. Finds of this kind are presented drilled claws bear, birds of prey, red deer teeth. These things seem to have served as a protection or had to give the owner a quality inherent in an animal or a bird. This practice was a part of the magic, presenting here an example of an “infectious” or contagious magic, based on the law of contact or contamination.

Judging by the significant number of written evidence, including special military treatises, hunting activities of many peoples performed in the role of the military training. This was manifested in two aspects. Firstly, during the large-scale hunting perfected military maneuvers and tactics, the interaction between the various military units, as well as the skills of the management of individual units. Secondly, on the hunt formed immediate skills of warfare: archery at moving targets, archery with horses, stalking prey, etc. According to the available sources of hunting populations of the Altai in the 1st Millennium AD, local warriors on the hunt mainly perfected skills immediate military action – archery riding a galloping horse, shooting at moving targets, including flying birds. Also handles the interaction of hiking and horse soldiers, as evidenced by their joint participation in hunting scenes. Carrying out large-scale battue hunting, similar to Central Asian medieval hunting, which involved a significant number of participants, to the same extent in most of the Altai was impossible due to the nature of a complex mountain relief.

Judging by the runic written texts, hunting feat in the early Middle Ages could promote the transfer of the young men to the status of an adult male. Content of the runic inscriptions on Yenisei, hunting shows that this type of activity has been a favorite pastime of the early medieval nobility population Sayan-Altai. One of the most prestigious types of hunting, which is engaged in the Turkic aristocracy was falconry. There are a number of

images of scenes of falconry occurring in the Sayano-Altai and neighboring regions. On the territory of the Altai Mountains recorded two scenes of falconry.

Hunting scenes in the petroglyphs could have appointment as epitaph. Perhaps they reflect the actions of any specific person, a hunter-warrior who died just before the time of drawing on a rock. This is supported by the runic inscriptions recorded close to some of the hunting scenes, which were read at the epitaphs. Opinion that in the scenes portrayed real people, family's heraldic symbols (tamga) traced on groups of hunting horses.

Thus, the study showed that practicing hunting was an important part of life of the population of the Altai Mountains in the end 1st millennium BC – 1st millennium AD. Meat of wild animals, mined on the hunt to replenish food supplies and to make a substantial variety in a nutritious diet. Hunting fur-bearing animals supplied fur for making clothing. Horn and bone of wild animals used in the manufacture of various products: jewelry, tools, weapons and objects of everyday life, the details of horse equipment and so on.

The role of hunting was significant for the development of military affairs of the population of the Altai. During the hunting warriors practiced archery on fast-moving targets and trained other skills and techniques of warfare, and practiced the interaction between hiking and horse hunters. In the period under review hunting was a favorite pastime of noble social strata of the population of the Altai in Hunno-Sarmatian and Turkic time and it was one of the main male occupations. Hunting feat could be one of the criteria for transfer to the rank of a young man of an adult male. All this testifies to the fact that hunting activity is one of the most important constituent parts of life support system of the Altai Mountains in the end 1st Millennium BC – 1st Millennium AD.

*****

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. Абдулганеев М.Т. Отчет о раскопках поселения Майма I летом 1991 года. – Горно-Алтайск, 1991. (Архив НМРА, б/н).

2. Археологическая коллекция поселения Майма-1 (НМРА, Инв. №№ 11693, 12020, 10540).

3. Археологическая коллекция могильника Айрыдаш-1 (НМРА, Инв. №№ 10652, 11936, 12111, 10661, 11966).

4. Археологическая коллекция могильника Степушка-2 (МА ГАГУ, б/н).

5. Археологическая коллекция могильника Верх-Уймон (МА ГАГУ, б/н).

6. Археологическая коллекция могильника Курайка (МА ГАГУ, б/н).

7. Соенов В.И. Отчет об археологических исследованиях в Чемальском, Шебалинском, Онгудайском, Кош-Агачском, Улаганском, Усть-Канском, Усть-Коксинском районах Республики Алтай в 2003 году. – Горно-Алтайск, 2003. – 70 с. – илл. (Архив НИЦ ИКТН ГАГУ, б/н).

8. Соенов В.И. Отчет об археологических разведках в Чемальском, Майминском, Улаганском, Кош-Агачском, Усть-Коксинском районах Республики Алтай и раскопках на могильнике Верх-Уймон в 2004 году. – Горно-Алтайск, 2005. – 38 с. – илл. (Архив НИЦ ИКТН ГАГУ, б/н).

9. Соенов В.И. Отчет об археологических разведках в Майминском районе Республики Алтай и аварийных рас-

копках на могильнике Степушка-2 в Онгудайском районе в 2010 году. – Горно-Алтайск, 2011. – 441 л. (Архив НИЦ ИКТН ГАГУ, б/н).

Литература

10. Абдулганеев М.Т. Раскопки у Маймы и Енисейского // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 52-53.

11. Абдулганеев М.Т. Разведочные работы в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: АлтГУ, 1997. – Вып. VIII. – С. 73-77.

12. Абдулганеев М.Т. Поселение Майма I и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1998. – С. 165-171.

13. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1982 – С. 52-77.

14. Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Пугачёв Д.А., Скопинцева Г.В., Раскопки и разведки в северных предгорьях Алтая // Изучение памятников археологии Алтайского края. – Барнаул: БГПИ, 1995. – Вып. V. – Ч. 2. – С. 129-133.

15. Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф., Служак И.В., Чекрыжова О.В. Раскопки аварийных памятников на р. Иша // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Азбука, 2001. – Вып. XII. – С. 93-97.

16. Азбелев П.П. К истории седельного декора // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. – №3 (15). – С. 75-91.

17. Алтайский горный баран [электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. URL.: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/a/ae/Die_Gartenlaube_%281877%29_b_753.jpg/265px-Die_Gartenlaube_%281877%29_b_753.jpg (дата обращения 15.01.2013).

18. Акимова Т.А. Поселение Урлу-Аспак-1 в Майминском районе Республики Алтай // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – С. 37-42.

19. Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования // СЭ. – 1972. – №2. – С. 3-16.

20. Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: к столетию со дня рождения В.И. Цалкина. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 7-33.

21. Антипина Е.Е. Методы моделирования относительной численности домашних животных в хозяйстве древних поселений: от остеологического спектра к составу стада [Электронный ресурс] // Матеріали та дослідження археології східної України: від неоліту до киммерійців Збірник наукових праць. – 2007. – №7. URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Mtdza/2007_7/antipina.pdf.

22. Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – 272 с.

23. Археология Горного Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1994. – 128 с.

24. Атлас Алтайского края. – М.: Госгеодезия, 1991. – 36 с.

25. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л.: АН СССР, 1950. – Ч. 1. – 382 с.

26. Благородный олень – *Cervus elaphus* [Электронный ресурс] // Сайт «Экологический центр «Экосистема»». URL: <http://www.ecosystema.ru/08nature/mamm/076.htm> (дата обращения 15.01.2013).

27. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III-VII века). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – 224 с.

28. Борисенко А.Ю., Белинская К.Ы., Худяков Ю.С. Развитие охотничьих промыслов и оружия у тюркских этносов Южной Сибири под влиянием контактов с русскими в эпоху позднего средневековья и Новое время // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – Вып. 7. – С. 102-108.

29. Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-1 и Кырлык-2 в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1985. – С. 51-88.

30. Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на средней Катунь // Археология горного Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1994. – С. 75-82.

31. Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э.- первая половина I тыс. н.э.). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.

32. Бородовский А.П. Микрорайон археологических памятников у с. Манжерок Майминского района Республики Алтай // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – № 9. – С. 42-52.

33. Бородовский А.П. Продолжение археологического обследования правобережья горной долины Нижней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 2007а. – Вып. XVI. – С. 183-189.

34. Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007б. – 180 с.

35. Бородовский А.П. Гравировки эпохи средневековья в Мыютинском петроглифическом комплексе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 224-228.

36. Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологическое наследие горной долины Нижней Катунь. – Новосибирск: ДДТ им. В. Дубинина, 2009. – 124 с.

37. Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. – 220 с.

38. Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Российско-польские археологические исследования в горной долине Нижней Катунь // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 180-184.

39. Бурый медведь – *Ursus arctos* [Электронный ресурс] // Сайт «Экологический центр «Экосистема»». URL: <http://www.ecosystema.ru/08nature/mamm/054.htm> (дата обращения 15.01.2013).

40. Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н.э. – первых веков н.э. // Труды ТКАЭЭ. – М.-Л.: АН СССР, 1966. – Т. II. – С. 185-291.

41. Васильев Д.Д. К истории открытия и изучения памятников древнетюркской письменности Горного Алтая // Вестник РГГУ. – 2009. – №8(09). – С. 48-55.

42. Васильев С.К., Гребнев И.Е. Фауна млекопитающих голоцена Денисовой пещеры // Деревянко А.П., Моло-

дин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – Ч. I. – С. 167-180.

43. Васютин С.А., Елин В.Н. К датировке алтайских оградок уландрыкского типа. // Археология Южной Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1983. – С. 118-122.

44. Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., Миклашевич Е.А. Погребения предтюркского времени на могильнике Кок-Паш в Восточном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1985. – С. 29-50.

45. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1893. – 270 с.

46. Владимиров В.Н. Хозяйство южных алтайцев в конце XVIII – первой половине XIX в. // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул: АлтГУ, 1990. – С. 150-160.

47. Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Шелепова Е.В. Тюркские оградки памятника Белый Бом-II // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: АлтГУ, 2011. – 152-160.

48. Волк – *Canis lupus* [Электронный ресурс] // Сайт «Экологический центр «Экосистема»». URL: <http://www.ecosystema.ru/08nature/mamm/048.htm> (дата обращения 15.01.2013).

49. Гаврилова А.А. Раскопки второго Катандинского могильника // Советская археология. – М.: АН СССР, 1957. – XXVII. – С. 250-268.

50. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.-Л.: Наука, 1965. – 144 с.

51. Галахов В.П., Быков Н.И., Назаров А.Н., Останин О.В. Климатические изменения второй половины голоцена в горноледниковых долинах Центрального Алтая (по исследова-

дованиям в бассейне Актру) // Проблемы гляциогидроклиматологии Сибири и сопредельных территорий. – Томск: ТГУ, 2002. – С. 17-18.

52. Галахов В.П., Назаров А.Н., Ловацкая О.В., Агатов А.Р. Хронология теплого периода второй половины голоцена Юго-Вотсоного Алтая (по датированию ледниковых отложений). – Барнаул: Азбука, 2010. – 68 с.

53. Галкина Л.И., Оводов Н.Д. Антропогенная териофауна пещер Западного Алтая // Систематика, фауна, зоогеография млекопитающих и их паразитов. – Новосибирск: Наука, 1975. – Вып. 23 – С. 165-180.

54. Гальченко А.В. К вопросу о хозяйственной деятельности афанасьевских племен // Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 14-19.

55. Гальченко А.В. Фауна Нижнетыткескенской пещеры-1 и охотничье хозяйство древних племен Горного Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-1 (Алтай). – Барнаул: АлтГУ, 1995. – С. 70-94.

56. Гальченко А.В., Шульга П.И. К вопросу об интерпретации костных остатков на материалах поселений раннего железного века Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: БГПИ, 1992. – С.94-106.

57. Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 116-126.

58. Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры // Погребальный обряд древних племён Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1996. – С. 156-166.

59. Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрок (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: АлтГУ, 1998. – С. 102-128.

60. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул: АлтГУ, 2006. – Ч. II. – 232 с.

61. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннуской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – №4. – С. 79-85.

62. Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и рекогносцировочные исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – М.-Л.: АН СССР, 1960. – Т. I. – С. 7-72.

63. Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953-1960 гг. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1961. – 96 с. – вкл.

64. Грушин С.П., Тишкин А.А. Результаты определений находок древесины из памятников ранней бронзы Верхнего Приобья // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: АлтГУ, 2011. – С. 161-165.

65. Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // СГЭ. – Л., 1940. – Вып. 1. – С. 17-21.

66. Грязнов М.П. Первый пазырыкский курган. – Л.: Государственный Эрмитаж, 1950. – 100 с.

67. Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. – Л.: Государственный Эрмитаж, 1961. – Вып. 3. – С. 7-31.

68. Грязнов М.П. Миниатюры таштыкской культуры. Из работ Красноярской экспедиции 1968 г. // АСГЭ. – Л.: Аврора, 1971. – Вып. 13. – С. 94-106.
69. Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – 167 с.
70. Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. – 292 с.
71. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. – 504 с.
72. Демин М.А. Первооткрыватели древностей. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. – 120 с.
73. Деревянко А.П., Молодин В.И. Относительная хронология и культурная принадлежность памятника Кучерла-1: Горный Алтай (эпоха бронзы – железный век) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: АлтГУ, 1991. – С. 188.
74. Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – Ч. 1. – 262 с.
75. Деревянко А.П., Чевалков Л.М. Горный Алтай в эпоху палеолита и мезолита // История Республики Алтай – Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. – Т.1. – С. 57-85.
76. Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.
77. Дзерен [Электронный ресурс] // Следы животных. Отпечатки лап зверей и птиц. URL: <http://osledah.ru/sledyi-jivotnih/dzeren> (дата обращения 15.01.2013).

78. Дробышев Ю.И. Древние тюрки и окружающая среда // Этническая экология: народы и их культура. – М.: Старый Сад, 2008, – С. 329-362.

79. Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – Л.: Наука, 1970. – Т. III. – С. 80-209.

80. Дьяконова В.П. Алтайцы (Материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2001. – 223 с.

81. Дэвлет М.А. Могильник Азас I эпохи хунну в Тоджинском кожууне Тувы // Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. – СПб: ЭлекСис, 2010. – С. 164-186.

82. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1948. – 109 с.

83. Евтюхова Л.А. К вопросу о писаницах Алтая // КСИИМК. – 1951. – Вып. XXXVI. – С. 189-190.

84. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА № 24. Материалы и исследования по археологии Сибири. – М.: АН СССР 1952. – Т. 1. – С. 72-120.

85. Евтюхова Л.А., Киселёв С.В. Чаа-тас у села Копёны // Тр. ГИМ, вып. XI. Сборник статей по археологии СССР. – М., 1940. – С. 21-54.

86. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиций // Труды ГИМ. – М., 1941. – С. 75-117.

87. Елин В.Н., Могильников В.А. Исследования древних курганов Беш-Озек // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1993. – Ч. II. – С. 218-220.

88. Елин В.Н. Некрасов В.А. Новые петроглифы Горного Алтая // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул: БГПИ, 1991. – С. 145-148.

89. Елин В.Н., Некрасов В.А. Граффити с изображением охотников у с. Усть-Кан // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С.116-122.

90. Елин В.Н., Тамимов А.М. Граффити Жалгыз-Тобе // Проблему сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 77-78.

91. Еркинова Р.М., Кубарев Г.В. Граффити Бичикту-Бома (Из творческого наследия Г.И. Чорос-Гуркина) // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004. – Вып. 2. – С. 88-97.

92. Ермоленко Л.Н. Древнетюркское изваяние с птицей из Восточного Казахстана // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: КемГУ, 1999. – С. 86-91.

93. Ермоленко Л.Н. К анализу композиций на кудыргинских накладках // Труды II (XVIII) Археологического съезда. – М.: ИА РАН, 2011. – С. 28-30.

94. Ерохин А.И. Соколов В.В., Куц Г.А., Хромченков В.Д., Задумина В.И. Козоводство. – М.: МСХА 2001. – 208 с.

95. Ешелкин И.И. О наскальных изображениях некоторых животных в горах юго-восточного Алтая // Ученые записки ГАНИИИЯЛИ. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1974. – Вып. 11. – С. 63-78.

96. Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. – Новосибирск: Наука, 1991. – 175 с.

97. Жатканбаев А., Турлыбаев А. «Кусбегы» – охота с хищными птицами в Казахстане [Электронный ресурс] // Охота и охотничье хозяйство. – 1990. – № 7. URL: <http://>

//piterhunt.ru/library/articles/zhatkanbaev_a/kusbegy_okhoa_s_khishchnymi_ptitsami_v_kazakhstane.htm (дата обращения 15.01.2013).

98. Железняков Б.А. Документирование петроглифов ущелья Сункарсай // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. – Т. 3. – С. 292-297.

99. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. – М.: Восточная литература, 2002. – 247 с.

100. Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1965 г. // Труды ГИМ. – М., 1926. – Вып. 1. – С. 71-106.

101. Заяц-беляк – *Lepus timidus* [Электронный ресурс] // Экологический центр «Экосистема». URL: <http://www.ecosystema.ru/08nature/mamm/089.htm> (дата обращения 15.01.2013).

102. Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. – Томск: ТГУ, 1988. – 276 с.

103. Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А. Стратиграфия и основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – №1. – С. 3-22.

104. Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 157-169.

105. Кабан (вепрь, дикая свинья) [Электронный ресурс]. URL: <http://ohota.usoz.ru/publ/38-1-0-70> (дата обращения 15.01.2013).

106. Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. – М.: Наука, 1986. – 302 с.

107. Кандаракова Е.П. Традиционные формы охоты на зверей и птиц у кумандинцев и челканцев. – Горно-Алтайск, 2007. – 136 с.

108. Киреев С.М. Поселение Майма 1 в предгорьях Алтая // Материалы по археологии Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. – С. 165-191.

109. Киреев С.М. Поселение Черемшанка // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул: БГПИ, 1991. – С. 84-88.

110. Киреев С.М. Новое обследование городища Черемшанка // Алтай и тюрко-монгольский мир. – Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1995. – С. 135-139.

111. Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – 144 с.

112. Киреев С.М., Алехин А.В., Фуршатов А.В. Археологические исследования на Средней Катуне в 1989 году // Вопросы археологии и истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1990. – С. 11-12.

113. Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Полосина Я.Ю. К вопросу о хозяйстве населения предгорий Северного Алтая в эпоху бронзы и раннего железа // Сведения по археологии и истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1993. – С. 6-8.

114. Киреев С.М., Ларин О.В. Разведки на поселении Усть-Куба // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2004. – № 12. – С. 53-58.

115. Киреев С.М., Штанакова Е.А., Моносов В.М. Украшения гунно-сарматского времени из Бугузуна (Горный Алтай) // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2012. №4(16). – С. 85-93.

116. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Реконструкция некоторых аспектов хозяйственной деятельности населения поселения Тыткескень-2 // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005. – Вып. 2. – С. 3-13.

117. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескень VI на Средней Катунь // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: БГПИ, 1992. – С.125-130.

118. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Опыт классификации наконечников стрел эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: АлтГУ, 2002. – С. 16-32.

119. Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» (могильник Степушка I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г.: Археология, этнография, устная история. – Барнаул: АлтГПА, 2010. – Вып. 7. – С. 92-98.

120. Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: АН СССР, 1951. – 643 с.

121. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – 214 с.

122. Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. Сборник к 60-летию Д.Г.Савинова. – СПб: Филол. ф-т СПбГУ, 2001. – С. 213-215.

123. Кляшторный С.Г. Манихейский мотив в древнетюркской книге предзнаменований // Тюркологический сборник 2005. Тюркские народы России и Великой степи. – Москва: Восточная литература, 2006. – С. 195-198.

124. Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В. Тюркские рунические эпитафии из Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 78-82.

125. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. – 346 с.

126. Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: теория и практика. – М.: Наука, 1991. – С. 14-43.

127. Константинов Н.А. Источники по изучению охоты в Горном Алтае // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы поиска, открытия. – Красноярск: КГПУ, 2011. – С. 326-329.

128. Константинов Н.А. Основные проблемы изучения источников по охоте населения Горного Алтая I тыс. н.э. // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы. – Новосибирск: НГУ, ИАЭТ СО РАН, 2012а. – С. 212.

129. Константинов Н.А. Источники по изучению охотничьей деятельности населения Горного Алтая в I тыс. н.э. // История и культура средневековых народов степной Евразии. – Барнаул: АлтГУ, 2012б. – С. 45-48.

130. Константинов Н.А. Сцены охоты на раннесредневековых петроглифах Горного Алтая // Известия Алтайского государственного университета. – 2012в. – 4-2(76). – С. 122-125.

131. Константинов Н.А. Отражение охотничьей деятельности населения Алтая в петроглифах тюркского вре-

мени // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013а. – №5(17). – С. 118-136.

132. Константинов Н.А. Охотничья деятельность населения Алтая гунно-сарматского времени (по остеологическим данным) // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект. – Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013б. – С. 191-194.

133. Константинов Н.А. Роль охоты в мясном потреблении населения Алтая в первой половине I тыс. н.э. // Межкультурный диалог на евразийском пространстве. Серия «Древности Сибири и Центральной Азии» №6(18). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013в. – С. 96-104.

134. Константинов Н.А., Соенов В.И. Соколиная охота в Горном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор: Монг. гос. ун-т, 2012. – Вып. 3. – Т. 2. – С. 374-381.

135. Константинов Н.А., Соенов В.И. Об охотничьих наконечниках стрел I тыс. н.э. в Горном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы IV Междунар. науч. конф. Чита, 13-19 сент. 2013 г. – Чита: ЗабГУ, 2013. – Ч. II. – С. 54-59.

136. Конунова А.Н. Динамика населения и гнездования водоплавающих и околоводных птиц Улаганского плато (Восточный Алтай). Автореф. дисс. канд. биол. наук. – Новосибирск, 2009. – 23 с.

137. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. – М.: Наука, 2008. – 348 с.

138. Корсак [Электронный ресурс] // БСЭ. URL: <http://dic.academic.ru/pictures/bse/gif/0272843676.gif> (дата обращения 15.01.2013).

139. Косинцев П. А. Типология археозоологических комплексов и модели животноводства у древнего населения

юга Западной Сибири // Новейшие археозоологические исследования в России: к столетию со дня рождения В.И. Цалкина. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 157-174.

140. Косинцев П.А. Фауна поселения Нижняя Соору // Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр. – Барнаул: АлтГУ, 2005. – С. 160-167.

141. Косинцев П.А., Степанова Н.Ф. Фауна афанасьевского поселения Малый Дуган // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 121-129.

142. Кочеев В.А. Костяные наконечники стрел из курганов раннего железного века Горного Алтая // Скифская эпоха Алтая (тезисы докладов к конференции). – Барнаул: АлтГУ, 1986. – С. 96-97.

143. Кочеев В.А. О костяных наконечниках стрел эпохи раннего железа из курганов Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1987. – С. 55-59.

144. Кочеев В.А. Луки горно-алтайских курганов // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. – № 2. – С. 147-152.

145. Кочеев В.А. «Клад» с верховьев реки Большой Яломан (Горный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: АлтГУ, 1999. – С. 175-177.

146. Кочеев В.А. Свод древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006. – 52 с.

147. Кочеев В.А., Суразаков А.С. Курганы могильника Ябоган-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 70-81.

148. Кочеев В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в бассейне р. Коир // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. – №10. – С. 70-83.

149. Красный волк (*Canis alpinus*) [Электронный ресурс] // БСЭ. URL: <http://dic.academic.ru/pictures/bse/gif/0205383462.gif> (дата обращения 15.01.2013).

150. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.

151. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.

152. Кубарев В.Д. История изучения археологических памятников Средней Катуни // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 7-21.

153. Кубарев В.Д. Изваяние с реки Хара-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1995. – С. 158-162.

154. Кубарев В.Д. О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. – Вып. № 4. – С. 186-201.

155. Кубарев В.Д. Традиционные приемы и объекты охоты по мотивам наскальных изображений Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001а. – №7. – С. 155-159.

156. Кубарев В.Д. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001б. – № 4 (8). – С. 95-107.

157. Кубарев В.Д. Исследование петроглифов Алтая в 2001 г. // Вестник САИПИ. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001в. – Вып. 4. – С. 8-11

158. Кубарев В.Д. Образ кабана в петроглифах Алтая // Археология Южной Сибири. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 72-77.

159. Кубарев В.Д. Палеоэкономика населения Монгольского Алтая (по петроглифам и этнографическим источникам) // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007а. – С. 275-285.

160. Кубарев В.Д. Калбак-Таш-II: памятник наскального искусства Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007б. – С. 282-287.

161. Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. – 444 с.

162. Кубарев В.Д., Журавлёва А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 101-191.

163. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 43-94.

164. Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Новые древнетюркские изваяния Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 307-311.

165. Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 86-100.

166. Кубарев Г.В. Древнетюркский кенотаф из Бике III // Археология Горного Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1994. – С.82-86.

167. Кубарев Г.В. О земледелии на Алтае в древнетюркскую эпоху // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. – №2. – С. 154-157.

168. Кубарев Г.В. К вопросу о саадачном или «стрелковом» поясе у древних тюрок Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. – №3 – С.190-197.

169. Кубарев Г.В. Раннесредневековые граффити Чуйской степи // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Институт Алтасистики им. С.С. Суразакова, 2004. – Вып. 2. – С. 75-84.

170. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005а. – 400 с.

171. Кубарев Г.В. Исследование древнетюркских оградок в местностях Кыюу и Кызыл-Шин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005б. – Т. XI. – Ч. 1. – С. 368-374.

172. Кубарев Г.В. Краткий биографический очерк // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2012а. – С. 115-119.

173. Кубарев Г.В. К вопросу о женских древнетюркских изваяниях на Алтае // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб: ИИМК РАН, Переферия, 2012б. – С. 339-346.

174. Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Исследование древнетюркских оградок в местности Ак-Кообы (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2008 г. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 175-179.

175. Кубарев Г.В., Розвадовски А., Кубарев В.Д. О новых древнетюркских изваяниях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредель-

ных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – Ч. I. – С. 373-376.

176. Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д. Исследование древнетюркских оградок в устье Чаганузуна (Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 392-396.

177. Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д. Исследование поминального комплекса V – начала VI века Аржан-Бугузун на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН, 2009 г. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 312-316.

178. Кузнецов Н.А. О правомерности использования термина «боевые собаки» (по материалам раскопок курганов Южной Сибири) // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 299-307.

179. Кулан (*Equus hemionus*) [Электронный ресурс] // БСЭ. URL: <http://dic.academic.ru/pictures/bse/gif/0212008646.gif> (дата обращения 15.01.2013).

180. Кулемзин А.М. Тагарские костяные наконечники стрел // Известия лаборатории археологических исследований. – Кемерово: КемГУ, 1976. – Вып. 7. – С. 30-67.

181. Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1994. – С. 43-58.

182. Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Средневековое поселение Ушлеп-5 // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: АлтГУ, 1993. – С. 99-107.

183. Кунгуров А.Л., Цыро А.Г. История открытия и изучения палеолита Алтая. – Барнаул: Азбука, 2006. – 144 с.

184. Кунгурова Н.Ю. Охота неолитических обитателей Катуни // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. – №2. – С.3-8.

185. Кушкумбаев А.К. Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Сравнительно-историческое исследование. – Кокшетау: Колешек-2030, 2009. – 170 с.

186. Кызласов И.Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // СЭ. – 1982. – № 2. – С. 83-92.

187. Кызласов И.Л. Результаты раскопок поминальных оградок могильника Эдегей (факты вторичного использования древнетюркских оградок VI-VIII вв. в раннем средневековье) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. – № 3. – С. 143-165.

188. Кызласов И.Л. Камень Дыроватый (символика пещерных святилищ и культовой стрельбы из лука) // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 4. – С. 37-50.

189. Кызласов И.Л. К уяснению исходных позиций изучения и сбережения писаниц // Человек, адаптация, культура. – Москва: ИА РАН, 2008. – С. 451-463.

190. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: МГУ, 1979. – 207 с.

191. Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 193-211.

192. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи. – Новосибирск: Наука, 1993. – 414 с.

193. Литвинский Б.А. Бактрийцы на охоте // ЗВО-РАО. Новая серия. Том I (XXVI). – СПб: Петербургское востоковедение, 2002. – С. 181-213.

194. Лось – *Alces alces* [Электронный ресурс] // Экологический центр «Экосистема». URL: <http://www.ecosystema.ru/08nature/mamm/081.htm> (дата обращения 15.01.2013).

195. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л.: АН СССР, 1951. – 451 с.

196. Малолетко А.М. Палеогеография // История Республики Алтай. – Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. – Т.1. – С. 13-57.

197. Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: АлтГУ, 1985. – С. 173-191.

198. Мамадаков Ю.Т. О памятниках первой половины I тыс. н.э. в Горном Алтае // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: АлтГУ, 1987. – С 197-203.

199. Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. – № 2. – С. 115-129.

200. Маринин А.М., Самойлова Г.С. Физическая география Горного Алтая. – Барнаул: БГПИ, 1987. – 110 с.

201. Мартынов А.И. Средневековые сцены охоты на плитах Бичикту-Бом // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: КемГУ, 1995. – С. 178-185.

202. Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. – 346 с.

203. Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае. //

Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: АлтГУ, 1985. – С.147-172.

204. Маточкин Е.П. Лучник и птица петроглифов Карагема // Гуманитарные науки в Сибири. – 1997. – № 3. – С. 57-63.

205. Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): автореф. дисс. канд. ист. наук. – Барнаул, 2005. – 23 с.

206. Матренин С.С. Находки предметов эпохи средневековья с памятника Тыткескень-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 2007. – Вып. XVI. – С. 143-148.

207. Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006. – С. 203-218.

208. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. (САИ. Вып. Е1–36). – М.: Наука, 1966. – 183 с.

209. Миклашевич Е.А. Петроглифы урочища Устю-Айры на Горном Алтае // Археология Южной Сибири. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 84-91.

210. Миклашевич Е.А. Рисунки на скалах у деревни Туэкта (Горный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006. – Вып. 3, 4. – С. 219-235.

211. Минорский А.И. Древние наскальные рисунки Горного Алтая // КСИИМК. – 1951. – Вып. XXXVI. – С. 184-188.

212. Митько О.А., Тетерин Ю.В. Древнетюркское погребение могильника Дялян // Проблемы сохранения, ис-

пользования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 85-86.

213. Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 29-43.

214. Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-I, VIII памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 3-39.

215. Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. – С. 137-185.

216. Могильников В.А. Остатки железоделательного производства на берегу р. Чуи // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 52-55.

217. Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-1 // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 94-116, 257-280.

218. Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. – С. 187-234.

219. Могильников В.А. Суразаков А.С. Раскопки курганов гуннского времени у с. Малая Иня в Горном Алтае // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. – М.: ИА РАН, 1995. – С. 62-74.

220. Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 127-153.

221. Могильников В.А., Суразаков А.С. А.С. Раскопки второго Сальдьярского могильника // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. – С. 126-144.

222. Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 38-48.

223. Модина Т.Д. Климаты Республики Алтай. – Новосибирск, 1997. – 186 с.

224. Молодин В.И. Усть-Канская писаница // Первобытное искусство. Наскальные рисунки Евразии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 91-93.

225. Молодин В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай – Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. – Т.1. – С. 97-142.

226. Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. – 264 с.

227. Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – 256 с.

228. Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. – 379 с.

229. Монин А.С., Шишков Ю.А. История климата. – Л.: Гидрометеиздат, 1979. – 406 с.

230. Мухарева А.Н. Сюжетные композиции эпохи раннего средневековья в изобразительном искусстве Саяно-Алтая: автореф. дисс. канд. ист. наук. – Кемерово, 2007. – 23 с.

231. Мыглан В.С., Жарникова О.А., Малышева Н.В., Герасимова О.В., Ваганов Е.А., Сидорова О.В. Построение древесно-кольцевой хронологии и реконструкция летней температуры воздуха юга Алтая за последние 1500 лет // География и природные ресурсы. – 2012. – № 3. – С. 22-30.

232. Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. – Барнаул: АлтГУ, 1991. – С. 121-135.

233. Обыкновенная белка – *Sciurus vulgaris* [Электронный ресурс] // Экологический центр «Экосистема». URL: <http://www.ecosystema.ru/08nature/mamm/096.htm> (дата обращения 15.01.2013).

234. Обыкновенная лисица – *Vulpes vulpes* [Электронный ресурс] // Экологический центр «Экосистема». URL: <http://www.ecosystema.ru/08nature/mamm/051.htm> (дата обращения 15.01.2013).

235. Оводов Н.Д. Промысловые млекопитающие палеолита Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: АлтГУ, 1988. – С. 31-34.

236. Овчинникова Б.Б. К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы (по материалам могильника Аймырлыг) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 132-146.

237. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X веках. – Свердловск: УрГУ, 1990. – 223 с.

238. Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сборник МАЭ. – Л.: Наука, 1988. – Т. XLII. – С. 140-158.

239. Окладникова Е.А., Слободзян М.Б. Наскальные рисунки северных склонов Южно-Чуйского хребта (Горный Алтай) // Свод археологических источников Кунсткамеры. – СПб.: Наука, 2009. – Вып. 2. – С. 9-85.

240. Октябрьская И.В., Черемисин Д.В. Охота среди скал (древние и современные петроглифы Джурамала) // Гуманитарные науки в Сибири. – 1997. – № 3. – С. 63-71.

241. Онищенко С.С. Анализ остеологических материалов памятников Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 // Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штананкова Е.А., Соенов Д.В. Чепошские городища. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2011. – С. 89-102.

242. Онищенко С.С., Соенов В.И. Особенности зооархеологических комплексов городищ Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 и их предварительная интерпретация // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 4. – С. 166-171.

243. Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. – М.–Л.: Academia, 1935. – 48 с. – 85 табл.

244. Охота на зайца [Электронный ресурс] // Питерский охотник. URL: http://piterhunt.ru/library/books/okhota_na_zaitsev_i_drugikh_gryzunov/okhota_na_zaitsa.htm (дата обращения 15.01.2013).

245. Памятники рунического письма Горного Алтая [Электронный ресурс]. URL: http://altay.gasu.ru/RUNIKA_1.HTML (дата обращения 15.01.2013).

246. Полосина Я.Ю. Предварительный анализ остеологического материала поселений Майма-1, Майма-3 и Майма-12 // Вопросы археологии и истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1990. – С. 12-14.

247. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

248. Полосьмак Н.В. Птицы в татуировке пазырыкцев // Terra Scythica. Материалы международного симпозиума. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 204-207.

249. Попов А.А. Коллекции по материальной культуре долганов в Музее антропологии и этнографии // Сборник МАЭ. – М.-Л.: АН СССР, 1958. – Т. XVIII. – С. 5-121.

250. Потапов Л.П. Пережитки культа медведя у алтайских турок // Этнограф-исследователь. – 1928. – №2-3 – С. 15–28.

251. Потапов Л.П. Культ гор на Алтае // СЭ. – 1946. – № 2. – С. 145–160.

252. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.; Л.: АН СССР, 1953. – 444 с.

253. Потапов Л.П. Охотничий промысел у алтайцев (отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). – СПб.: МАЭ РАН, 2001. – 167 с.

254. Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1883. – 476 с.

255. Прокофьева Е.Д. Процесс национальной консолидации тувинцев. – СПб: Наука, 2011. – 538 с.

256. Пугаченкова Г.А. Образ кангюйца в согдийском искусстве. (Из открытий Узбекистанской искусствоведческой экспедиции) // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1987. – С. 56-65.

257. Радлов В.В. Сибирские древности. – СПб: Типография Императорской Академии наук, 1891. – Т. 1. – Вып. 2. – 80 с. – 8 табл. – 9 прил.

258. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

259. Романова Е.Е. Охотничий промысел на Алтае в 20-е годы (по материалам архивного фонда Ойратского областного кооперативно-промыслового союза) // Звезда Алтая. – 2012. – № 143-146. – С. 4.

260. Росомаха – *Gulo gulo* [Электронный ресурс] // Экологический центр «Экосистема». URL: <http://www.ecosystema.ru/08nature/mamm/056.htm> (дата обращения 15.01.2013).

261. Руденко С.И. Культура Алтая времени сооружения пазырыкских курганов // КСИИМК. – 1949. – Вып. XXVI. – С. 97-109.

262. Руденко С.И. Горно-алтайские находки и скифы. – М., Л.: АН СССР, 1952. – 268 с.

263. Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М., Л., 1962. – 206 с.

264. Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // МЭ. – 1927. – Т. III. – Вып. 2. – С. 37-52.

265. Русско-алтайский словарь. – М.: Русская энциклопедия, 1964. – 875 с.

266. Рысь – *Felis lynx* [Электронный ресурс] // Экологический центр «Экосистема». URL: <http://www.ecosystema.ru/08nature/mamm/071.htm> (дата обращения 15.01.2013).

267. Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 146-162.

268. Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 102-122.

269. Савинов Д.Г. Древнетюркские изваяния Узунтальской степи. // Историческая этнография: традиции и со-

временность. Проблемы археологии и этнографии. – Л.: ЛГУ, 1983. – Вып. II. – С. 155-163.

270. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: ЛГУ, 1984. – 174 с.

271. Савинов Д.Г. Гунно-сарматское время // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская Издательская фирма, 1994а. – С. 144-146.

272. Савинов Д.Г. Древнетюркское время // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская Издательская фирма, 1994б. – С. 146-152.

273. Савинов Д.Г. Парадные сёдла с геральдическими изображениями животных // Археология Южной Сибири. – Кемерово: КемГУ, 2005. – Вып. 23. – С. 19-24.

274. Савинов Д.Г. Южная и Западная Сибирь в I тыс. н.э. (проблема культурных контактов и взаимодействия) // Труды II (XVIII) Археологического съезда. – М.: ИА РАН, 2011. – Т. IV (доп.). – С. 13-18.

275. Садовой А.Н. Онищенко С.С. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения населения Восточного Алтая предтюркского времени // Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III-VII вв.). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. – С. 209-220.

276. Сальникова И.В. Костяные наконечники стрел из древнетюркских памятников Горного Алтая // Памятники культуры древних тюрков Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: НГУ, 1999. – С. 150-156.

277. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к

России. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1991. – 256 с.

278. Сатаев Р.М., Гимранов Д.О., Кильмухаметова Э.Д., Роль охоты в жизни населения средневекового городища Уфа-П // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул: АлтГУ, 2009. – С. 175-178.

279. Сатлаев Ф.А. Кумандинцы. Историко-этнографический очерк. – Горно-Алтайск: Алтайское книжное изд-во, 1974. – 200 с.

280. Северный олень – *Rangifer tarandus* [Электронный ресурс] // Экологический центр «Экосистема». URL: <http://www.ecosystema.ru/08nature/mamm/082.htm> (дата обращения 15.01.2013).

281. Семейство кошачьи [Электронный ресурс] // Биологическая энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/pictures/enc_biology/animals/snezhnyi_bars_irbis.jpg (дата обращения 15.01.2013).

282. Семейство оленевые [Электронный ресурс] // Биологическая энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/pictures/enc_biology/animals/sibirskaya_kabarga.jpg1 (дата обращения 15.01.2013).

283. Семенов А.И. Ксилотомические анализы материалов гуннского облика из пещеры Камтыттукем // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул, АлтГУ, 1995. – С.147-149.

284. Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: АлтГУ, 2008. – Вып. 4. – С. 54-66.

285. Серегин Н.Н. «Престижные» элементы материальной культуры раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая (по материалам погребальных комплексов) // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2011а. – С. 221–225.

286. Серегин Н.Н. Погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая (2-я половина V – XI вв. н.э.): системный анализ и социальная интерпретация: автореф. дисс. канд. ист. наук. – Барнаул, 2011б. – 24 с.

287. Серегин Н.Н. История исследования погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая и Монголии // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – №4-1(76). – С. 199-202.

288. Серый сурок – *Marmota baibacina* [Электронный ресурс] // Животные России. Справочник. <http://animals.academic.ru/pictures/animals/Image2043.gif> (дата обращения 15.01.2013).

289. Сибирская косуля – *Capreolus pygargus* [Электронный ресурс] // Экологический центр «Экосистема». URL: <http://www.ecosystema.ru/08nature/mamm/080.htm> (дата обращения 15.01.2013).

290. Сибирский козел – *Capra sibirica* [Электронный ресурс] // Экологический центр «Экосистема». URL: <http://www.ecosystema.ru/08nature/mamm/146.htm> (дата обращения 15.01.2013).

291. Сидоров Е.А. Присваивающие виды хозяйственной деятельности населения лесостепного Приобья в I тыс. н.э. // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. – Новосибирск: НГПИ, 1989. – С. 16-41.

292. Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). – СПб: Петербургское востоковедение, 1998. – 320 с.

293. Скопинцева Г.В. Новые памятники первой половины I тыс. н.э. в предгорьях Алтая // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: АлтГУ, 1993. – С. 62-71.

294. Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соенов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – Вып. 7. – С. 42-57.

295. Собанский Г.Г. Промысловые звери Горного Алтая – Новосибирск: Наука, 1988 – 160 с.

296. Собанский Г.Г. Копытные Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1992. – 257 с.

297. Собанский Г.Г. Звери Алтая. Крупные хищники и копытные. – Барнаул: ГИПП «Алтай», 2005. – 372 с.

298. Соболь – *Martes zibellina* [Электронный ресурс] // Экологический центр «Экосистема». URL: <http://www.ecosystema.ru/08nature/mamm/057.htm> (дата обращения 15.01.2013).

299. Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. – №4. – С.134-152.

300. Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. – №5. – С.48-62.

301. Соенов В.И. Рыболовство на Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. – №6. – С. 16-32.

302. Соенов В.И. Собираательство растительной пищи на Алтае // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – №9. – С. 18-30.

303. Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003а. – 160 с.

304. Соенов В.И. Земледелие на Алтае в древности и средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: АлтГУ, 2003б. – С. 169-172.

305. Соенов В.И. Петроглифы Горного Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003в. – № 10. – С. 100-107.

306. Соенов В.И. Отчет о работах по проекту РГНФ и ЦНТ РА «Горный Алтай в гунно-сарматскую эпоху» в 2004 году // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005а. – С. 168-170.

307. Соенов В.И. Комплекс вооружения населения Верхней Катуни в гунно-сарматскую эпоху // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: АлтГУ, 2005б. – С. 52-55.

308. Соенов В.И. Хозяйство населения Горного Алтая в древнетюркскую эпоху // Тюркология. – 2005в. – № 3(17). – С. 69-77.

309. Соенов В.И. Полевые археологические исследования Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. – № 3(15). – С. 3-6.

310. Соенов В.И., Константинов Н.А. Хронологическая и культурная принадлежность Манжерокского городища (Северный Алтай) // Исторические, философские,

политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – №6. – С. 183-190.

311. Соенов В.И., Константинов Н.А., Соенов Д.В. К вопросу о датировке Манжерокского городища // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы XVIII и XIX региональных научно-практических конференций. – Барнаул: Азбука, 2013. – С. 238-246

312. Соенов В.И., Константинов Н.А., Соенов Д.В., Трифанова С.В., Бакиянов А.И. Емурлинское городище на Алтае // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. – №5(17). – С. 83-102.

313. Соенов В.И., Суханов Г.П. Плита из Ини // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. – № 6. – С. 138-141.

314. Соенов В.И., Трифанова С.В. Полевые археологические исследования // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г.: Археология, этнография, устная история. – Барнаул: АлтГПА, 2010. – Вып. 7. – С. 122-125.

315. Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А. Раскопки средневековых объектов на могильнике Бике III // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. – №1-2 (13-14). – С.74-95.

316. Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соенов Д.В. Чепошские городища. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2011. – 228 с.

317. Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. – №3. – С.113-135.

318. Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. – 116 с.

319. Соенов В.И., Эбель А.В. Могильник Сары-Бел – новый памятник гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Горный Алтай и Россия 240 лет. – Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1996а. – С.38-40.

320. Соенов В.И., Эбель А.В. Охранные раскопки в Верх-Уймоне // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: АлтГУ, 1996б. – С.157-158.

321. Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-1 // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. – Вып. 2. – С. 103-115.

322. Соловьев А.И. Исследование могильника Усть-Чоба-1 на Средней Катунь // Древности Алтая (Известия лаборатории археологии). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. – № 4. – С. 123-134.

323. Сорокин С.С. Древние каменные изваяния Южного Алтая // СА. – 1968. – №1. – С. 260-262.

324. Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. – Л.: Аврора, 1977. – Вып. 18. – С.57-67.

325. Стасевич Е.Ф., Альков Г.В. Овцеводство Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1962. – 100 с.

326. Стратегикон Маврикия. – СПб.: Аллетея, 2004. – 256 с.

327. Суразаков А.С. Железный кинжал из долины Ачик Горно-Алтайской автономной области // СА. – 1979. – № 3. – С. 265-269.

328. Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Горного Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1982. – С. 121-136.

329. Суразаков А.С. О совещании по итогам полевых исследований 1982 г. в Горно-Алтайском НИИИЯЛ // Ар-

хеологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 163-166.

330. Суразаков А.С. Предания старины глубокой. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1985. – 80 с.

331. Суразаков А.С. Раскопки памятников Курата II и Кор-Кобы I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. – С. 56-96.

332. Суразаков А.С. Святилище Большой Яломан III // Актуальные проблемы сибирской археологии. – Барнаул: АлтГУ, 1996. – С. 82-84.

333. Суразаков А.С. О традициях нарушения древних погребальных сооружений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: АлтГУ, 1999. – С.171-173.

334. Суразаков А.С. Горный Алтай в VII-II вв. до н.э. // История Республики Алтай. – Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002а. – Т.1. – С. 142-177.

335. Суразаков А.С. Горный Алтай в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // История Республики Алтай. – Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002б. – Т.1. – С. 177-184.

336. Суразаков А.С. Горный Алтай в эпоху средневековья // История Республики Алтай. – Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002в. – Т.1. – С. 185-222.

337. Суразаков А.С., Соенов В.И. Зооморфный колчаный крючок из могильника Айрыдаш-I // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 37-40.

338. Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. – Барнаул: АлтГУ, 2008. – 110 с.

339. Суразаков С.С. Этапы развития алтайского героического эпоса: автореф. дисс. д. филолог. наук. – М., 1973. – 41 с.

340. Сушкин П.П. Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии. – М.: АН СССР, 1938а. – Т. I. – 360 с.

341. Сушкин П.П. Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии. – М.: АН СССР, 1938б. – Т. II. – 435 с.

342. Табалдиев К., Жолдошов Ч. Образцы изобразительной деятельности древнетюркских племен Тенир-Тоо // «Манас» Университети. Коомдук илимдер журналы. – Бишкек, 2003. – С. 111-136.

343. Тишкин А.А. Характеристика основного направления хозяйственной деятельности населения раннескифского времени Горного Алтая // Актуальные проблемы сибирской археологии. – Барнаул: АлтГУ, 1996. – С. 57-61.

344. Тишкин А.А. Керамические сосуды из курганов хуннского времени могильника Яломан-II // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: АлтГУ, 2005. – С. 129-135.

345. Тишкин А.А. Историко-культурное наследия Алтая. Древности Онгудайского района. – Барнаул, 2006. – Вып. 1. – 12 с.

346. Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 2007. – 356 с.

347. Тишкин А.А. Деревянные находки из памятника Яломан-II на Алтае // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: АлтГУ, 2011. – С. 165-176.

348. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – №9. – С. 82-91.

349. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. – № 10. – С. 107-117.

350. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул: АлтГУ, 2005б. – 200 с.

351. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск: ИрГТУ, 2005а. – Ч. I. – С. 327-333.

352. Тишкин А.А., Матренин С.С. Новые данные по радиоуглеродному датированию погребальных комплексов булан-кобинской культуры Алтая (по материалам раскопок курганной группы Степушка-1) // Теория и практика археологических исследований. – 2013. – 1(7). – С. 147-153.

353. Тишкин А.А., Мыльников В.П. Начало изучения комплекса деревянных изделий булан-кобинской культуры Алтая // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: АлтГУ, 2007. – С. 159-165.

354. Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревянные изделия из кургана 31 памятника Яломан II на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – №1(33). – С. 93-102.

355. Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи: автореф. дисс. канд. ист. наук. – Горно-Алтайск, 2006. – 22 с.

356. Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 2012. – 152 с. – илл.

357. Тюрина Е.А. История изучения хозяйства населения афанасьевской культуры // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. – Барнаул: Слово, 2010. – С. 12-20.

358. Уманский А.П. Археологические раскопки Ледебура в Горном Алтае // Ученые записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ. – Горно-Алтайск, 1964. – Вып. 6. – С. 35-52.

359. Фёдоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. / Памятники древнего искусства. – М.: Искусство, 1976. – 228 с.

360. Фролова И.Д. Экологическое поведение алтайцев при использовании пищевых ресурсов дикой природы // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4/3(64). – С. 233-235.

361. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. – М.: Политиздат, 1980. – 832 с.

362. Хороших П.П. Писаницы Алтая // КСИИМК. – 1947. – Вып. XIV. – С. 26-34.

363. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.

364. Худяков Ю.С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. – С. 186-201.

365. Худяков Ю.С. Мумифицированное погребение хуннского времени из Горного Алтая // Известия СО АН СССР. Серия: история, филология и философия. – 1991. – Вып. 2. – С. 60-66.

366. Худяков Ю.С. Новые находки хуннского времени из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск: ГАИ-ГИ, 1997а. – С. 145-155.

367. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997б. – № 2. – С. 29-37

368. Худяков Ю.С. Зеркала из могильника Усть-Эдиган // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998а. – Вып. 3. – С. 135-143.

369. Худяков Ю.С. Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1998б. – С. 206-211.

370. Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002а. – Т. VIII. – С. 472-478.

371. Худяков Ю.С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: АлтГУ, 2002б. – С. 79-87.

372. Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. – Вып. 1. – С. 99-109.

373. Худяков Ю.С. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 1. – С. 102-111.

374. Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005а. – Т. XI. – Ч. I. – С. 480-484.

375. Худяков Ю.С. Могила изгоя в урочище Улуг-Чолтух // Природа. – 2005б. – № 5. – С. 63-66.

376. Худяков Ю.С., Белинская К.Ы. Каменное изваяние из урочища Айлян в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – №1 (49). – С. 122-130.

377. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 369-373.

378. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Изучение древнетюркских поминальных комплексов в долине р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 465-470.

379. Худяков Ю.С., Миронов В.С. Система жизнеобеспечения у населения средней Катунь в скифское время [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. Архив 1998-1999. URL: http://zaimka.ru/archaeology/skif_katun.shtml (дата обращения 15.01.2013).

380. Худяков Ю.С., Мороз М.В. Коллекция керамической посуды из могильника Усть-Эдиган // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: БГПИ, 1992. – С. 131-134.

381. Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Охранные работы в зоне затопления Катунской ГЭС // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1990. – С. 59-62.

382. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. – 292 с.

383. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Комплекс памятников с руническими надписями в местности Кок-Сай в Кочкорской долине на Тянь-Шане // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3 (11). – С. 124-131

384. Худяков Ю.С., Эбель А.В., Кочеев В.А. Лук и стрелы из погребения на реке Кам-Тытугом в Горном Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири. Научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул: Азбука, 1998. – С. 279-288.

385. Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая. – Кемерово, 1984. – 19 с.

386. Чариков А.А. Новые находки средневековых изваяний в Казахстане // СА. – 1989. – № 3. – С. 184-192.

387. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

388. Черемисин Д.В.. Исследование наскальных изображений долины реки Чаганка (Алтай) в 2001 г. // Вестник САИПИ. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001в. – Вып. 4. – С. 12-16.

389. Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке

Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1(17). – С. 39-50.

390. Чеснов Я.В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов // СЭ. – 1970. – №6. – С. 15-26.

391. Шатилов М.Б. Ваховские остяки. Этнографические очерки. Труды Томского краевого музея. – Томск: Томский краевой музей, 1931. – Т. IV. – 175 с. – илл.

392. Швецов С.П. Репринтное воспроизведение издания «Горный Алтай и его население. Кочевники Бийского уезда». Барнаул, 1900. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2008. – 571 с.

393. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 140 с.

394. Штанов Е.С. О методике выделения наскальных изображений Горного Алтая хуннского времени // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – 4-5(60). – С. 232-235.

395. Шульга П.И. Поселения раннего железного века в Горном Алтае: дисс. канд. ист. наук. – Кемерово, 1990а. – 212 с.

396. Шульга П.И. Исследование поселений раннего железного века в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1990б. – С. 83-87.

397. Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИ-ЯЛ, 1994. – С. 48-60.

398. Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на Средней Катуни // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул: АлтГУ 1996. – С. 106-124.

399. Шульга П.И. Поселение Партизанская Катущка на Катунь // Древние поселения Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1998. – С. 146-164.

400. Шульга П.И. О хозяйстве афанасьевцев Горного Алтая // Афанасьевский сборник 2. – Барнаул: Азбука, 2012. – С. 204-209.

401. Шульга П.И., Тишкин А.А., Соенов В.И. Города Нижней Чепеш-3 и 4 // Известия Алтайского государственного университета. Серия история и политология. – 2010. – № 4/2(68/2). – С. 249-253.

402. Эбель А.В., Буржуа Ж., Соенов В.И., Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Себистея (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. – Том XVI. – С. 335-340.

403. Яданова К.В. О камне погоды – *јада таиш* // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2007. – Вып. 5. – С. 168-174.

404. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: Этнографическое и статистическое исследование. – СПб.: Изд. И. М. Сибирякова, 1891. – 308 с.

405. Ямаева Е.Е. Наскальные рисунки эпохи средневековья: уйгуры в Горном Алтае (по материалам памятников долины Каракол) // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. – № 4. – С. 57-61.

406. Ямаева Е.Е. Петроглифы долины Каракол. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. – 75 с.

407. Ямсков А.Н. Трактовки понятия «жизнеобеспечение» в этнической экологии и возможный подход к изучению культурной адаптации // Этнос и среда обитания.

Сборник этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова. – М.: Старый сад, 2009. – Т.1. – С. 73-94.

408. Arab Archery. An Arabic manuscript of about A.D. 1500 «Book on the Excellence of the Bow and Arrow» and the Description thereof / Translated by N. Faris and R. Elmer. – Princeton, 1945. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archerylibrary.com/books/faris-elmer/arab-archery/>(дата обращения 15.01.2013).

409. Cheremisin D. The study of the Djalgys-tobe petroglyphs // INORA. – 2002. – № 32. – P. 20-25.

410. Clauson G. Some old Turkish words connected with hunting // Die Jagd bei den altaischen Völkern. Vortage der VIII. PIAC vom 30.8. bis 4.9. – Wiesbaden, 1965. – S. 9-18.

411. Dyrenkova N.P. Bear worship among Turkish tribes of Siberia // Proceedings of the 23rd International Congress of Americanists, 1928. – New York, 1930. – P. 411-440.

412. Kubarev V.D., Jacobson E. Sibirie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altai). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – T. V. 3. – F. 3. – Paris, 1996. – P. 45. – Fig. 662.

413. Larsen L.B., Vinther B.M., Briffa K.R., Melvin T.M., Clausen H.B., Jones P.D., Siggaard-Andersen M.-L., Hammer C.U., Eronen M., Grudd H., Gunnarson B.E., Hantemirov R.M., Naurzbaev M.M., Nicolussi K. New ice core evidence for a volcanic cause of the A.D. 536 dust veil // Geophysical Research Letters. – 2008. – Vol. 35. – Is. 4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай.

АлтГУ – Алтайский государственный университет.

АлтГПА – Алтайская государственная педагогическая академия.

АН СССР – Академия наук СССР.
АТР – Азиатско-тихоокеанский регион.
БГПИ – Барнаульский государственный педагогический университет.
ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГАИГИ – Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
ИЭАТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.
КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МА ГАГУ – Музей археологии Горно-Алтайского государственного университета.
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук.
МГУ – Московский государственный университет.
МСХА – Московская сельскохозяйственная академия.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
НИЦ ИКТН ГАГУ – Научно-исследовательский центр истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета.
НМРА – Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина.
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников.
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства.
СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа.
СЭ – Советская этнография.
ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция.
ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
ЭО – Этнографическое обозрение.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Описание охотничьих сцен в петроглифах Алтая

№	Название памятника	Описание сцен охоты
Гунно-сарматское время		
1	<i>Калбак-Таш-I</i>	<p>Сцена 1. Схематично изображен человек (лучник?) с пучком стрел за поясом, четыре волка и одна собака (волк?), два марала. Один волк, нападающий на верхнего марала, поражен стрелой. Второй марал окружен другими волками (собаками?) и собакой (волком?) (Kubarev V.D., Jacobson E., 1996, fig. 409).</p> <p>Сцена 2. Изображен пеший лучник и марал. Разделены более поздним(?) изображением стрелы (Kubarev V.D., Jacobson E., 1996, fig. 414).</p> <p>Сцена 3. Два человека, медведь(?), ряд стрел, лук со стрелой, еще два лука(?), спирали, выше нарисованы три лошади и еще два лука. У людей на поясе изображены пучки стрел. Один человек изображен перед медведем, второй за ним. Медведь поражен стрелой, линиями изображены потоки крови (Kubarev V.D., Jacobson E., 1996, fig. 598).</p>
2	<i>Междуречье рек Ак-Кол</i>	В сцене присутствуют фигуры трех собак, двух маралов и одного лучника.

	<i>и Кара-Оюк</i>	Двух маралов гонят три собаки (волка?) на пешего лучника. Один олень (нижний) ранен стрелой в шею (Окладникова Е.А., Слободзян М.Б., 2009, табл. 15).
3	<i>Калбак-Таш-II</i>	Изображен конный лучник, четыре косули(?), один из них самец. Лучник гонится за косулями. За поясом лучника пучок стрел. Изображена летящая в сторону косуль стрела. Изображение косуль перекрыто(?) изображениями двух крупных стрел (Кубарев В.Д., 2007, с.285-286, рис. 1 – 5).
4	<i>Устю-Айры</i>	В сцене изображены пеший лучник, конный лучник и один марал. Пеший охотник изображен позади марала, конный охотник ниже марала. Оба охотника изображены в одежде с довольно длинной полой и с распущенными волосами. На поясе конного лучника изображен колчан, у пешего за пояс заткнут пучок стрел. На крупе лошади изображена тамга(?) (Миклашевич Е.А., 2003).
5	<i>Туэкта</i>	На плоскости 12 изображена сцена охоты. Техником граффити изображены три всадника с головными уборами с двумя длинными свисающими полами (напоминающие «ушанки») и один пеший охотник. Все они изображены вооруженными М-образными луками с натянутыми тетивами. Изображено

		четыре собаки и медведь. Изображены птица (журавль) и олень (косуля), обе фигуры прорисованы пораженными стрелами. Часть изображений не сохранилась (Миклашевич Е.А., 2006, с. 220, рис. 5).
6	<i>Каракол (Бичикту-Бом)</i>	<p>Сцена 1. Сцена охоты пешего лучника на скачущего оленя. Лучник изображен стоящим на одном колене, за поясом три стрелы. Стрела, лежащая на тетиве, изображена ярусной (Минорский А.И., 1951, с. 187, рис. 56 – 1; Горбунов В.В., 1998, рис. 1 – 4).</p> <p>Сцена 2. Частично сохранилось изображение лучника, стреляющего в «пасущегося»(?) марала, который также сохранился частично (Минорский А.И., 1951, рис. 55 – 4, с. 187).</p>
7	<i>Бичикту-Бом</i>	<p>Сцена 1. Изображены два конных и один пеший лучник, две привязанных лошади и семь других зооморфных фигур: собака(?), козел, два марала, другие неопределимы. В этнографическое время пририсован стрелок на лошади(?) и, скорее всего, некоторые зооморфные существа. Все лучники направлены в одну сторону, пеший позади конных. Ниже пешего лучника изображена привязанная к «дереву» лошадь. У всех лучников на поясе изображены по три стрелы. Верхний конный лучник стреляет в</p>

		<p>козла, между ними зооморфное существо. Нижний конный лучник стреляет в марала, выше марала собака(?). Остальные зооморфные существа дорисованы в этнографическое время(?) (Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М., 2006, с. 256, рис. 149).</p> <p>Сцена 2. В композиции присутствуют несколько зооморфных фигур. В правой верхней части композиции изображен марал, раненный(?) стрелой, ниже марала пеший лучник (Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М., 2006, с. 265, рис. 315).</p> <p>Сцена 3. В композиции присутствуют три зооморфных изображения и пеший лучник. Лучник изображен в «халате», с тремя стрелами на поясе. Лучник, видимо, охотится на марала. Фигура марала заштрихована линиями (Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М., 2006, с. 276, рис. 476).</p> <p>Сцена 4. На композиции присутствует большое количество разновременных зооморфных и антропоморфных фигур. На сцене как минимум шесть пеших лучников, один конный. Кроме того, на сцене присутствуют два всадника. Рядом с нижним лучником изображена стоящая</p>
--	--	--

		<p>лошадь. Лучник стреляет в марала, который бежит на него. Другие антропоморфные фигуры сложно связать с охотничьими сюжетами. Некоторые изображения композиции могут быть отнесены к гунно-сарматскому времени или средневековью. Часть фигур может быть отнесена к этнографическому времени (Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М., 2006, с. 293, рис. 802).</p> <p>Сцена 5. В сцене охоты присутствуют несколько фигур: три всадника на верхнем ярусе; звери и птицы (1 марал, 1 козел, 3 зайца и 3 сокола) на нижнем. Рядом со сценой имелась руническая надпись. Один всадник вооружен луком, фигура среднего всадника плохо различима, у третьего всадника в руках изображен «длинный предмет». Все фигуры изображены в движении, прорисованы мельчайшие детали. Соколы изображены преследующими зайцев (Ямаева Е.Е., 2009).</p> <p>Сцена 6. В сцене изображен пеший лучник с распущенными волосами и пучок стрел заткнутых за пояс и оленя (Ямаева Е.Е., 2010, с. 34, рис.34).</p>
--	--	--

8	<i>Тыныскайак</i>	<p>Сцена 1. В сцене изображен пеший лучник, стреляющий в бегущих от него двух оленей (Ямаева Е.Е., 2010, с. 40, рис. 1).</p> <p>Сцена 2. Изображены несколько фигур оленей, в которых стреляют два лучника (Ямаева Е.Е., 2010, с. 40, рис. 3).</p>
9	<i>Усть-Канская писаница</i>	<p>Усть-Канская писаница, выполненная в технике граффити, содержит несколько зооморфных, орнитоморфных и антропоморфных фигур. Условно композицию можно разделить на две части: верхнюю и нижнюю. В верхней части, где изображены только животные, прослеживается не менее шести фигур. В нижней части композиции выделяется две группы фигур: слева прочерчены три изображения животных, из которых определимы два (кабан и копытное животное без рогов), а также летящая хищная птица. Справа от этих изображений локализуются несколько других фигур: скачущий всадник, держащий на поднятой руке ловчую птицу(?); пара куропаток перед всадником; марал, раненый стрелой в грудь; два копытных животных над маралом; пеший лучник, стреляющий в марала. Ниже справа изображена привязанная лошадь (Елин, Некрасов, 1994, с. 117-118).</p>

10	<i>Кургак</i>	<p>Всадник с луком на поясе, пеший лучник, натянувший тетиву, собака, медведь, марал. Марал бежит на пешего лучника, за ним гонится собака. За собакой и маралом скачет всадник. Перед всадником и выше собаки изображен идущий медведь (Кубарев В.Д., 2001, рис. 3).</p>
11	<i>Жалгыз-Тобе</i>	<p>Сцена 1. В сцене изображен скачущий на лошади лучник, преследующий двух зверей. Одна фигура может быть бараном или козлом. Эта фигура поражена стрелой (Елин В.Н., Тамимов А.М., 1992).</p> <p>Сцена 2. По Г.В. Кубареву: Изображены два скачущих конных лучника с натянутыми тетивами и собака(?). Изображены два убегающих архара(?) (Кубарев Г.В., 2004, с. 76-77, рис. 4).</p> <p>По Д.В. Черемисину: Два конных лучника, два козла и архар(?) (Cheremisin D., 2002, fig. 6 – 3).</p> <p>Сцена 3. Пеший лучник, марал, козел, неразличимое существо. Рядом с маралом изображена стрела, направленная на него. Конец древка стрелы детально прорисован (Cheremisin D., 2002, fig. 7).</p>

12	<i>Кара-Оюк (Чаганка)</i>	<p>Сцена 1. Лучник верхом на «пятнистой» лошади. Перед охотником изображен пораженный стрелой козел(?). Вокруг охотника изображены еще звери – объекты охоты(?) (Окладникова Е.А., 1988, с. 148, рис. 3 – 1).</p> <p>Сцена 2. Пеший лучник охотится на хищников (волков?). (Окладникова Е.А., 1988, с. 150, рис. 3 – 3).</p>
13	<i>Соок-Тыт (правый берег р. Чаган)</i>	<p>Сцена охоты скачущего конного лучника на убегающего козла. Возможно, сцена осталась не дорисованной (Черемисин Д.В., 2004, с. 42, рис. 3).</p>
14	<i>Долина Чагана. Точного описания место- нахождения нет</i>	<p>Изображен всадник с копьем, собака, горный козел. Всадник, вооруженный копьем, с колчаном на поясе и саадаком(?). Собака гонит в сторону всадника козла (Черемисин Д.В., 2004, с. 43, рис. 9).</p>
15	<i>Долина Чагана (правый берег)</i>	<p>Сцена 1. Сцена охоты скачущего конного лучника на убегающего раненого двумя стрелами архара. На крупе коня прорисована тамга в виде козла (Черемисин Д.В., 2004, с. 42, рис. 7а).</p> <p>Сцена 2. Изображен пеший лучник, марал и собака. Собака гонит марала, на человека, целящегося в него (Черемисин Д.В., 2004, рис. 8).</p>

16	<i>Улаганская стела</i>	Сцена охоты пешего лучника на оленя. В сцене также присутствует самка оленя, кабан. Прослеживается еще одна фигура копытного и ноги человека. Олень, на которого охотится сохранившаяся фигура человека, изображен с рогами, раненным стрелой в спину (Кубарев В.Д., 1984, рис. 14).
-----------	--------------------------------	--

Таблица 2
Определения остеологической коллекции
верхнего слоя поселения Тыткескень-3,
выполненные А.В. Гальченко
(Кунгуров А.Л., 1994, табл. 1)

<i>N п/п</i>	<i>Вид животного</i>	<i>Количество костей</i>	<i>Количество особей</i>
1.	Неопределенные костные остатки (НКО) ближе к мелким копытным	191	—
2.	НКО ближе к крупным копытным	143	—
3.	Крупный рогатый скот	128	8
4.	Лошадь	195	19
5.	Коза	38	6
6.	Овца	181	13
7.	Косуля	135	12
8.	Сибирский горный козел	14	3
9.	Благородный олень	16	4
10.	Лось	2	1
11.	Кулан	18	2
12.	Свинья (?) Кабан	1	1
13.	Птица	1	1

Таблица 3
Определения остеологической коллекции
поселения Майма-1 (раскопки 1991 года),
выполненные А.В. Гальченко (Абдулганеев М.Т., 1991)

Видовой состав	1 штык	2 штык	3-4 штык
Н.к.о. ближе к круп. – копытным	192	226	73
Н.к.о. ближе к мелк. – копытным	151	167	91
к.р.с.	166/8	268/8	192/11
лошадь	225/14	504/13	352/22
овца	206/11	417/12	440/23
коза	33/2	83/4	114/8
собака	5/2	14/2	3/1
благ. олень	28/2	43/2	25/3
кулан	62/6	95/6	55/4
косуля	147/10	175/11	125/7
кабан-свинья (?)	19/2	16/2	18/2
барсук	5/1	–	–
лиса	–	20/7	13/1
сурок	–	–	3/1
заяц	–	3/1	–
суслик	–	–	4/1
медведь	–	–	2/1
птичьи к.о.	7	1	8
рыбьи к.о.	18	8	16

Таблица 4

**Определения остеологических материалов
из слоя гунно-сарматского времени Денисовой пещеры
(Дервянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 101;
Васильев С.К. Гребнев И.Е., 1994, табл. 1)**

Видовой состав	Количество фрагментов костей	Количество особей
Козы и овцы (Capra et Ovis)	72	5
Лошадь (Equus caballus)	7	1
Корова (Bos taurus)	11	3
Собака (Canis sp.)	3	1
Косуля (Capreolus pygargus)	72	7
Марал (Cervus elaphus)	7	2
Медведь (Ursus arctos)	5	3
Лисица (Vulpes vulpes)	2	1
Птица	7	

Таблица 5
Определения остеологических материалов
городища Нижний Чепош-3
(Онищенко С.С., Соенов В.И., 2010;
Онищенко С.С., 2011)

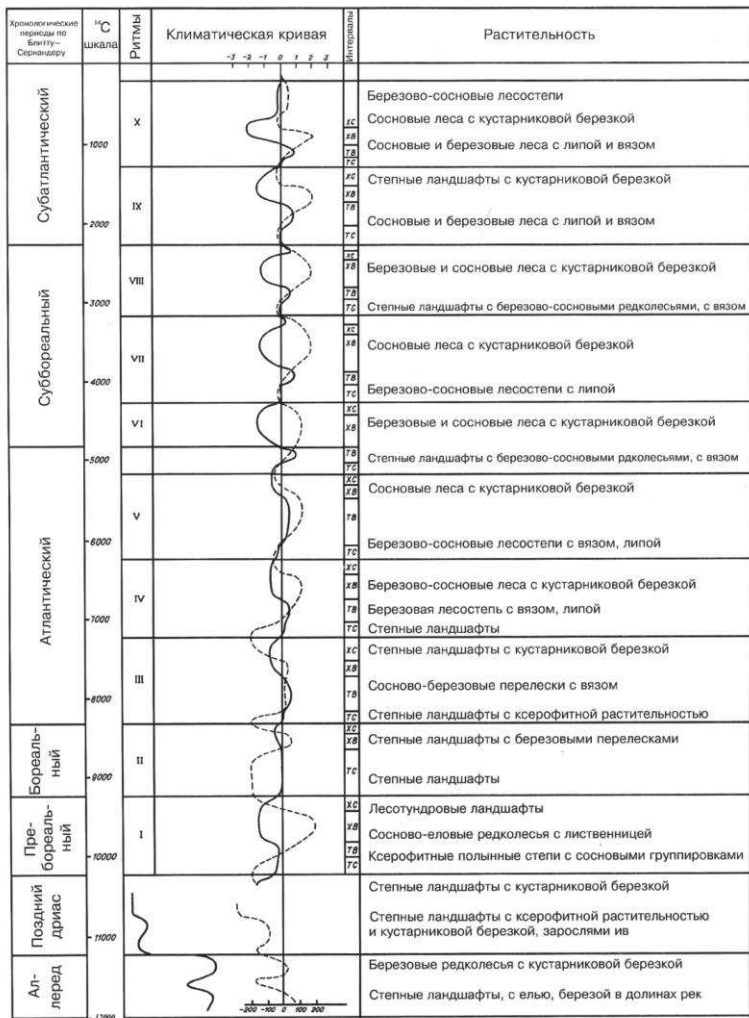
Видовой состав	Количество фрагментов костей	Количество особей
Овца (<i>Ovis aries</i>)	155	20-22
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	67	6-7
КРС (<i>Bos sp.</i>)	27	1-2
Собака (<i>Canis sp.</i>)	3	1
Косуля (<i>Capreolus pygargus</i>)	9	1-2
Марал (<i>Cervus elaphus</i>)	2	1
Лось (<i>Alces alces</i>)	1	1
Медведь (<i>Ursus arctos</i>)	1	1
Заяц (<i>Lepus timidus</i>)	1	1
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	1	1

Таблица 6
**Встречаемость видов диких животных
 среди определяемых фрагментов костей
 из поселений первой половины I тыс. н.э.**

памятник вид	Майма-1	Тыткескень- 3	Нижний Чепош-3	Денисова пещера
Косуля	+	+	+	+
Марал	+	+	+	+
Птица	+	+	+	+
Лиса	+		+	+
Медведь	+		+	+
Кулан	+	+		
Лось		+	+	
Кабан	+	+		
Сиб. Горный козел		+		
Барсук	+			
Сурок	+			
Суслик	+			

Таблица 7
Климатические ритмы эпохи голоцена
(Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А., 2000, табл. 4)

Примечание: XC - холодно-сухой, XB - холодно-влажный, TC - тепло-влажный, TC - тепло-сухой климат.
 Сплошная линия - температура года, пунктирная - среднегодовые суммы осадков, мм/год.

ПЕРЕЧЕНЬ ТОПОНИМОВ,
связанных с охотничьей деятельностью
(Молчанова О.Т., 1979)

Река, долина *Айа-Аткан*, гора *Айа-Тарткан* – самострел
стрелял, самострел натянул;
озеро *Айу-Кӧль*, река *Айулу*, гора *Айю-Кыр*, река *Айу-Кечнес*,
лог *Айу-Манаг*, река, скала *Айу-Тарткы* и др. –
медвежье озеро, имеющая медведя, медвежья гора,
медведь не пройдет в брод, медвежья охота, медвежий
самострел;
лог *Акуна* – белая высокогорная куропатка;
озеро *Ан-Кӧл*, озеро *Ан-Түшкен*, река *Ан-Чан* – звериное
озеро, зверь утонул или спускался, звериный детеныш
(марала или косули) или звериный склон;
река *Ангырлу* – имеющая уток;
гора *Бабьрган* – летяга;
река *Баксырга* – лосиная река;
урочище *Беи-Элик* – пять косуль;
озеро *Буланду-Кӧл*, лог *Булан-Кобы* – лосиное озеро,
лосиный лог;
река *Горо-Суу* – охотничья река;
река *Јаан-Айу-Кечер* – большая медвежья переправа;
Јанчик-Түшкен – охотничью сумку потерял;
река *Јеекен* – росомаха;
река и гора *Јунмалу* – имеющая самку горного козла;
ст. *Каан-Кујурт* – ханский солонец;
гора *Калбаш-Бажу* – вершина как охотничья лопатка или
гора с охотничьей лопаткой;

гора, урочище *Каптырга* – кожаный мешочек для пуль,
сумка дорожная;
долина *Каракула-Јуулган* – львы собрались;
река *Кичик-Сору* – маленький солончак или солонец;
река, гора, долина *Киштү* – имеющая соболей;
ручей, лог *Койонок* – зайчик;
долина *Кочкор, Кошкор*, гора *Кочкорок* – баран, маленький
дикий баран;
река, село *Кулады* – большая птица, мясо и жир которой
употребляют в пищу;
реки *Куран, Куранду* – самец косули, имеющая самцов
косули;
река *Кушкүлү* – колонок;
река *Күлбүш-Өзök* – река дикого козла (самца);
озеро *Кындагайты* – имеющее лосей (монг.);
лог *Манакай* – засада;
гора *Мана-Күжүр* – сторожевое солончаковое место;
река, село *Ороктой (Орыкту-Ой)*;
гора *Сарас-Кыр* – колонок-гора или колонковая гора;
гора, лог *Саратак* – однолетний марал, мараленок;
река и гора *Сыгыны*, урочище *Сыгын-Туу*, лог, ущелье
Сыгын-Мүүс, урочище *Сыгын-Мүүзи* и др. – марал,
Марал-гора, имеющий маралов, рога марала;
мыс *Сарыкту* – дикий козел двухлеток;
река, гора, урочище *Тарбаан*, ручей, лог *Тарбаан-Јат*, гора
Тарбаанду, лог *Тарбаганду-Кобы* и др. – сурок, сурок
живет, обитает, лог, гора с сурками;
лог, гора, река *Текелү* – имеющая козлов;
лог *Текелү-Кобы*, урочище *Текелү-Чу* – лог с козлами, река с
козлами;
гора *Тес-Каиш* – засека для ловли зверей (маралов, косуль,
оленей);

река *Тийинг-Келди* – белка пришла;
Тузак – силок, петля для ловли птиц, зверьков;
Түлкү, Түлкүлү – лисий, лисий лог;
Уйа-Коль, Уйалу – озеро, лог с логовом берлогой, гнездом;
урочище *Улары (Улару)* – куропатка;
урочища *Чай-Ойын* – глухарина игра (ток);
Чайлу-Таш – сопка или гора с глухарями;
лог *Чергей* – ловушка на мелких пушных зверьков;
лог *Черенду* – с косулями;
Чочко-Туу, Чочко-Кобызы – свиная гора, свиной лог;
Чунмак-Орой – вершина горного козла;
название села *Эликманар* – огораживать косуль;
название реки, ручья, лога *Элиktу* – имеющий косуль.

*****

ИЛЛЮСТРАЦИИ

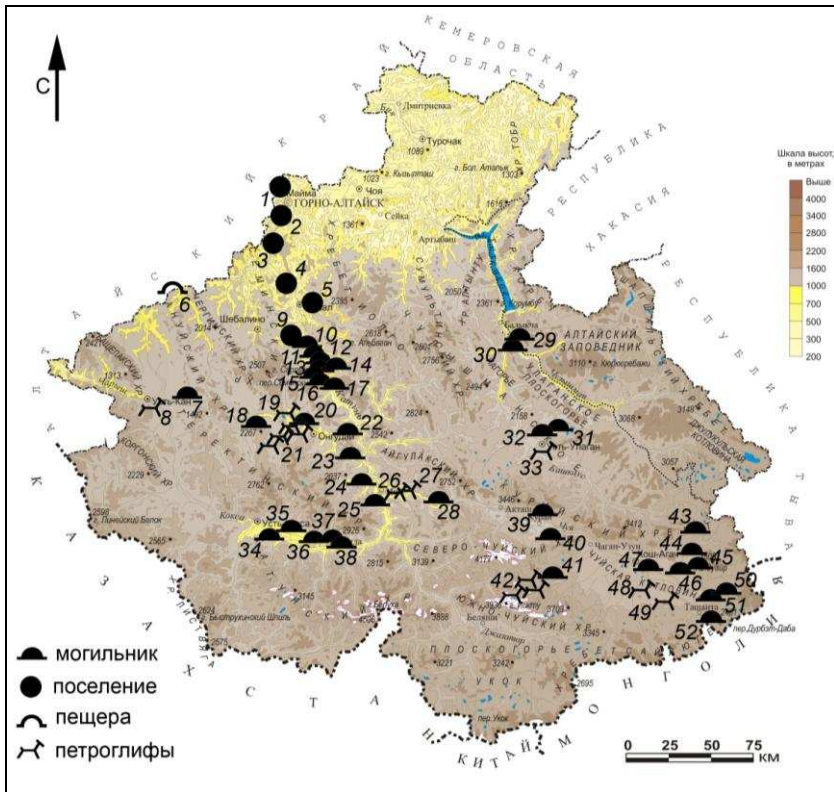

Рис. 1. Археологические памятники Алтая I тыс. н.э., содержащие материалы по охотничьей деятельности.

Поселения: 1 – Майма-I; 2 – Черемшанка;

3 – Манжерок-3; 4– Нижний Чепош-3 и 4; 5 – Усть-Куба;
7 – Ябоган-I; 9 – Тыткескень-3.

Пещера: 6 – Денисова пещера.

Могильники: 10 – Тыткескен VI; 11 – Бике I;
12 – Усть-Бийке-III; 13 – Усть-Эдиган; 14 – Улуг-Чолтух;
15 – Ороктой; 16 – Дялян; 17 – Айрыдаш-1;
18 – Кара-Коба-1; 20 – Туэкта; 22 – Степушка-1 и 2;
23 – Сары-Бел; 24 – Яломан II; 25 – Булан-Кобы IV;
28 – Белый Бом II; 29 – Кудыргэ; 30 – Кок-Паш;
31 – Пазырык; 32 – Балыктыюль; 34 – Верх-Уймон;
35 – Чендек; 36 – Катанда-I; 37 – Катанда II;
38 – Катанда III; 39 – Курайка;
40 – могильники Курай III, IV, V; 41 – Кызыл-Джар I;
43 – Камтыттукем; 44 – Бугузун; 45 – Талдуаир I;
46 – Барбургазы I, II; 47 – Ак-Кобы; 50 – Джолин I;
51 – Юстыд XII; 52 – Ташанта III.

Петроглифы: 8 – Усть-Кан; 19 – Туэкта;
21 – петроглифические местонахождения долины
р. Каракол; 26 – Калбак-Таш-II; 27 – Калбак-Таш-I;
33 – Улаган; 42 – петроглифические местонахождения
долины р. Чаган и ее притоков; 48 – Жалгыз-Тобе;
49 – Кургак.

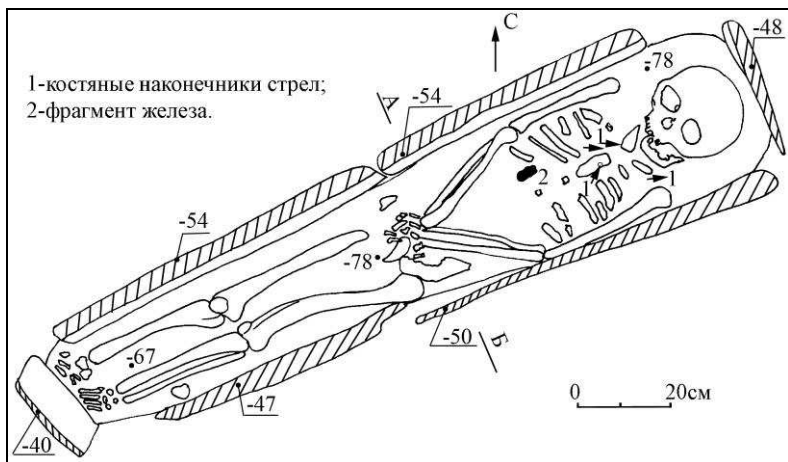

Рис. 2. Могильник Степушка-2, объект 27. Костяк человека, пораженного наконечником стрелы (Соенов В.И., 2010).

Рис. 3. Могильник Степушка-2, объект 27. Грудина погребенного мужчины пробита костяным наконечником стрелы. (Соенов В.И., 2010).

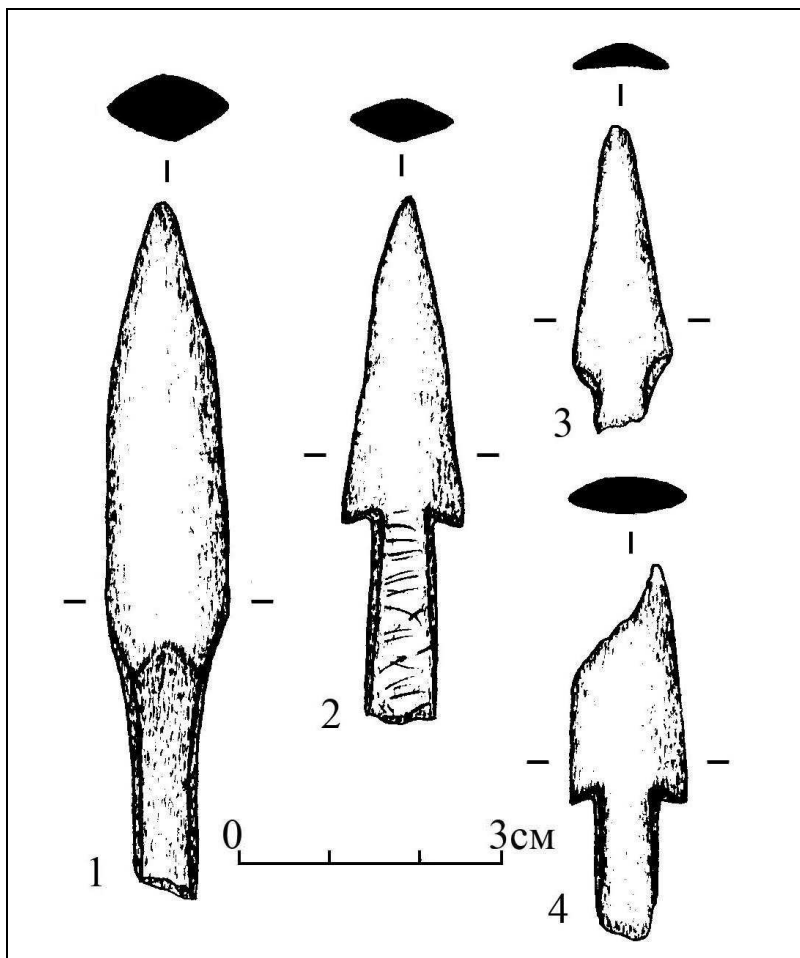

Рис. 4. Костяные наконечники стрел из объекта 27 могильника Степушка-2. 2 – наконечник, которым был убит погребенный (Соенов В.И., 2010).

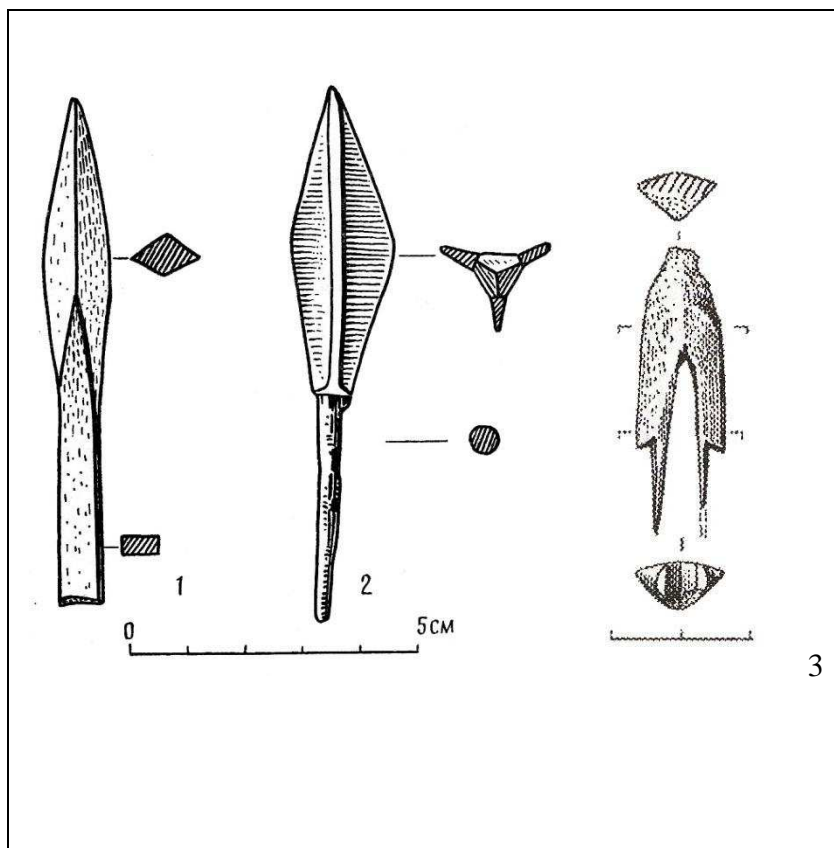

Рис. 5. Наконечники стрел, которыми были поражены погребенные. 1, 2 – могильник Чааты (Тува) (Кызласов Л.Р., 1979, рис. 130), 3 – могильник Степушка-1 (Матренин С.С., 2013).

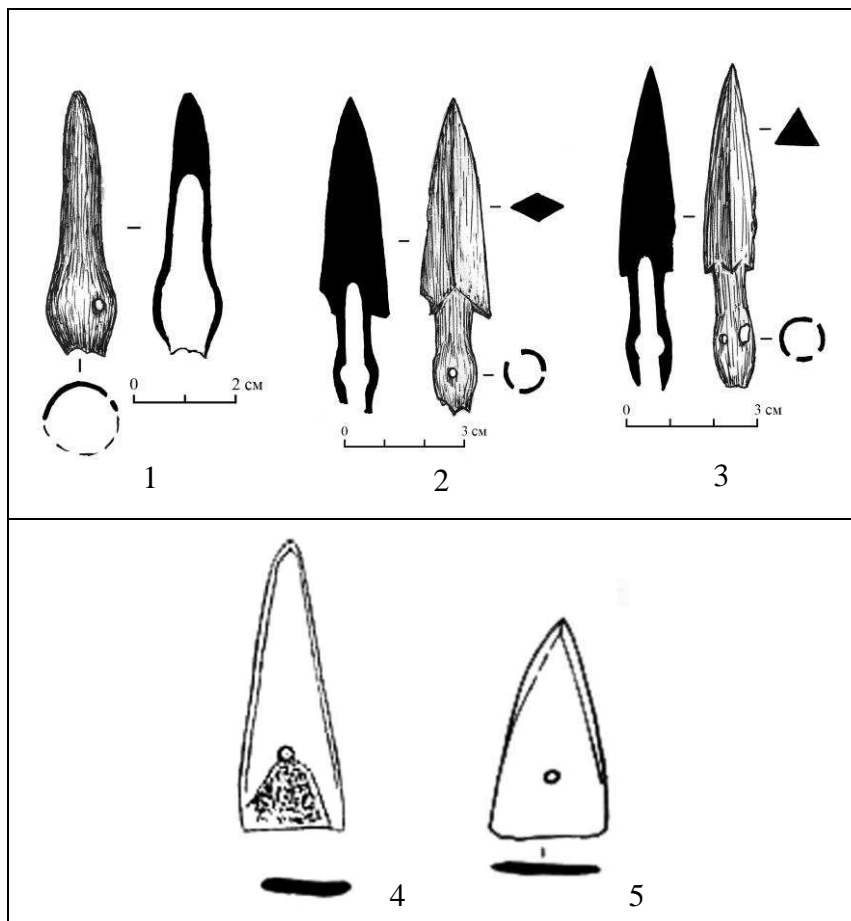

Рис. 6. Костяные наконечники со свистунками из могильника Айрыдаш-1 (1-3) (раскопки А.С. Суразакова) и наконечники стрел для самострела(?) из могильников Катанда I (4) и Берель (5) (Гаврилова А.А., 1965, рис. 5).

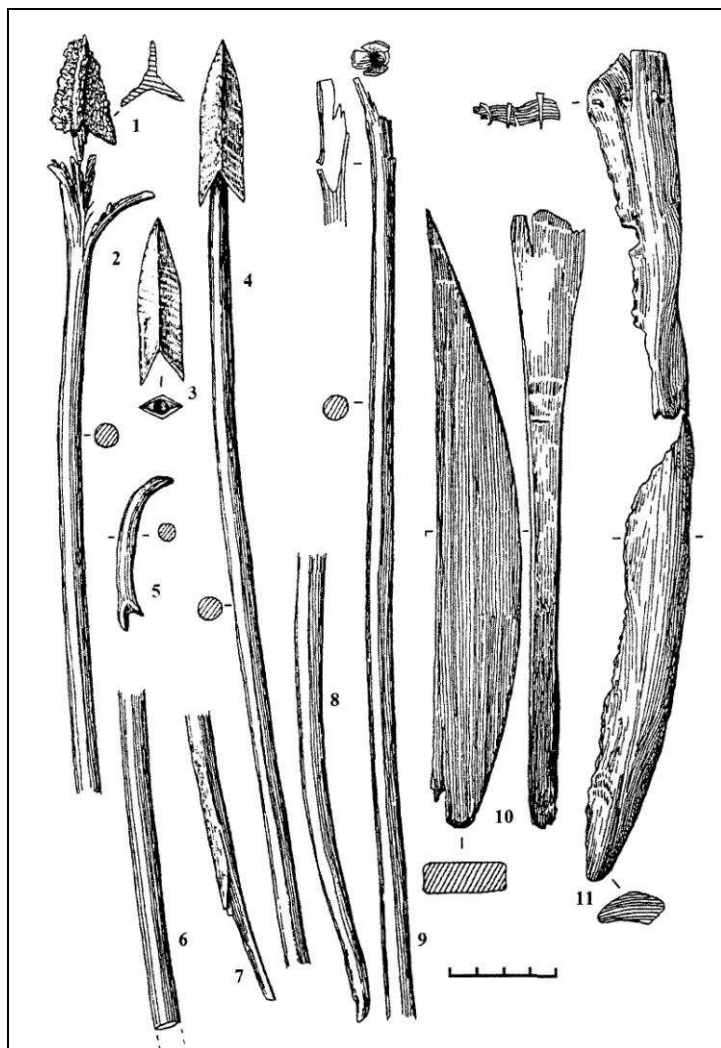

Рис. 7. Деревянные древки стрел с наконечниками и детали кибиты лука из кургана 62 могильника Яломан-II (Тишкин А.А., 2011, рис. 3).

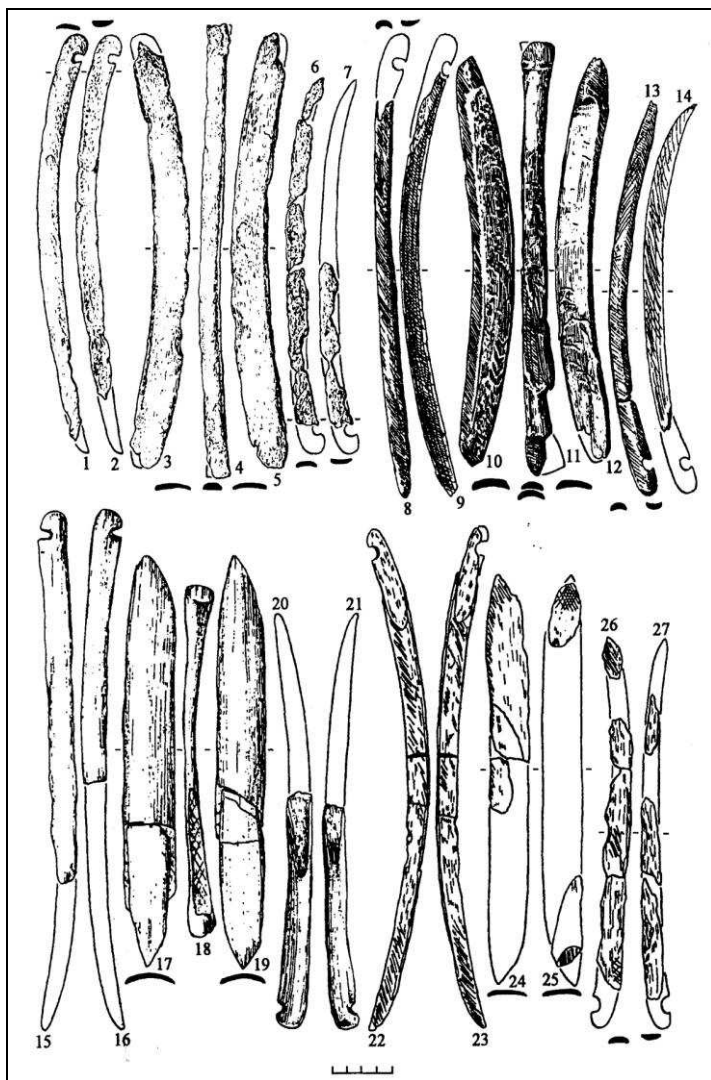

Рис. 8. Костяные накладки на лук из погребений булан-кобинской культуры (Горбунов В.В., 2006, рис. 3).

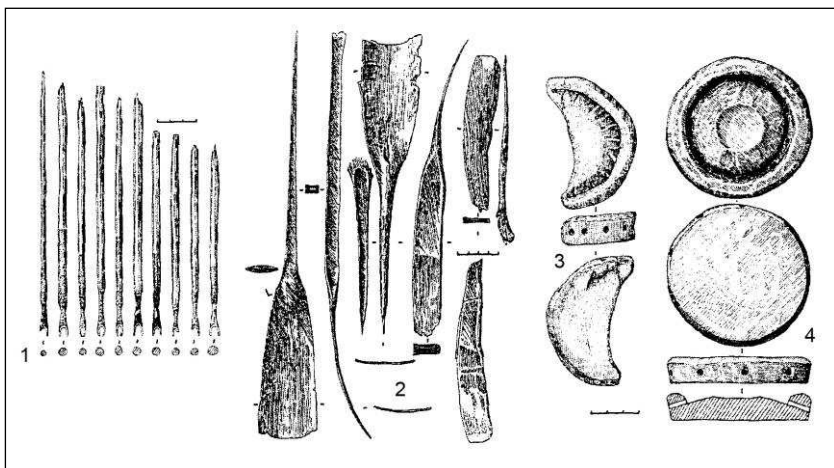

Рис. 9. Деревянные древки стрел, детали кибиты лука, дно и крышка колчана из кургана 31 могильника Яломан-II (Тишкин А.А., 2011, рис. 4).

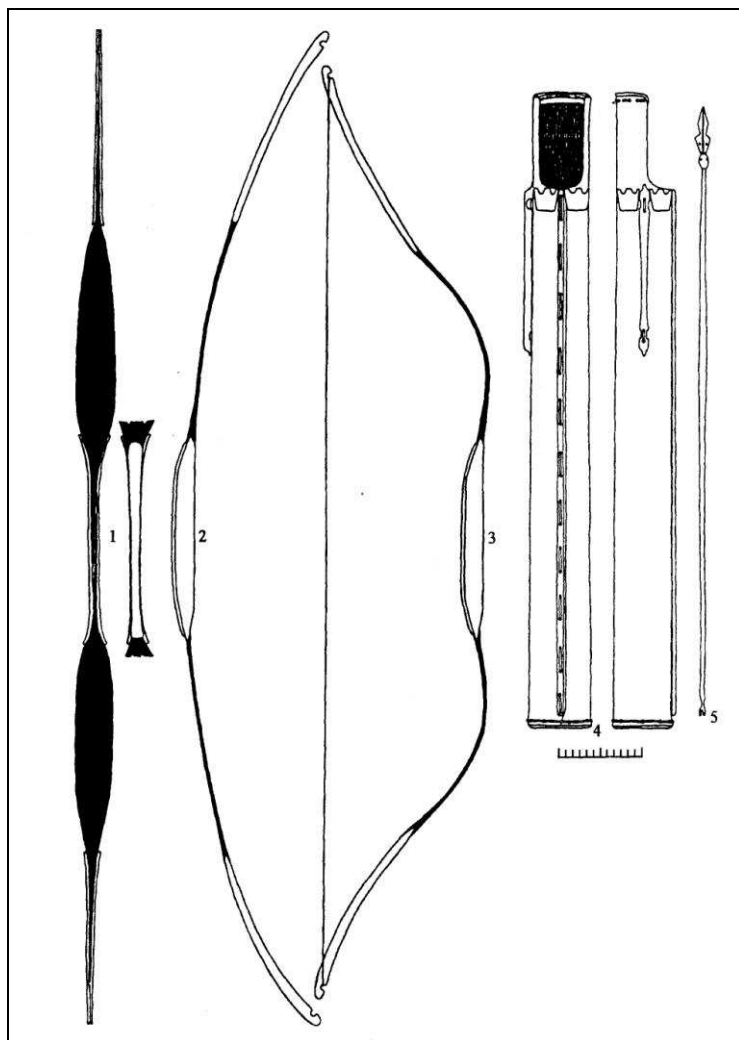

Рис. 10. Реконструкция лука, колчана и стрелы предтюркского времени, выполненные В.В. Горбуновым (2006, рис. 11) по материалам кургана 31 мог. Яломан-П.

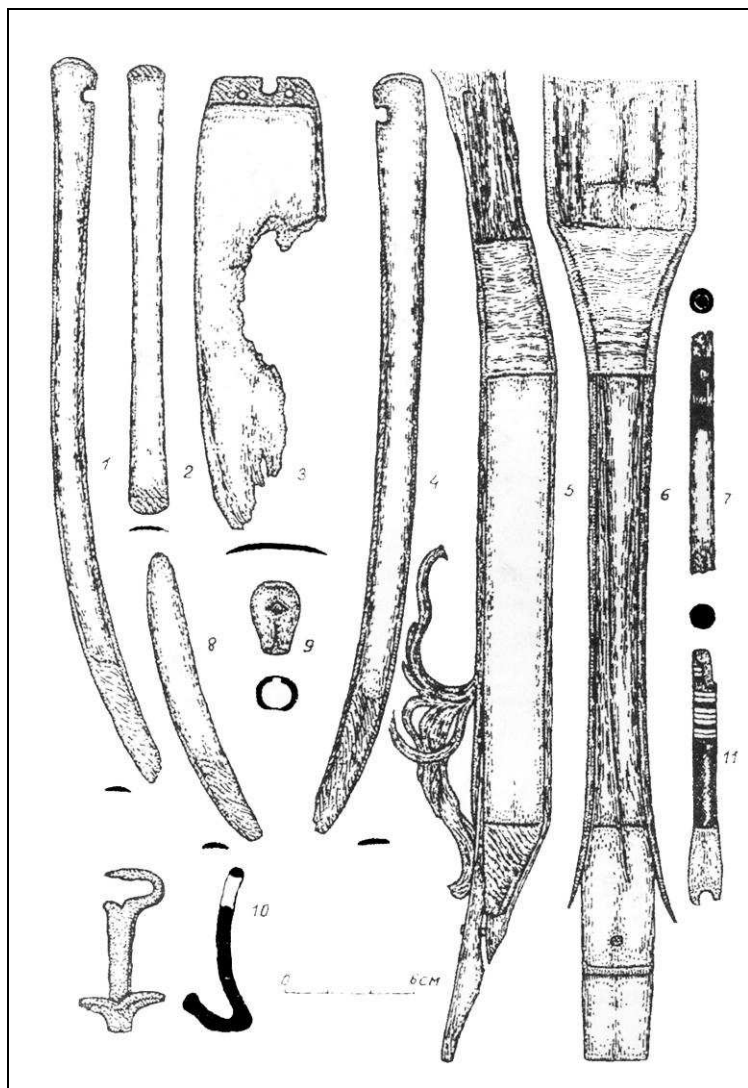

Рис. 11. Материалы из погребения на реке Кам-Тыттугом (Худяков Ю.С., Эбель А.В., Кочеев В.А., 1998, рис. 1).

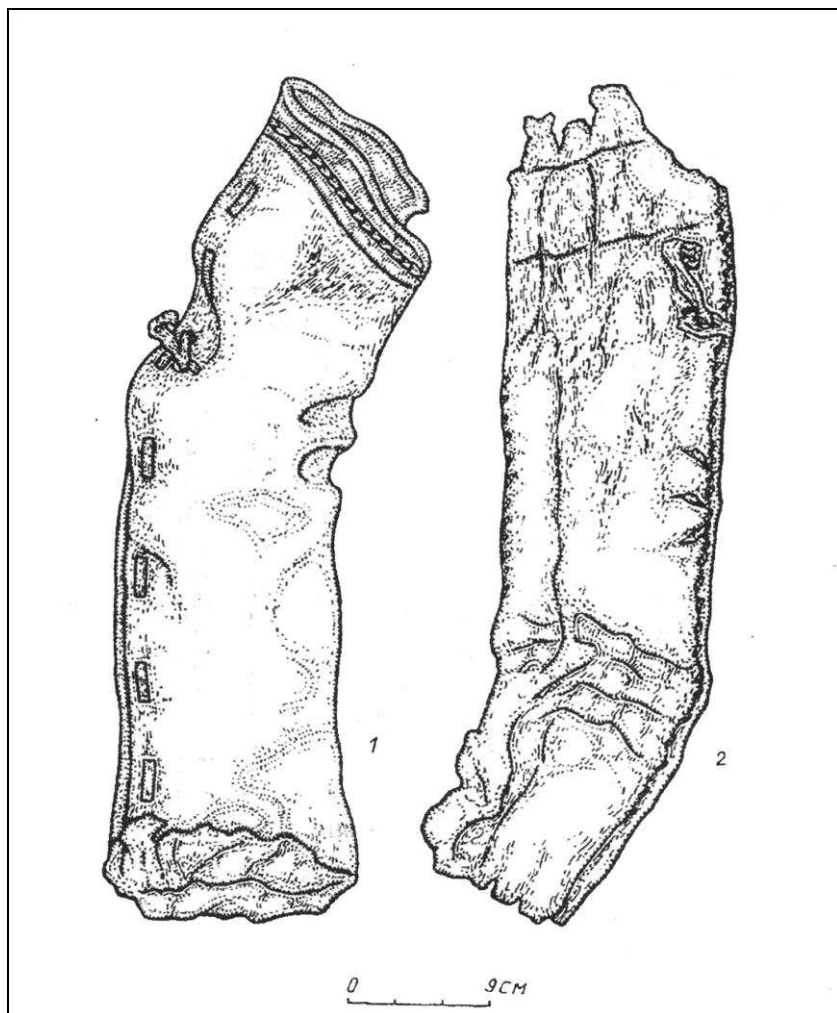

Рис. 12. Детали саадака(?) из погребения на реке Кам-Тыттугем (Худяков Ю.С., Эбель А.В., Кочеев В.А., 1998, рис. 2).

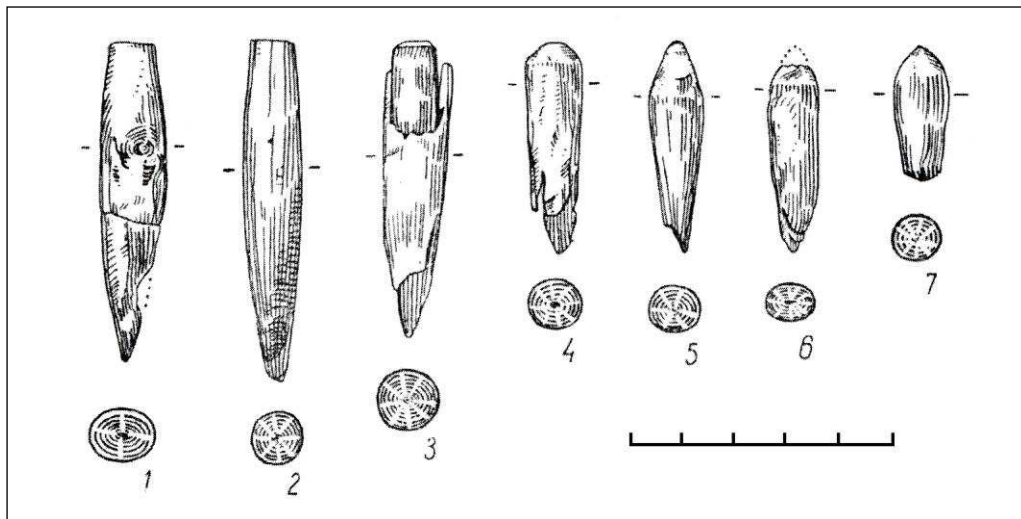

Рис. 13. Деревянные наконечники стрел из могилы 5
могильника Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, табл. XI).

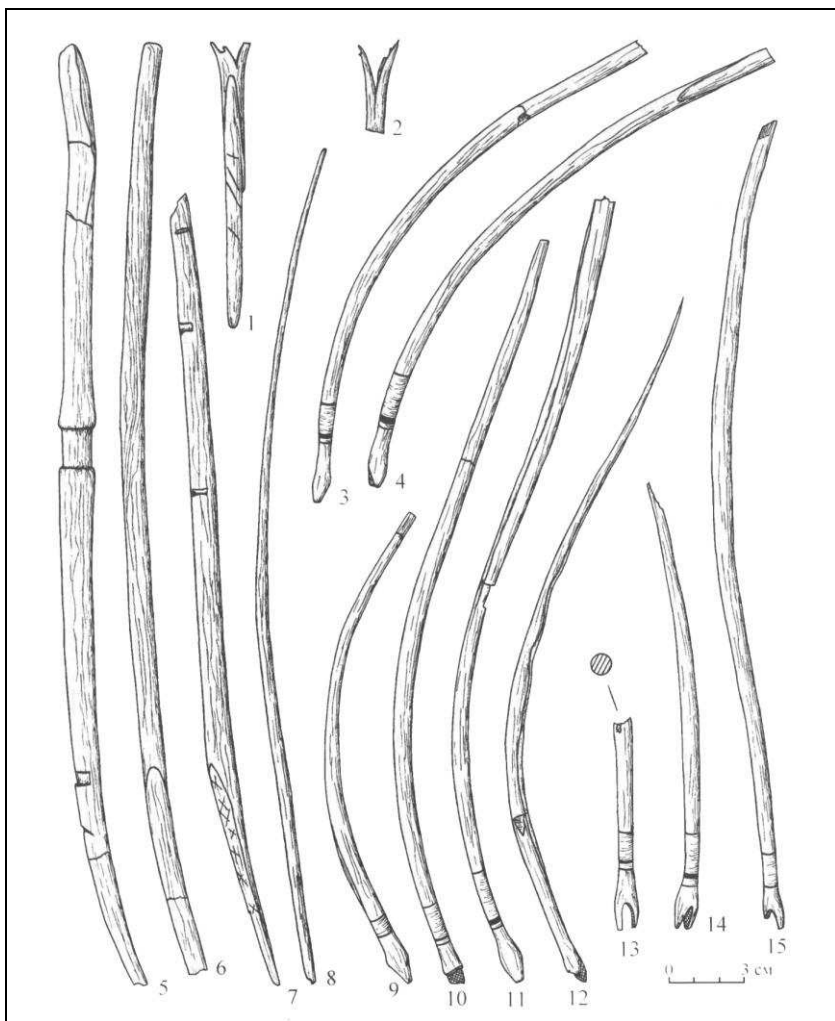

Рис. 14. Древки стрел из кургана 29 могильника Юстыд XII
(Кубарев Г.В., 2005, табл. 35).

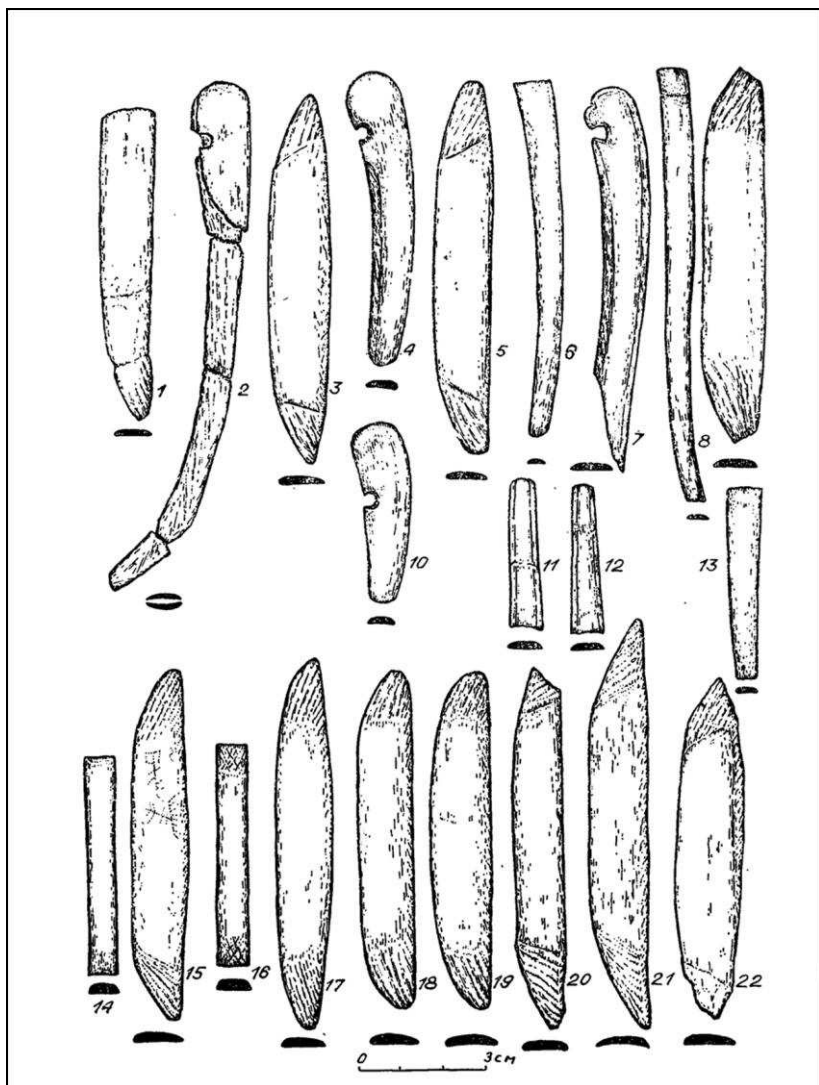

Рис. 15. Накладки на лук тюркского времени
(Худяков Ю.С., 1986, рис. 62).

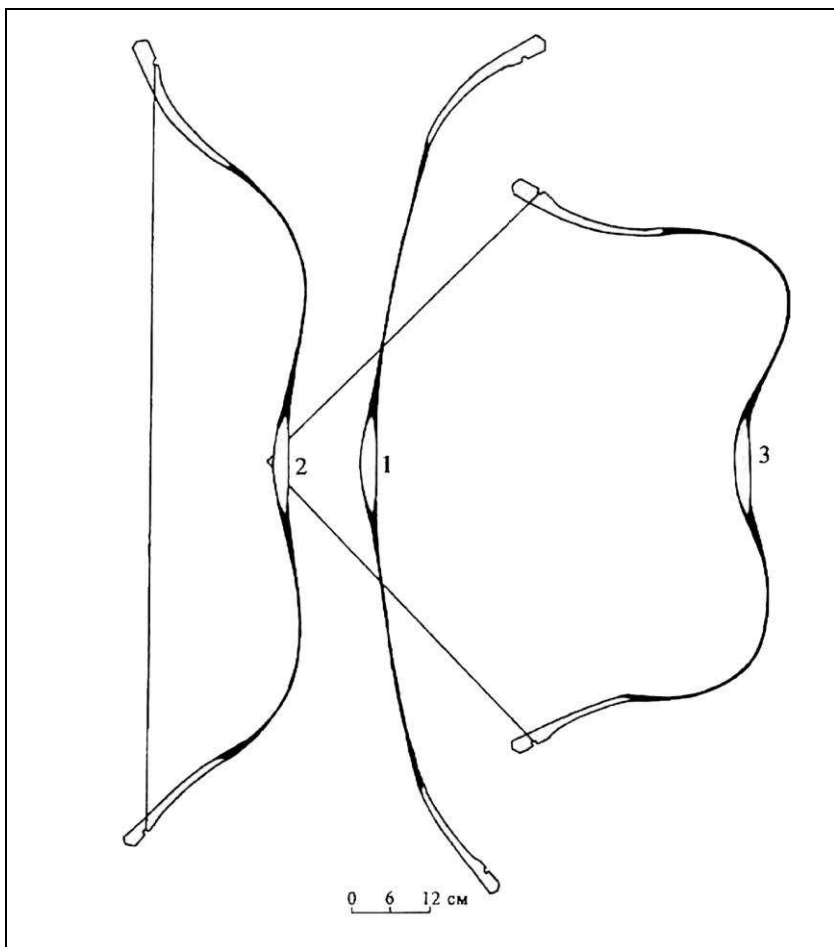

Рис. 16. Реконструкция лука тюркского времени
(Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2006, рис. 75).

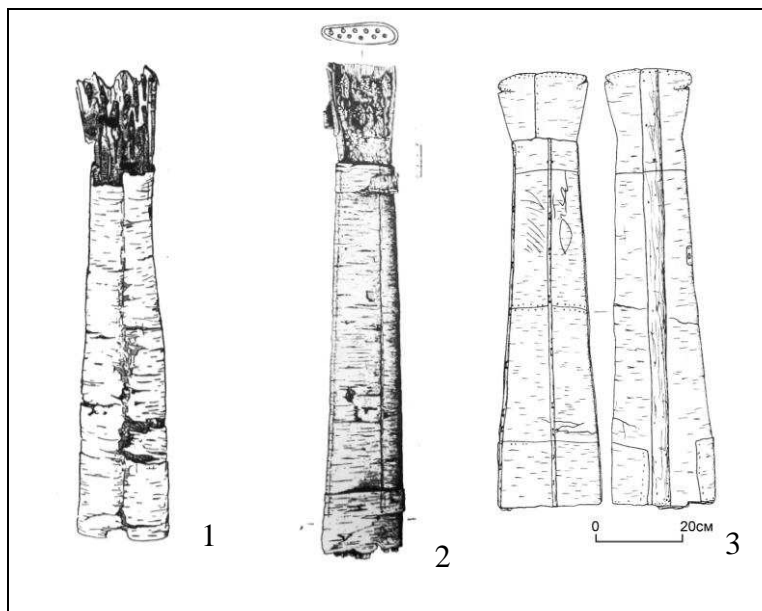

Рис. 17. Колчаны из кургана 1 могильника Курай-III (1),
 кургана 85 могильника Кара-Коба-1 (2)
 и кургана 29 могильника Юстыд XII (3)
 (1 – Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, рис. 19;
 2 – Могильников В.А., 1997, рис. 3 – 5;
 3 – Кубарев Г.В., 2005, табл. 33 – 15).

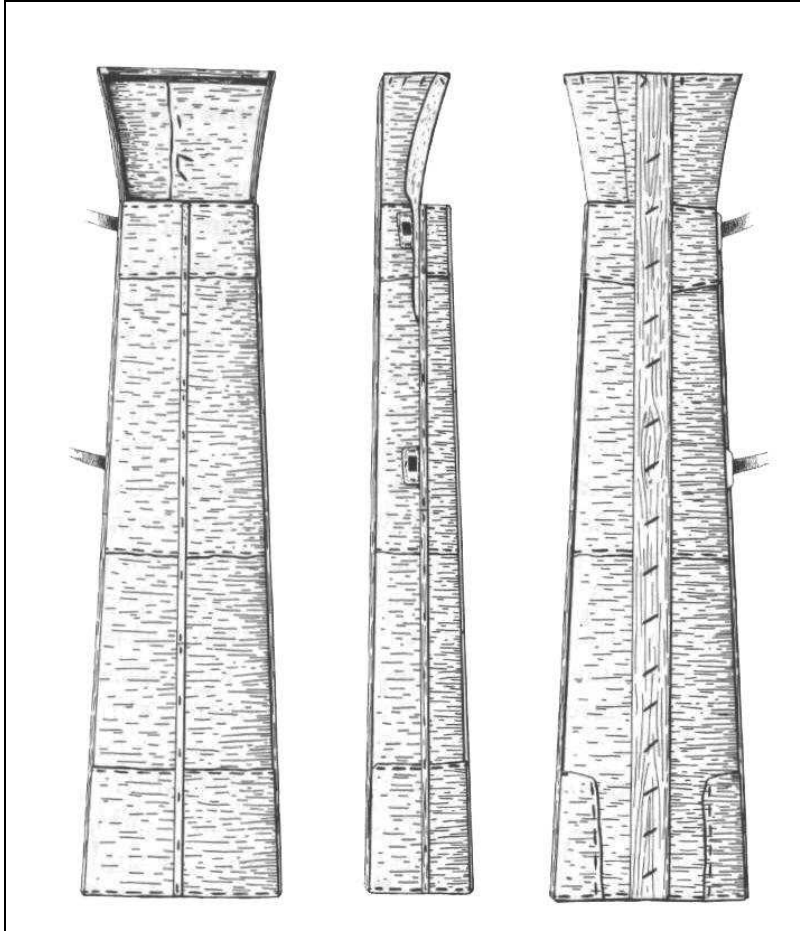

Рис. 18. Реконструкция колчана из погребения 29
могильника Юстыд-ХII (Кубарев Г.В., 2005, рис. 26).

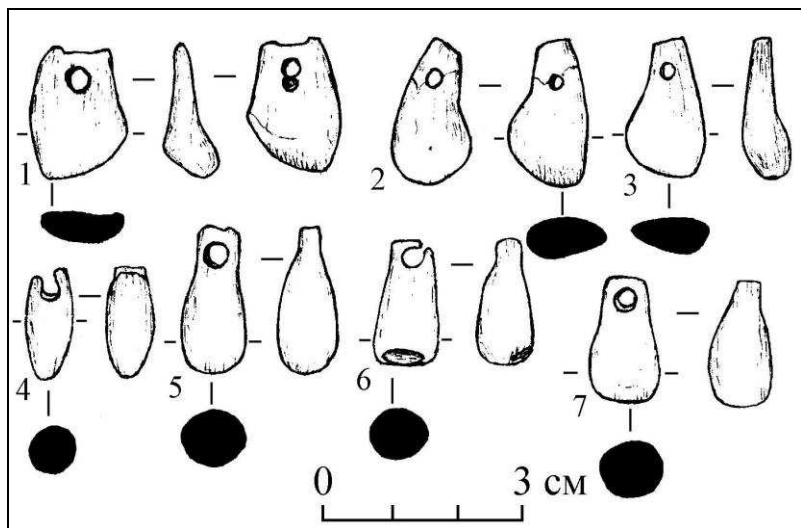

Рис. 19. Подвески из зубов марала, найденные в объекте 2 могильника Степушка-2 (Соенов В.И., 2011, рис. 108).

Рис. 20. Фотография подвесок из зубов марала, найденных в объекте 2 могильника Степушка-2.

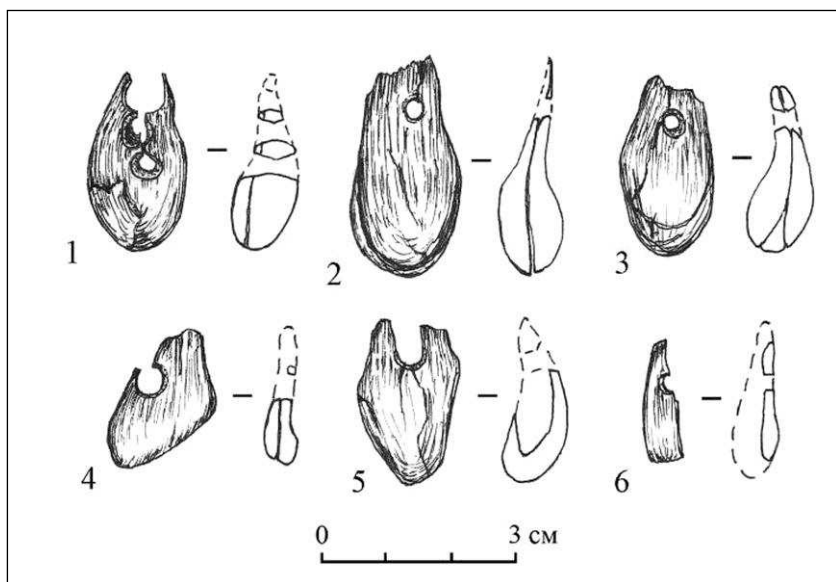

Рис. 21. Подвески из зубов марала.
Разрушенное погребение в долине реки Бугузун
(Киреев С.М., Штанакова Е.А., Моносов В.М., 2010, рис. 2).

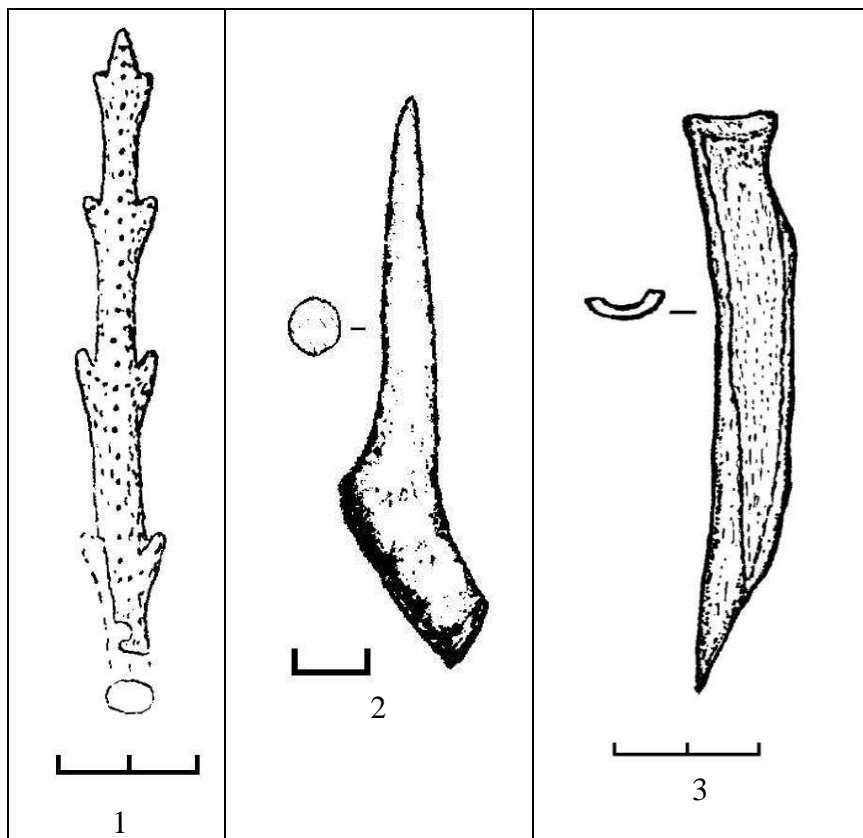

Рис. 22. Изделия из рога диких животных и кости птицы.
 1 – могильник Булан-Кобы-IV (Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 4 – 9), 2 – Черемшанское городище (Киреев С.М., 1991, рис. 1 – 3), 3 – поселение Усть-Куба (Киреев С.М., Ларин О.В., 2004, рис. 1 – 4).

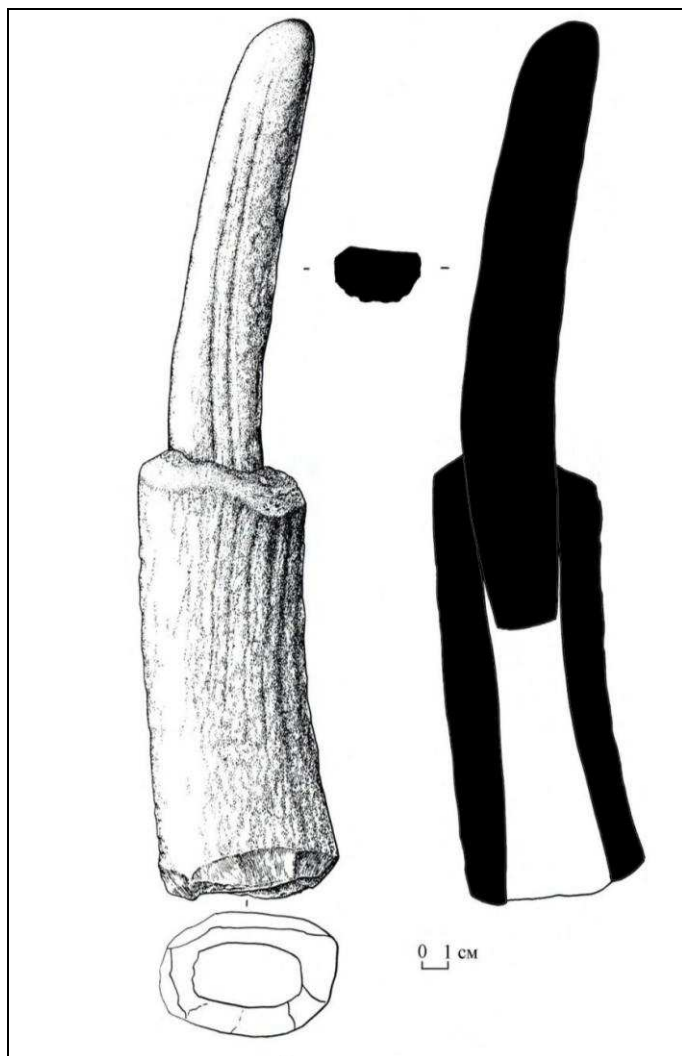

Рис. 23. Заступ-пешня из объекта №24
могильника Курайка (Слюсаренко И.Ю.,
Богданов Е.С., Соенов В.И., 2008, рис. 14 – 1).

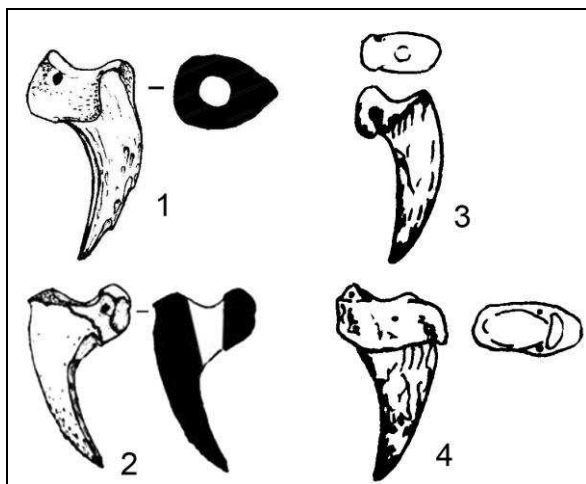

Рис. 24. Изделия из когтей медведя и хищной птицы.
 1 – могильник Степушка-2 (Соенов В.И., 2011, рис. 151 – 3);
 2 – городище Нижний Чепош-3 (Соенов В.И. и др., 2011,
 рис. 135 – 17); 3, 4 –могильник Белый Бом II
 (Глоба Г.Д., 1983, рис. IV – 1, 2).

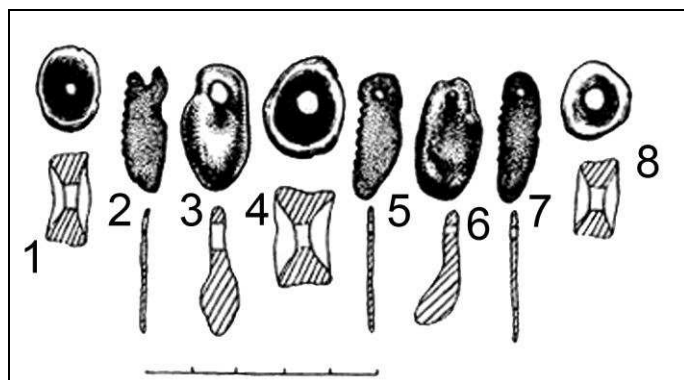

Рис. 25. Подвески из кургана 6 могильника Катанда-3
 (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., рис. 5).

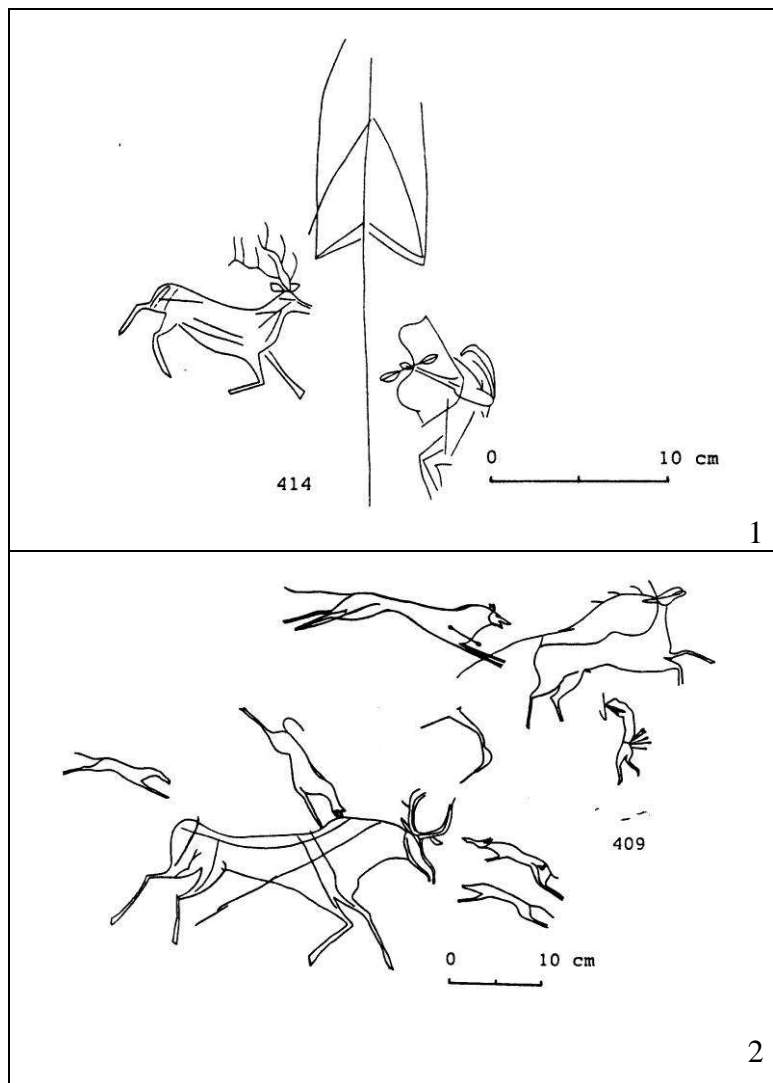

Рис. 26. Сцены охоты из петроглифов Калбак-Таша
(Kubarev V.D., Jacobson E., 1996).

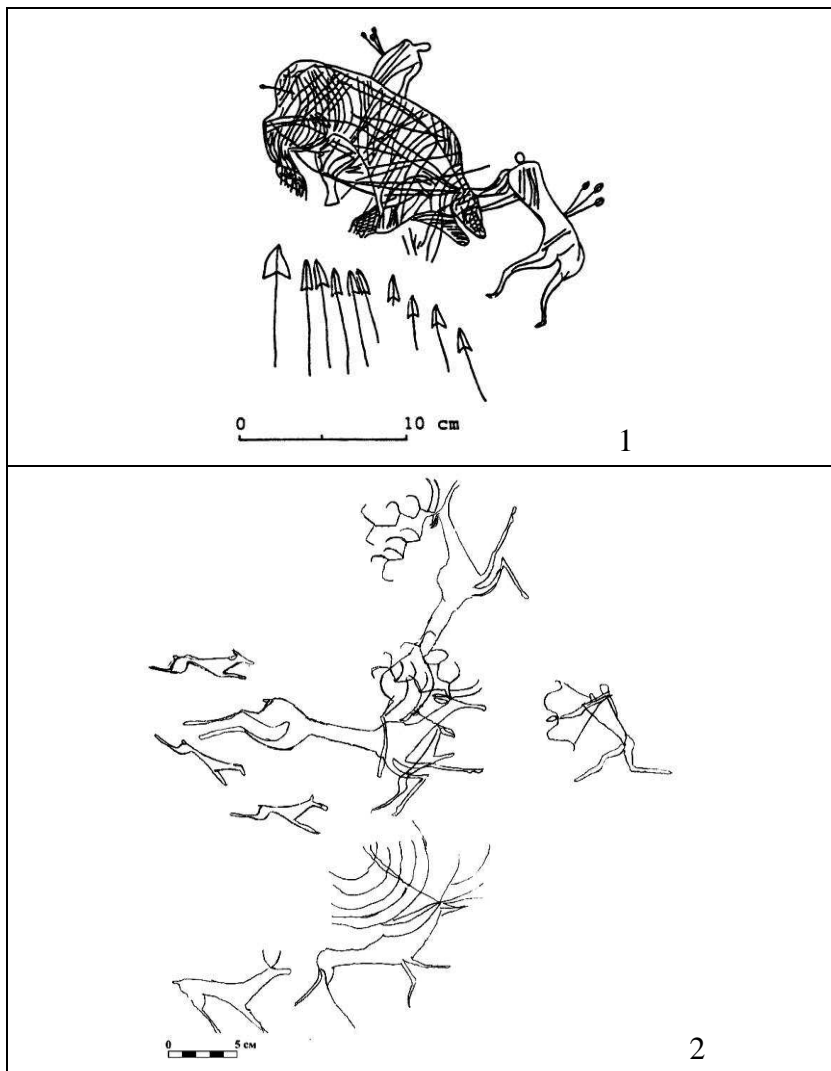

Рис. 27. Сцены охоты из петроглифов Калбак-Таша (1) и долины р. Чаган (2) (1 – Kubarev V.D., Jacobson E., 1996; 2 – Окладникова Е.А., Слободзян М.А., 2009).

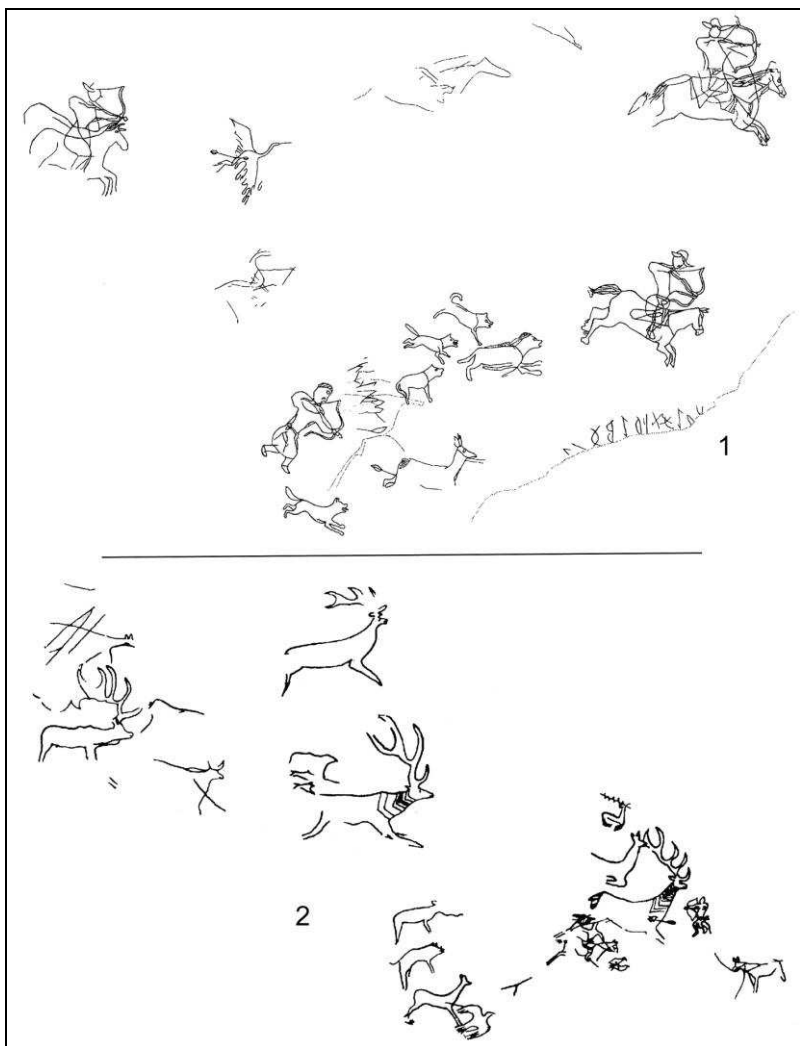

Рис. 28. Сцены охоты из петроглифов Туэкты (1) и Усть-Кана (2) (1 – Миклашевич Е.А., 2006; 2 – Елин В.Н., Некрасов В.А., 1994). Масштаб разный.

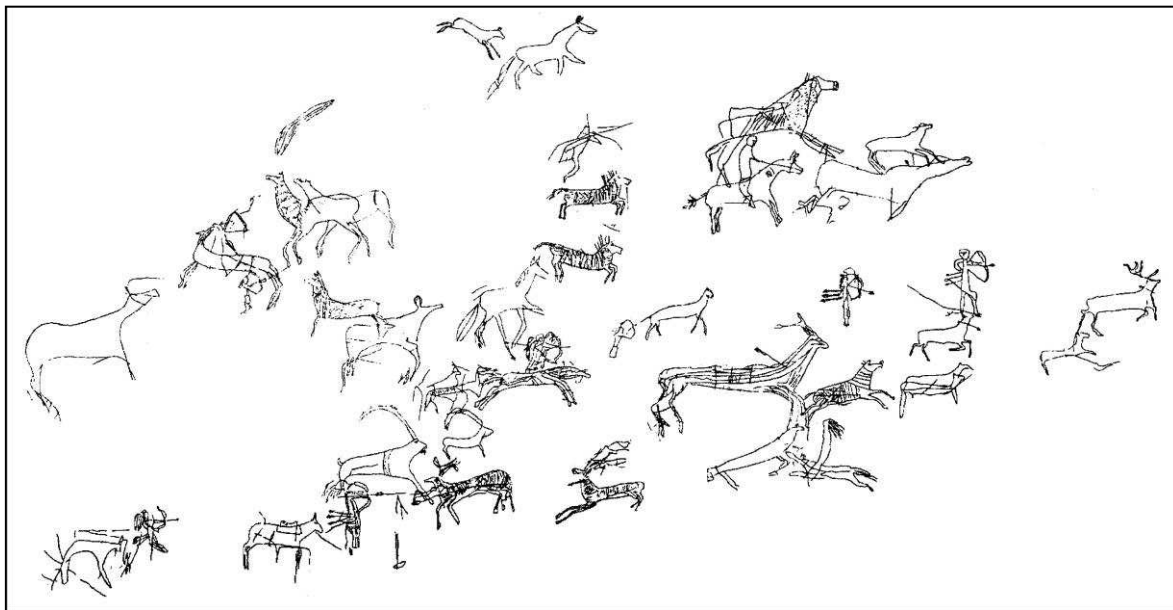

Рис. 29. Сцена охоты из Бичикту-Бома
(Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М., 2006).

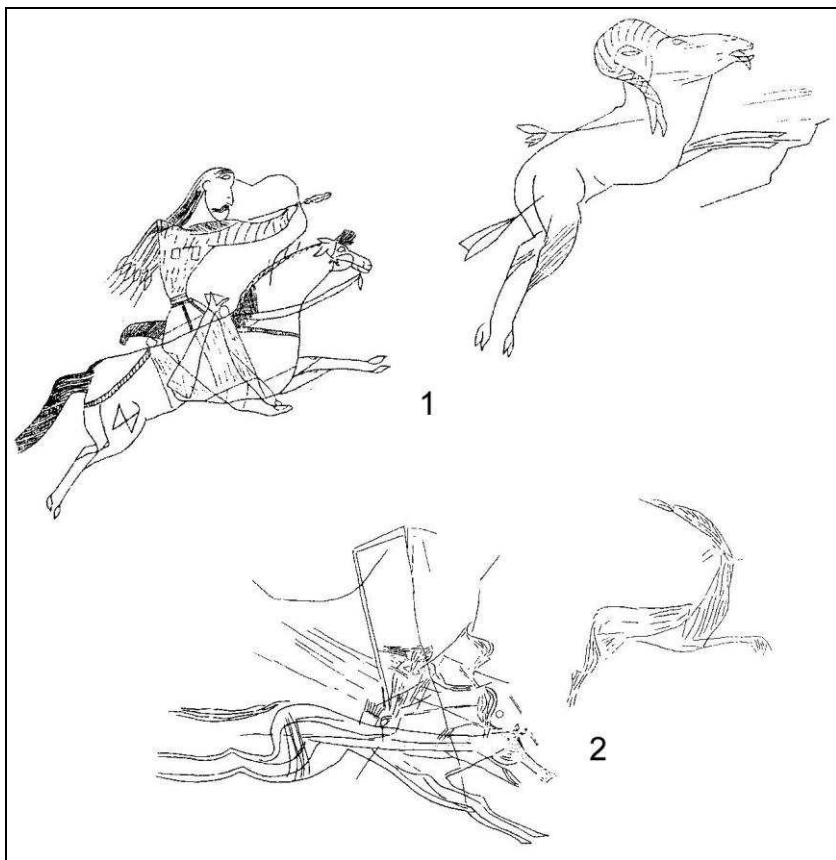

Рис. 30. Сцены охоты из долины р. Чаган
(Черемисин Д.В., 2004).
Масштаб разный.

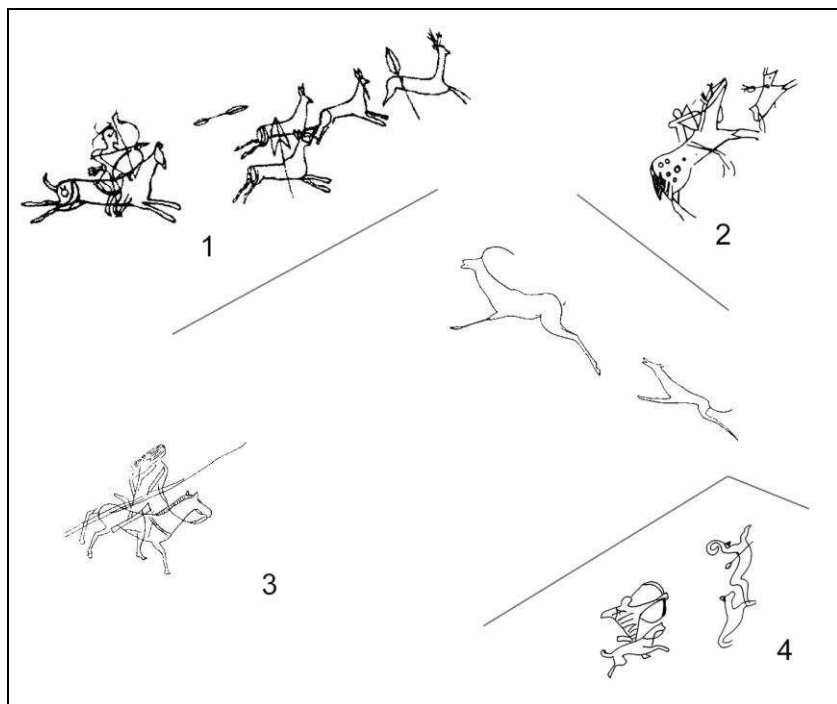

Рис. 31. Сцены охоты из Калбак-Таша-II (1), Кара-Оюка (2), петроглифов долины р. Чаган (3) и горы Жалгыз-Тобе (4) (1 – Кубарев В.Д., 2007б; 2 – Окладникова Е.А., 1988; 3 – Черемисин Д.В., 2004; 4 – Елин В.Н., Тамимов А.М., 1992). Масштаб разный.

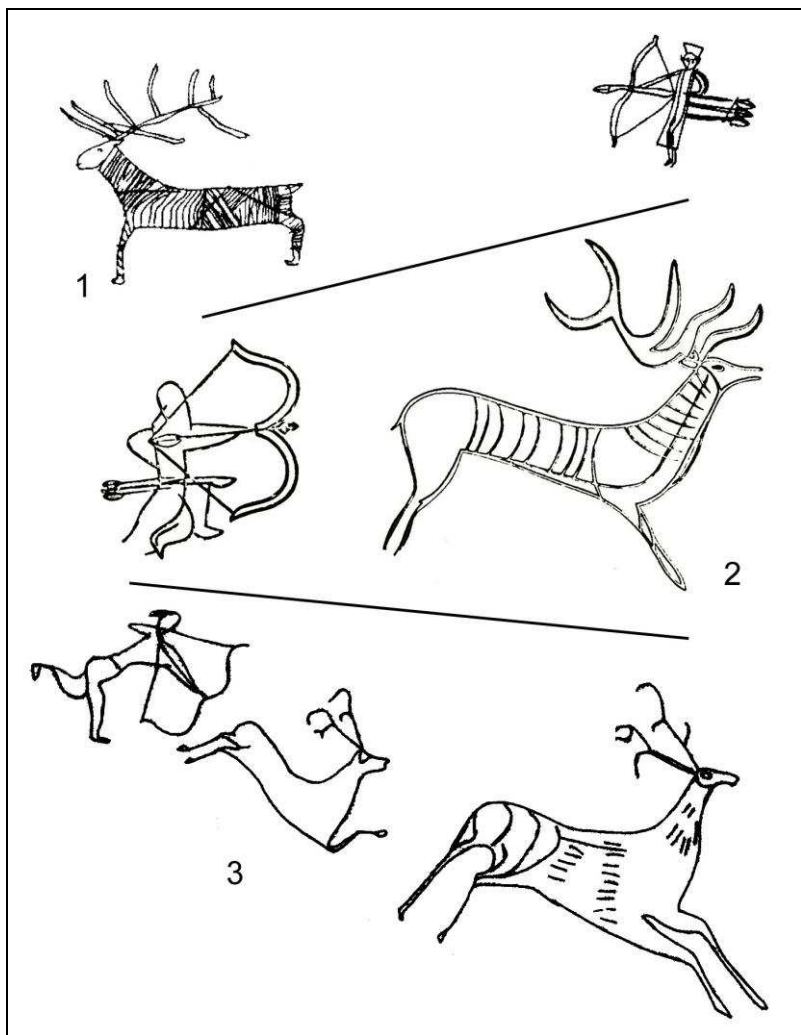

Рис. 32. Сцены охоты из Бичикту-Бома (1, 2) и Тыныскайака (3) (1 – Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М., 2006; 2 – Минорский А.И., 1951; 3 – Ямаева Е.Е., 2010). Масштаб разный.

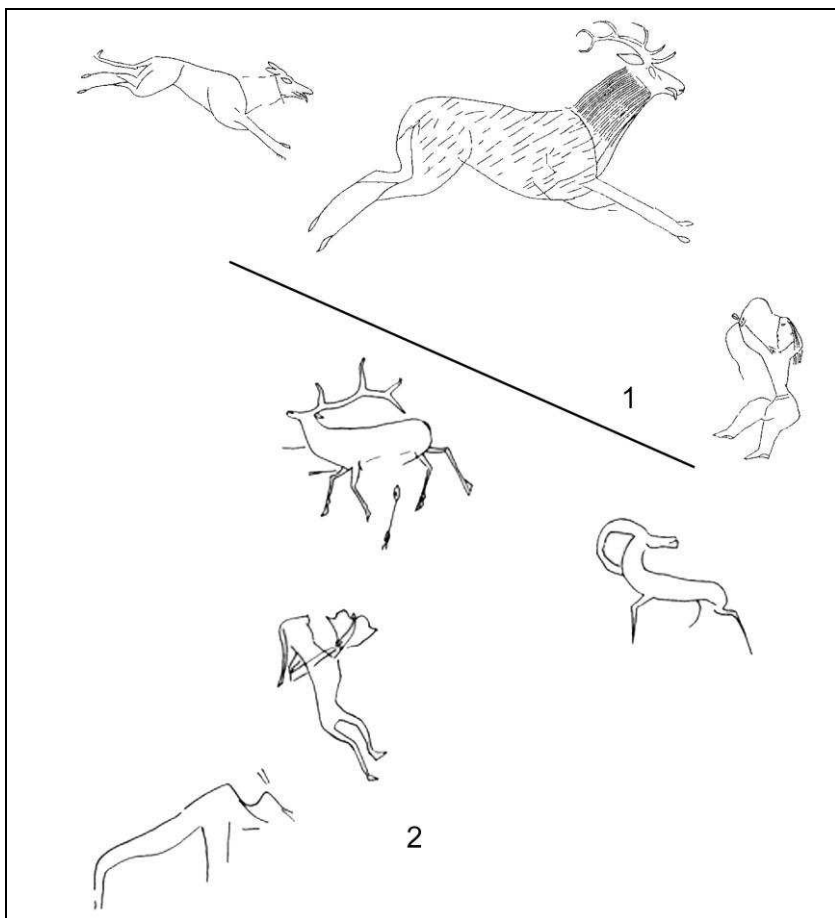

Рис. 33. Сцены охоты из петроглифов долины р. Чаган (1) и горы Жалгыз-Тобе (2) (1 – Черемисин Д.В., 2004; 2 – Cheremisin D., 2002). Масштаб разный.

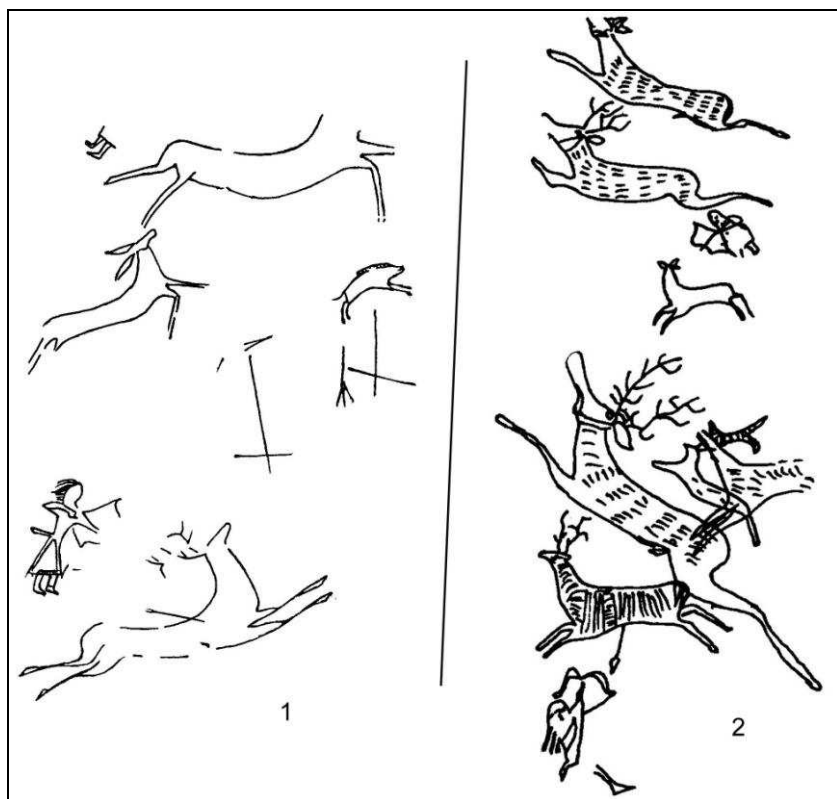

Рис. 34. Сцены охоты из окрестностей с. Улаган (1) и петроглифов Тыныскайка (2) (1 – Кубарев В.Д., 1984; 2 – Ямаева Е.Е., 2010). Масштаб разный.

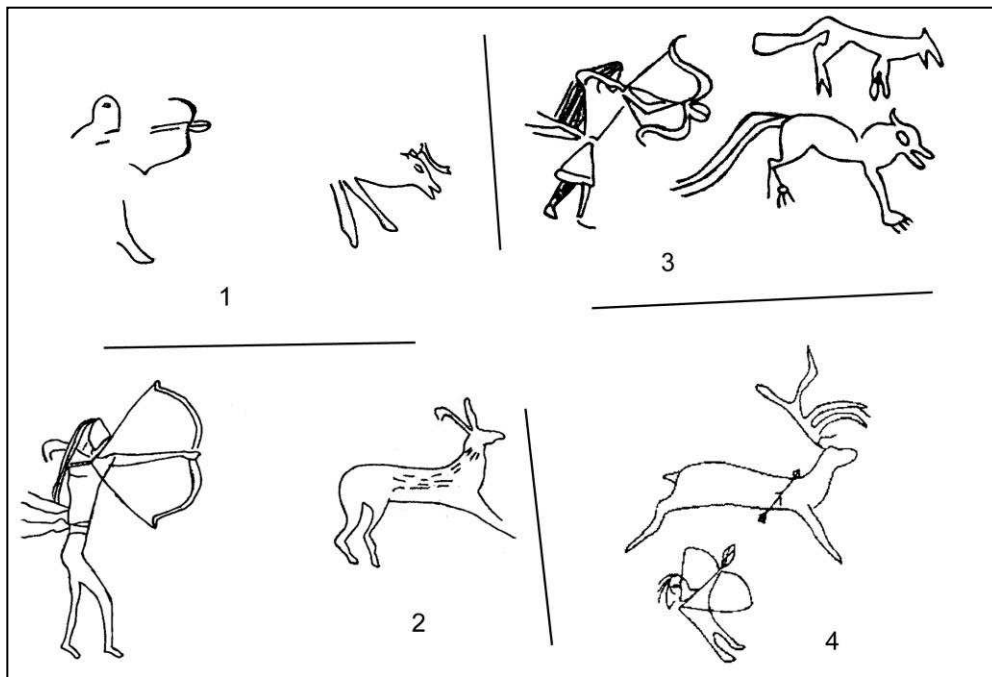

Рис. 35. Сцены охоты из Каракольской долины (1, 2, 4) и Кара-Оюка (3) (1 – Минорский А.И., 1951; 2 – Ямаева Е.Е., 2010; 3 – Окладникова Е.А., 1988; 4 – Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М., 2006). Масштаб разный

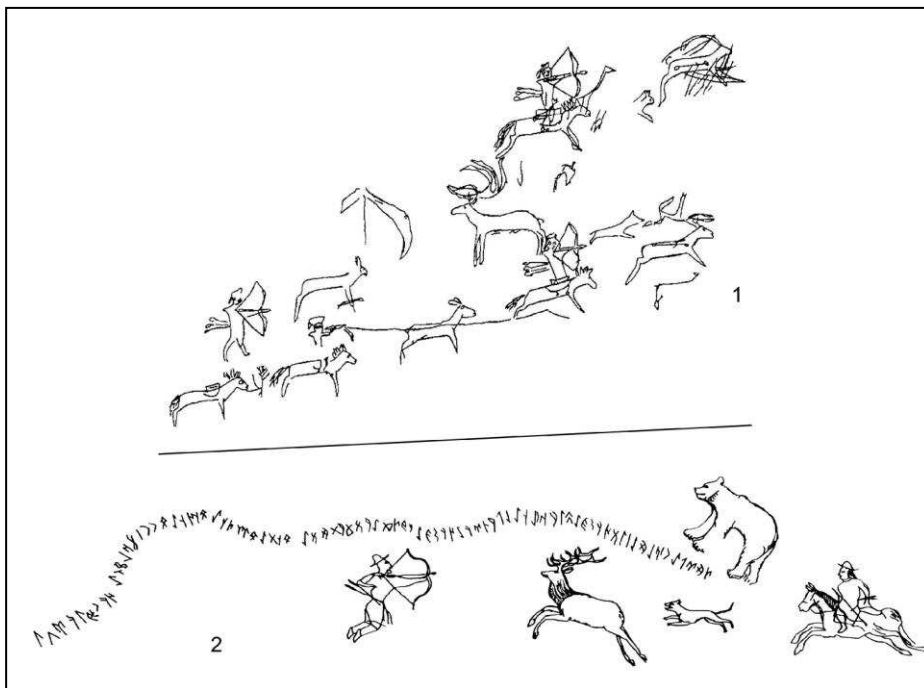

Рис. 36. Сцены охоты из Бичикту-Бома (1) и Кургака (2)
 (1 – Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М., 2006; 2 –
 Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2002). Масштаб разный.

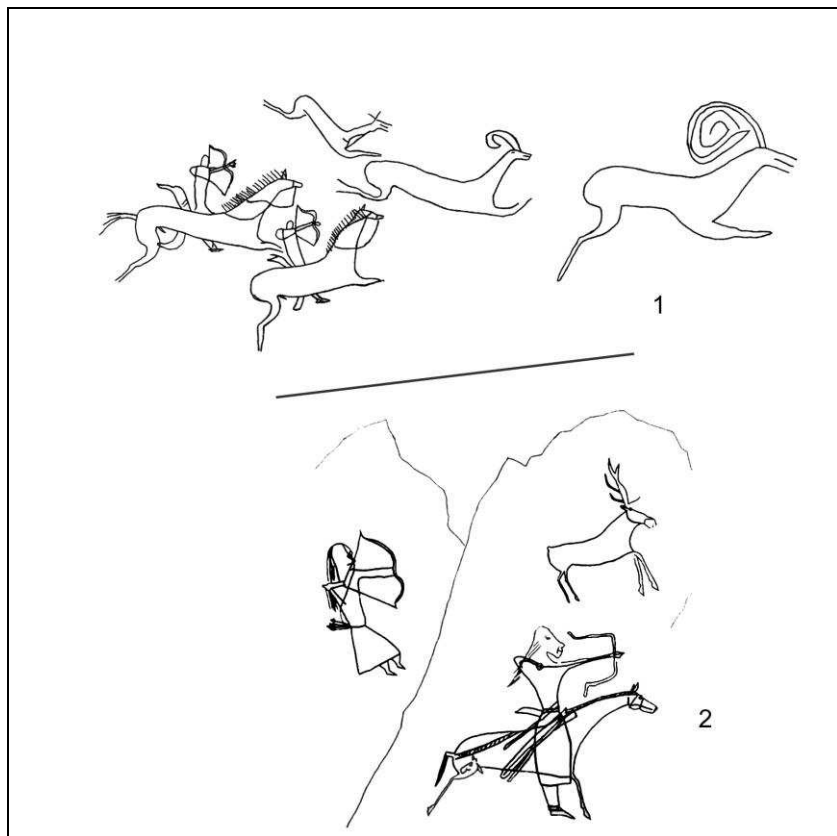

Рис. 37. Сцены охоты из петроглифов горы Жалгыз-Тобе (1) и Устю-Айры (2) (1 – Кубарев Г.В., 2004; 2 – Миклашевич Е.А., 2003). Масштаб разный.

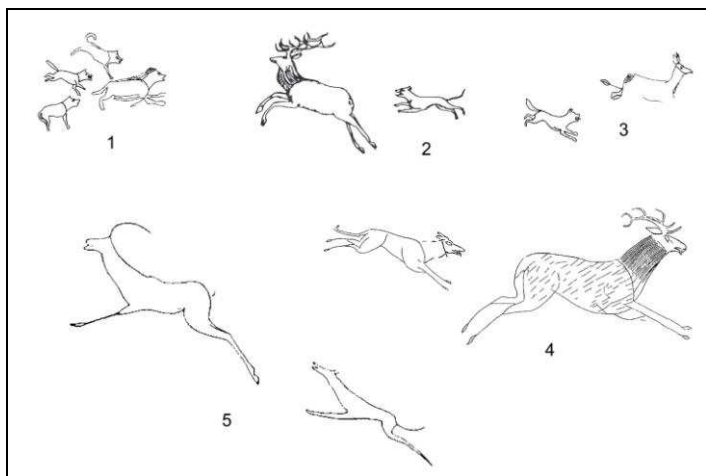

Рис. 38. Изображения собак преследующих добычу на раннесредневековых охотничьих сценах Алтая.

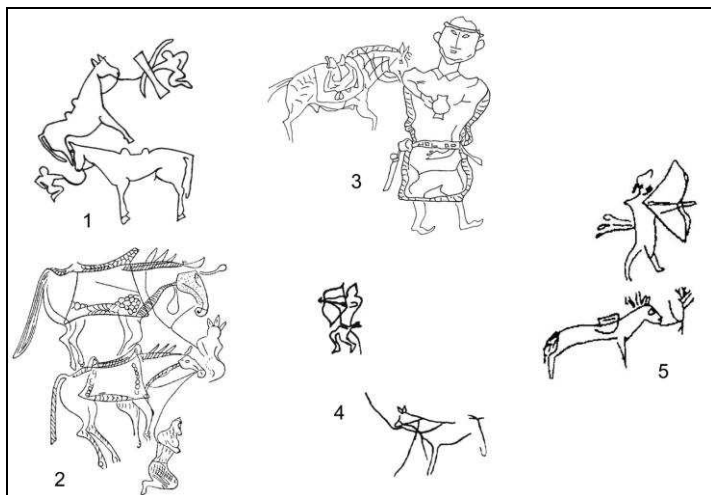

Рис. 39. Изображения лошадей рядом с хозяином в раннесредневековых рисунках Алтая.

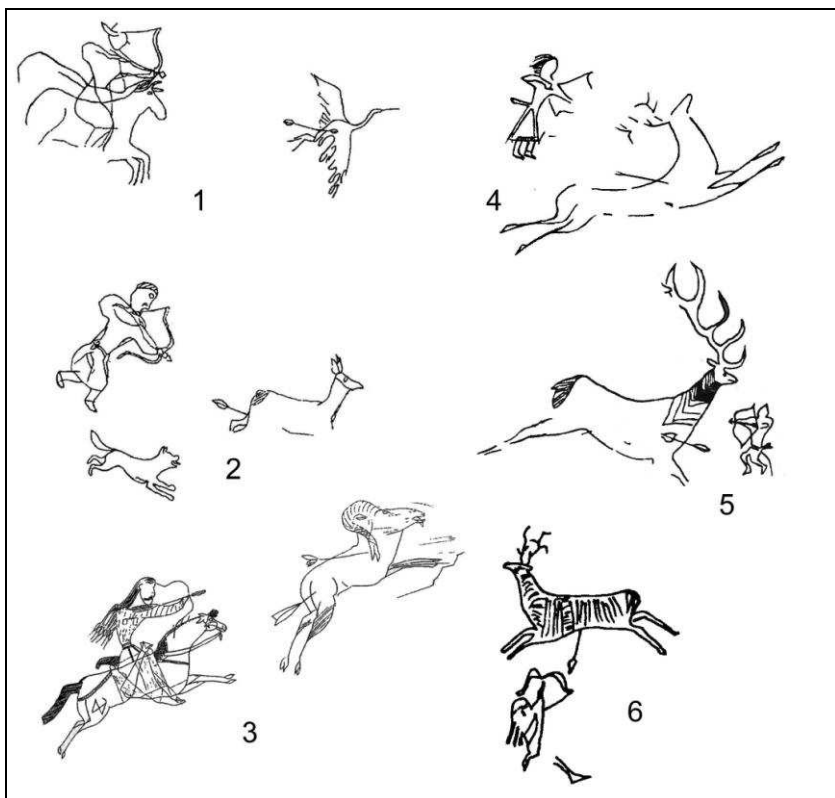

Рис. 40. Изображения раненных зверей и птиц на раннесредневековых охотничьих сценах Алтая.

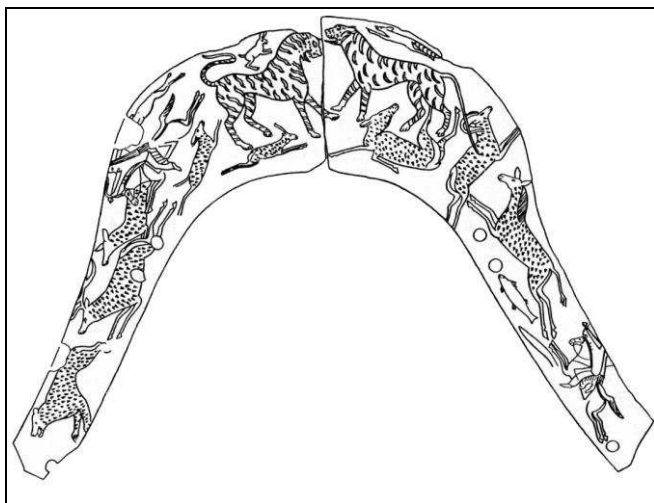

Рис. 41. Костяные накладки на переднюю луку седла из могилы 9 могильника Кудыргэ (Грязнов М.П., 1961, рис. 5).

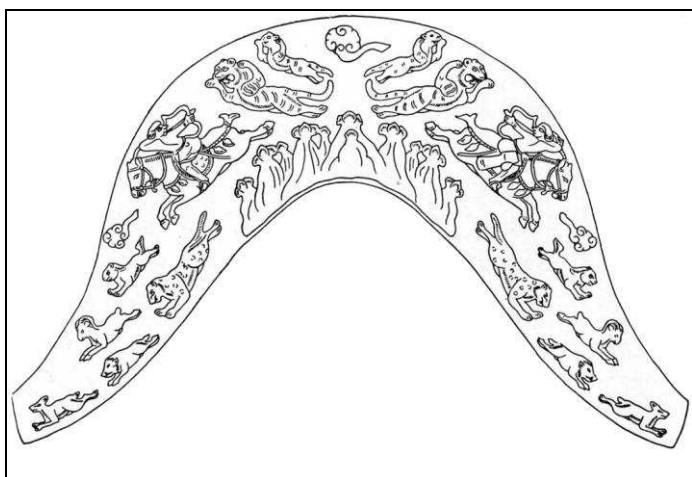

Рис. 42. Реконструкция седельного набора из Копенского чаатаса. (Грязнов М.П., 1961, рис. 7).

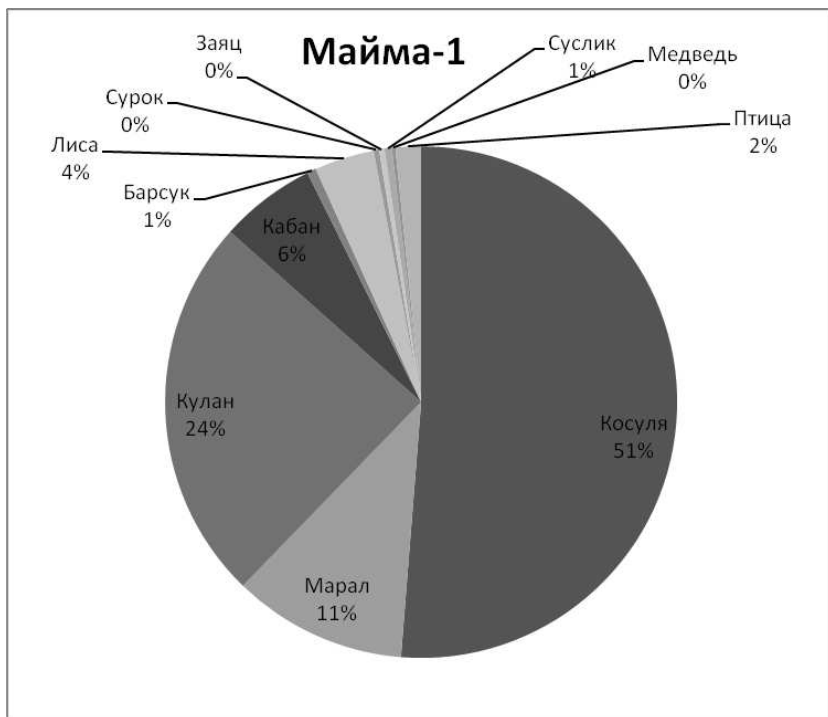

Рис. 43. Доля количества фрагментов костей диких животных в остеологической коллекции поселения Майма-1.

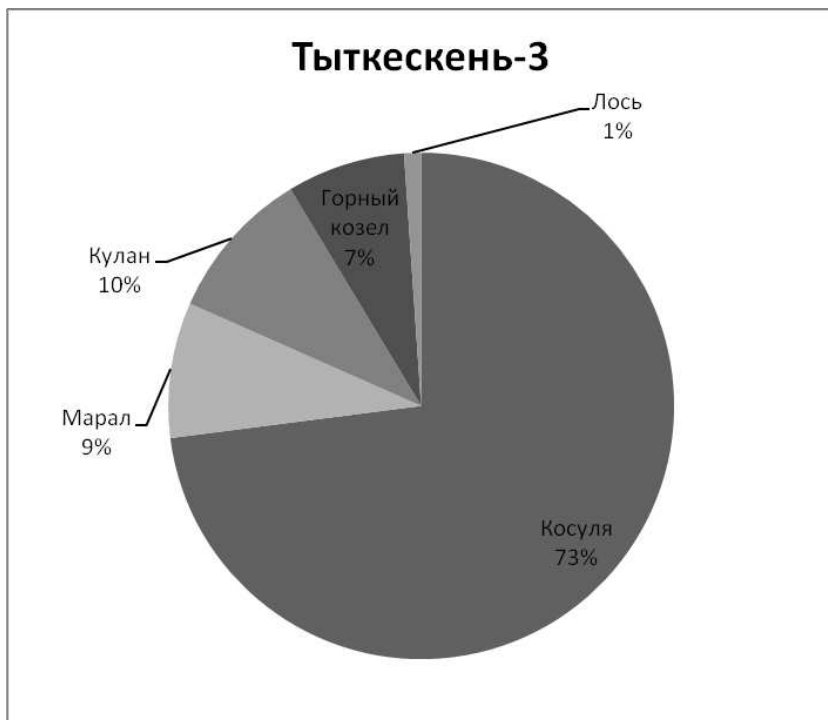

Рис. 44. Доля количества фрагментов костей диких животных в остеологической коллекции верхнего слоя поселения Тыткескень-3.

Рис. 45. Доля количества фрагментов костей диких животных в остеологической коллекции городища Нижний Чепош-3.

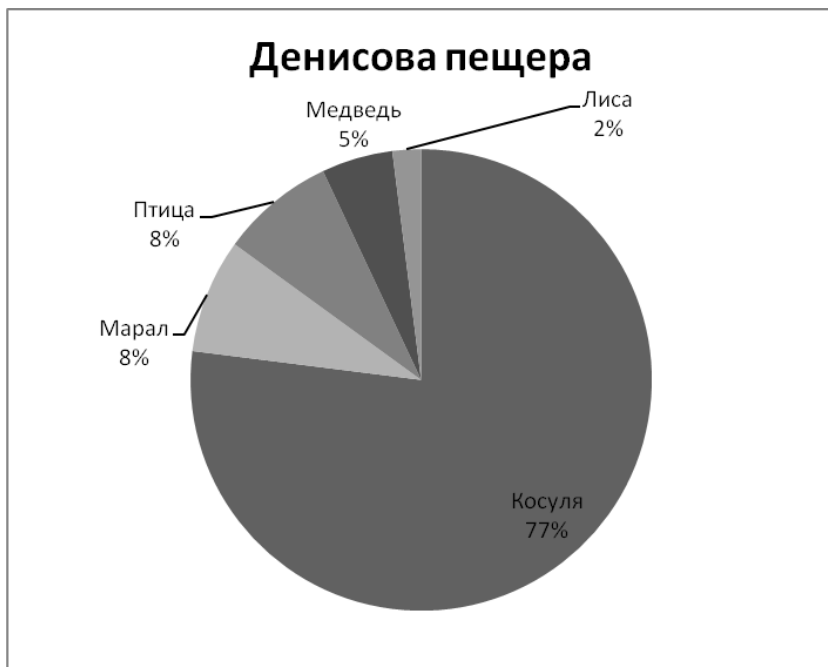

Рис. 46. Доля количества фрагментов костей диких животных в остеологической коллекции гунно-сарматского времени Денисовой пещеры.

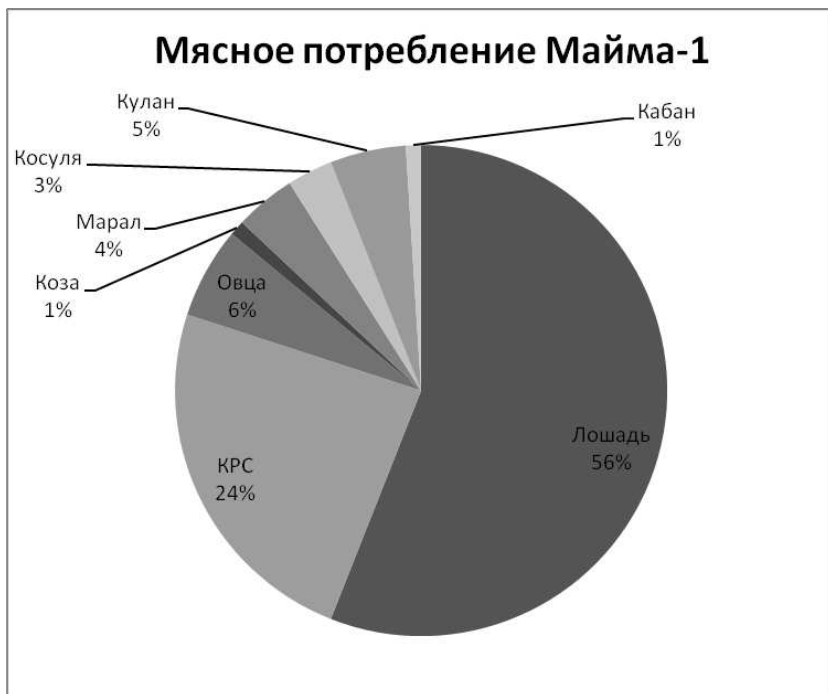

Рис. 47. Доля отдельных видов диких и домашних животных в мясном потреблении населения поселения Майма-1.

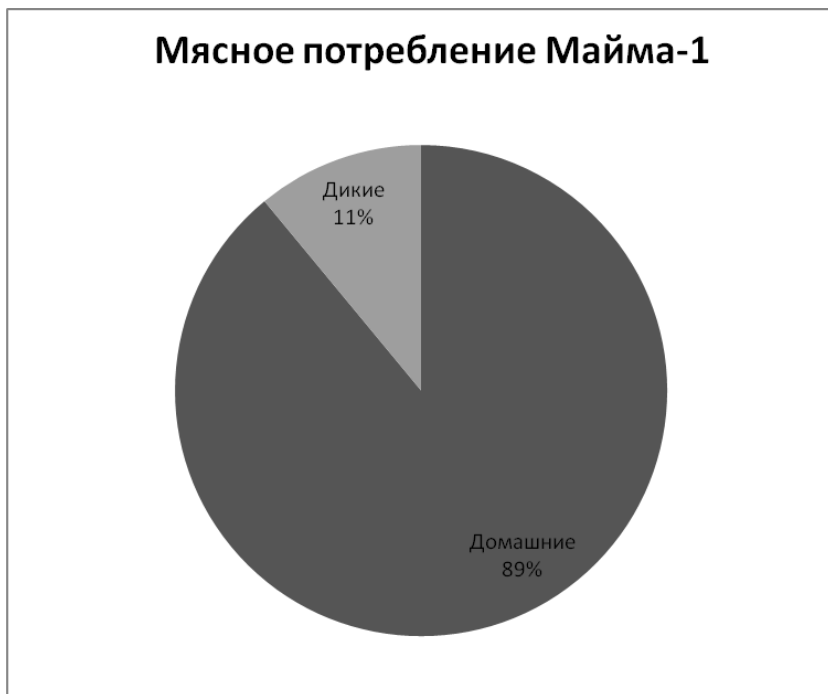

Рис. 48. Доля диких и домашних животных в мясном потреблении населения поселения Майма-1.

Рис. 49. Доля отдельных видов в потреблении мяса диких животных населением поселения Майма-1.

Рис. 50. Доля отдельных видов диких и домашних животных в мясном потреблении населения поселения Тыткескень-3.

Рис. 51. Доля диких и домашних животных в мясном потреблении населения поселения Тыткескень-3.

Рис. 52. Доля отдельных видов в потреблении мяса диких животных населением поселения Тыткескень-3.

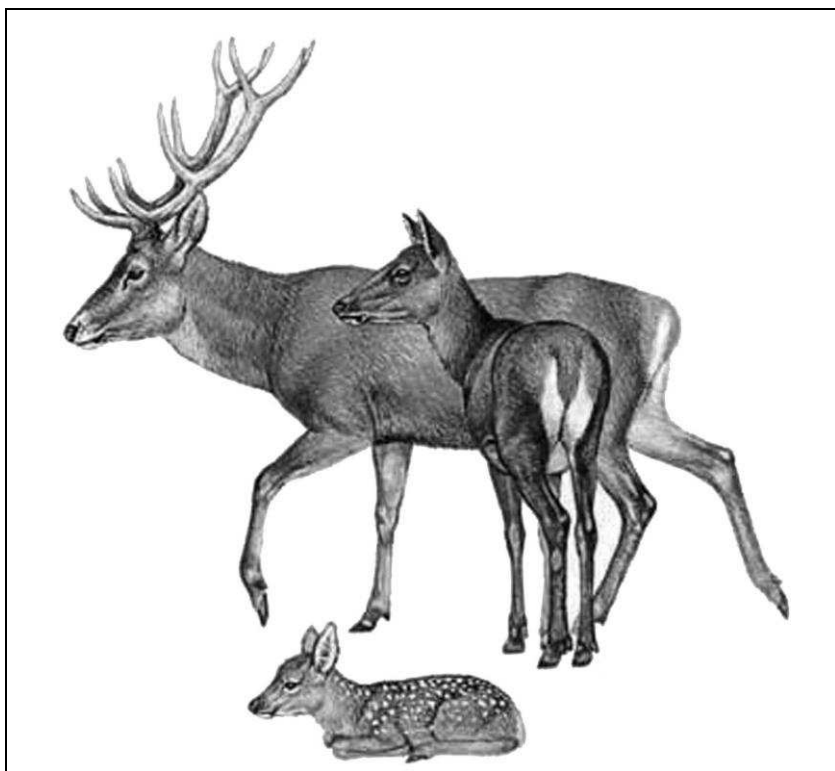

Рис. 53. Благородный олень или марал, *Cervus elaphus*
(Благородный олень, [электронный ресурс]).

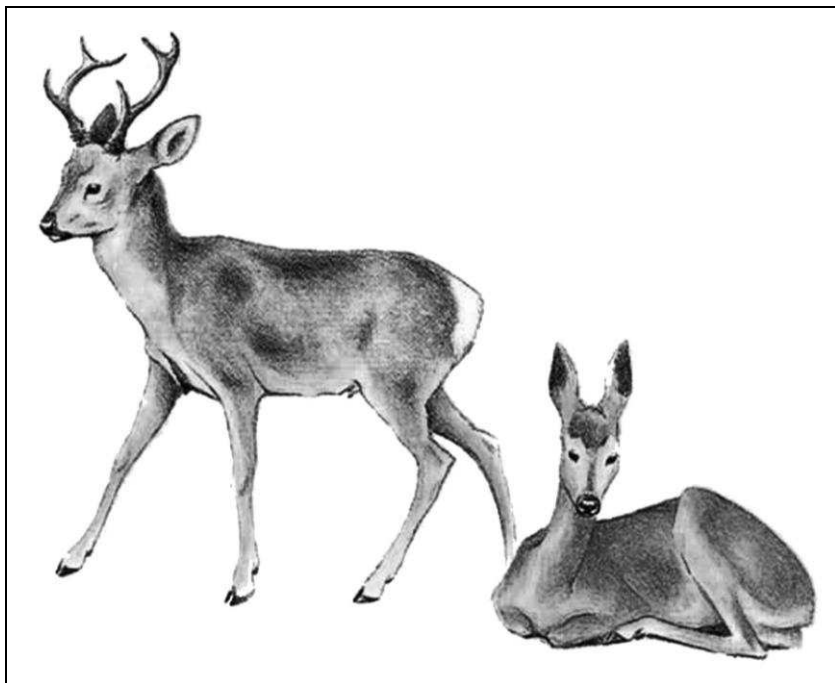

Рис. 54. Косуля сибирская, *Capreolus pygargus*
(Сибирская косуля, [электронный ресурс]).

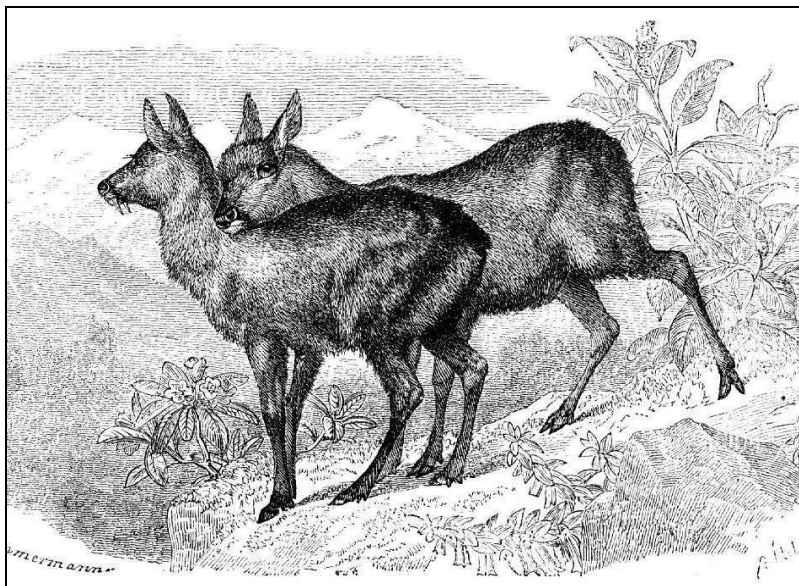

Рис. 55. Кабарга, *Moschus moschiferus*
(Семейство оленевые, [электронный ресурс]).

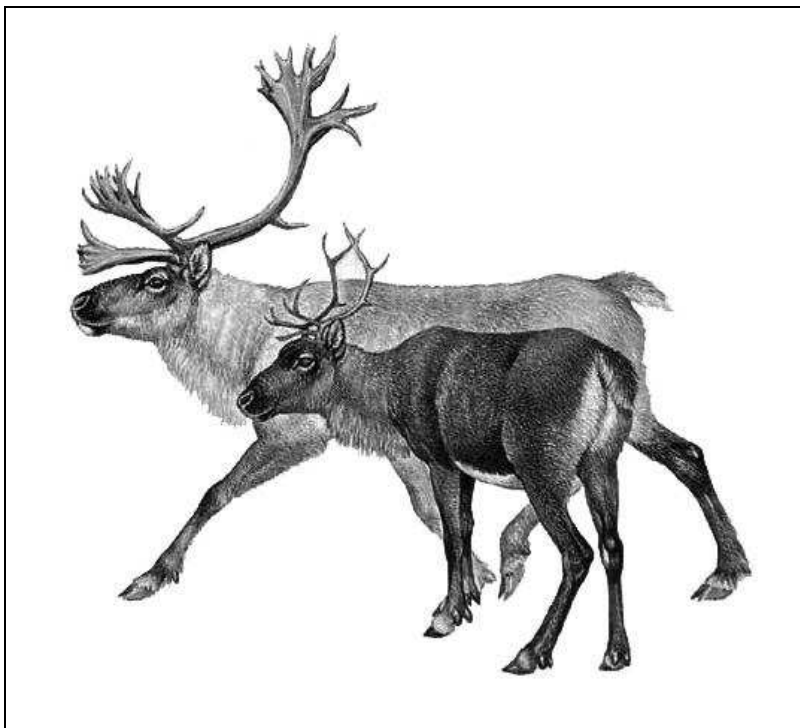

Рис. 56. Северный олень, *Rangifer tarandus*
(Северный олень, [электронный ресурс]).

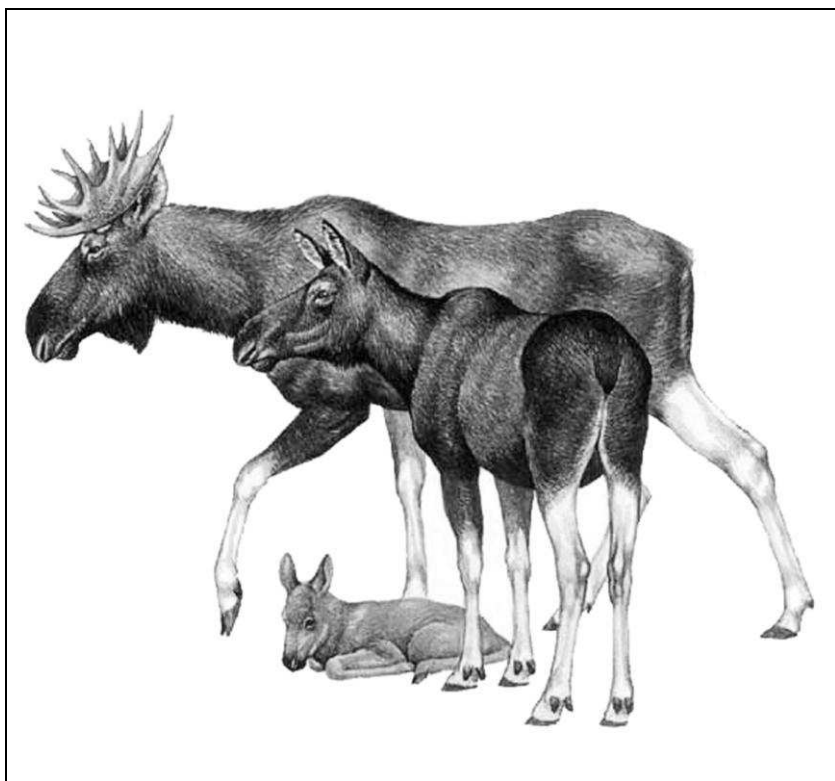

Рис. 57. Лось, *Alces alces* (Лось, [электронный ресурс]).

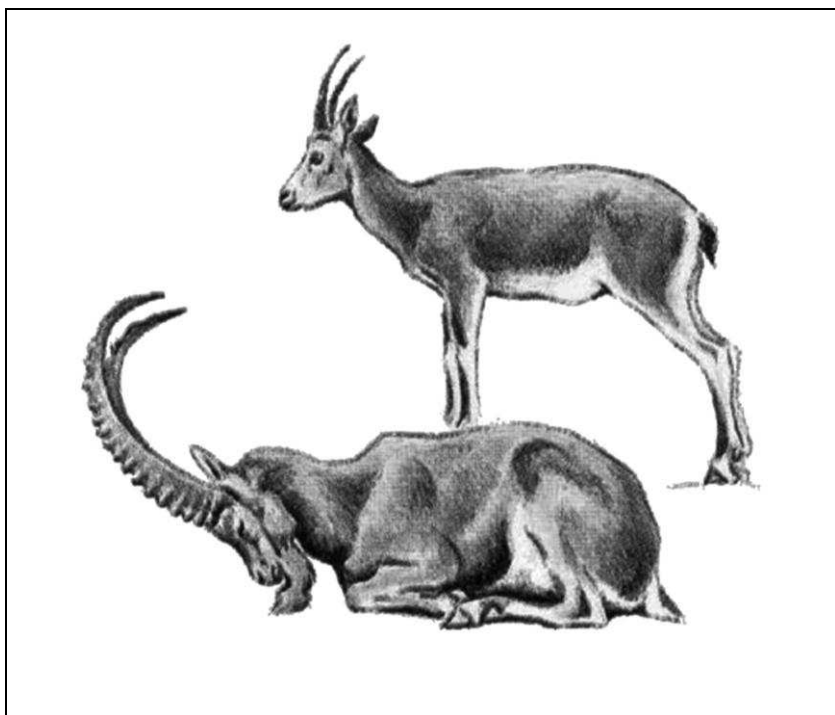

Рис. 58. Сибирский горный козел, *Capra sibirica*
(Сибирский козел, [электронный ресурс]).

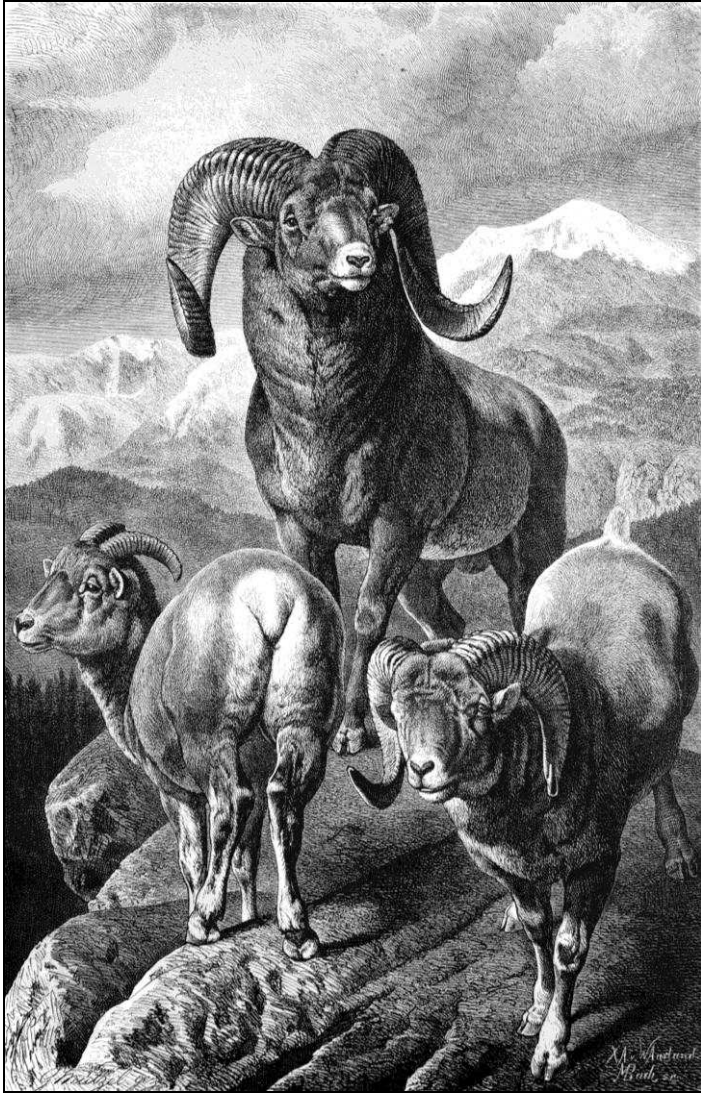

Рис. 59. Алтайский горный баран, *Ovis ammon ammon*
(Алтайский горный баран, [электронный ресурс]).

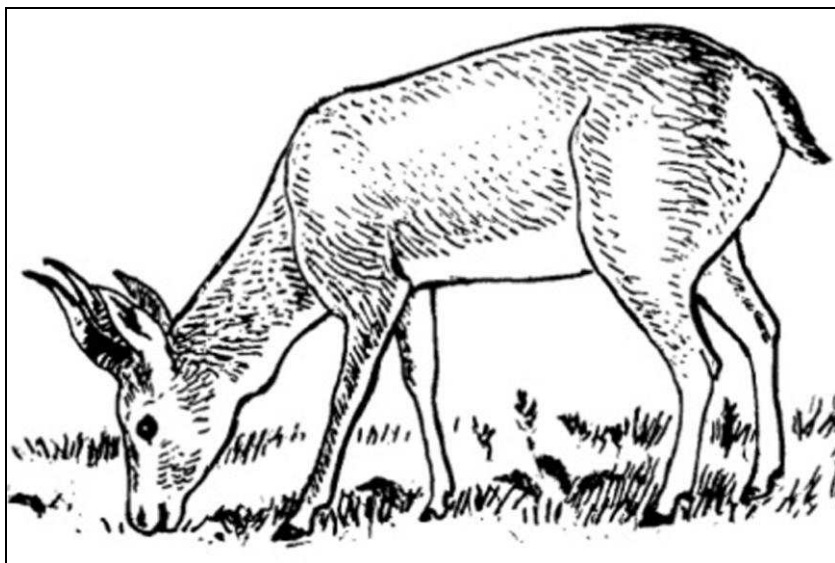

Рис. 60. Дзерен, *Procapra gutturosa*
(Дзерен, [электронный ресурс]).

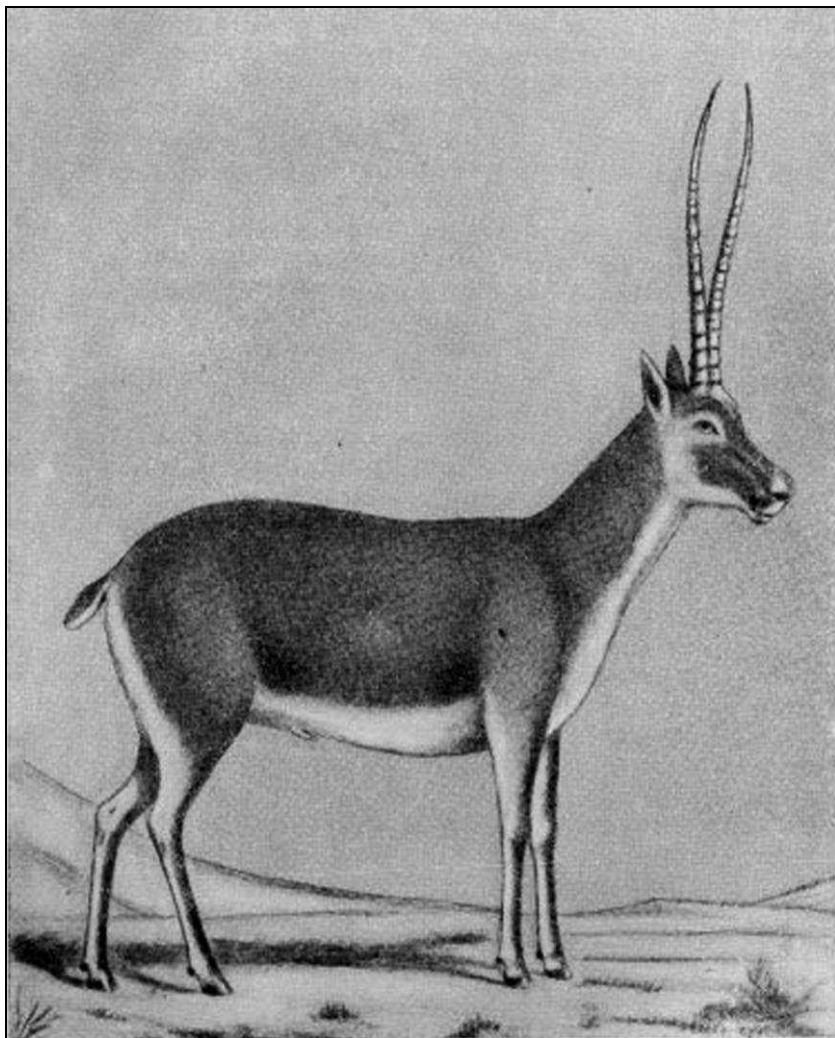

Рис. 61. Антилопа оронго, *Pantholops hodgsonii*
(Пржевальский Н.М., 1883).

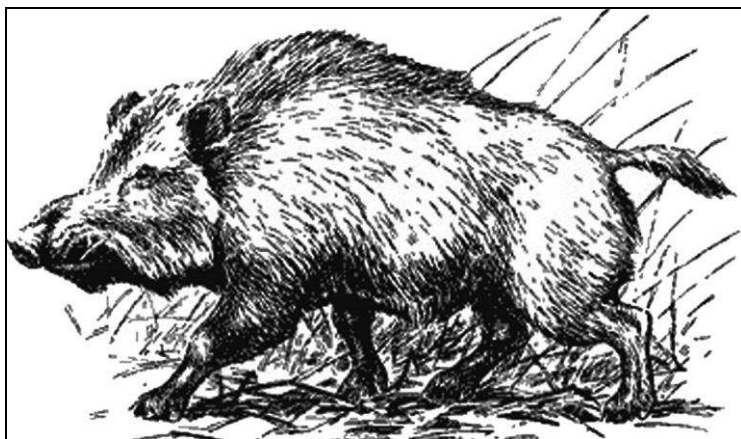

Рис. 62. Кабан, *Sus scrofa*
(Кабан, [электронный ресурс]).

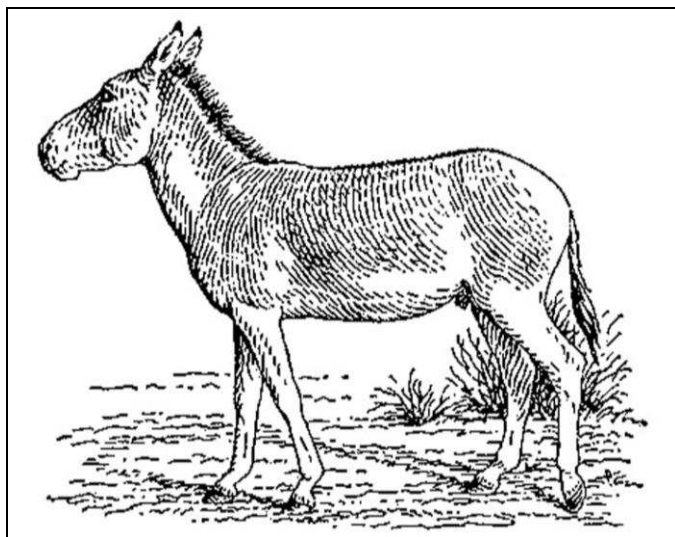

Рис. 63. Кулан, *Equus hemionus*
(Кулан, [электронный ресурс]).

Рис. 64. Белка обыкновенная, *Sciurus vulgaris*
(Обыкновенная белка, [электронный ресурс]).

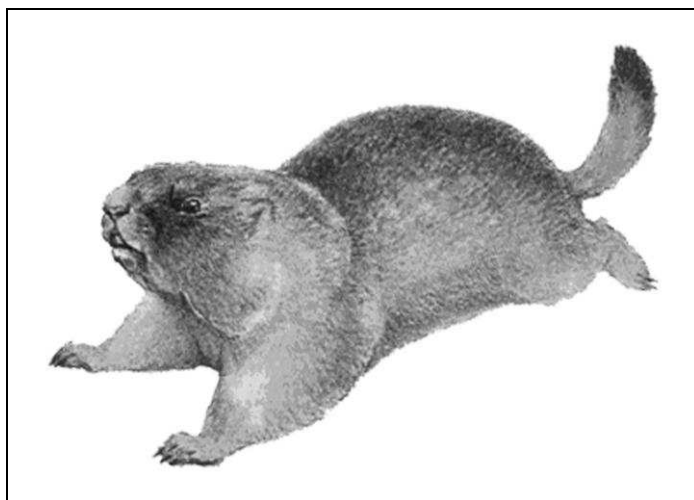

Рис. 65. Сурок алтайский, *Marmota baibacina*
(Серый сурок, [электронный ресурс]).

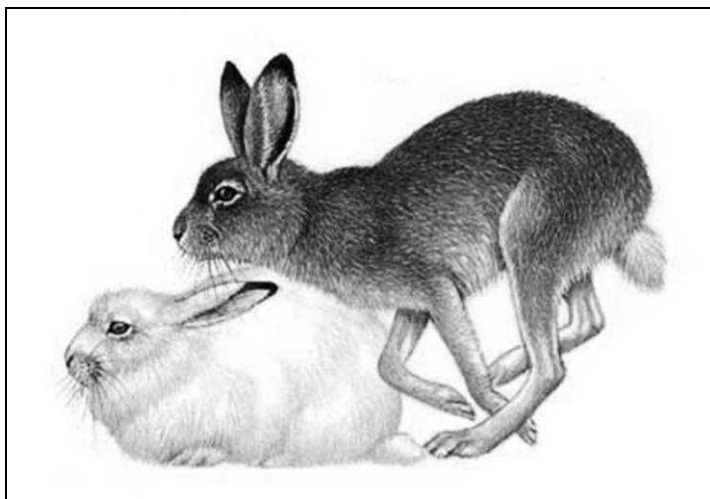

Рис. 66. Заяц-беляк, *Lepus timidus*
(Заяц-беляк, [электронный ресурс]).

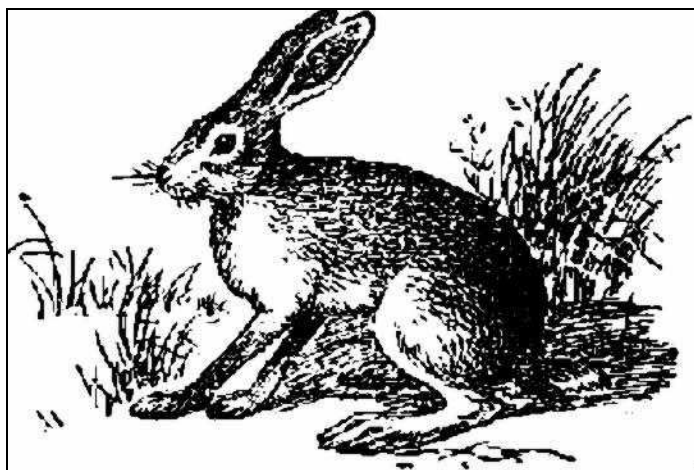

Рис. 67. Заяц-толай, *Lepus tolai*
(Охота на зайца, [электронный ресурс]).

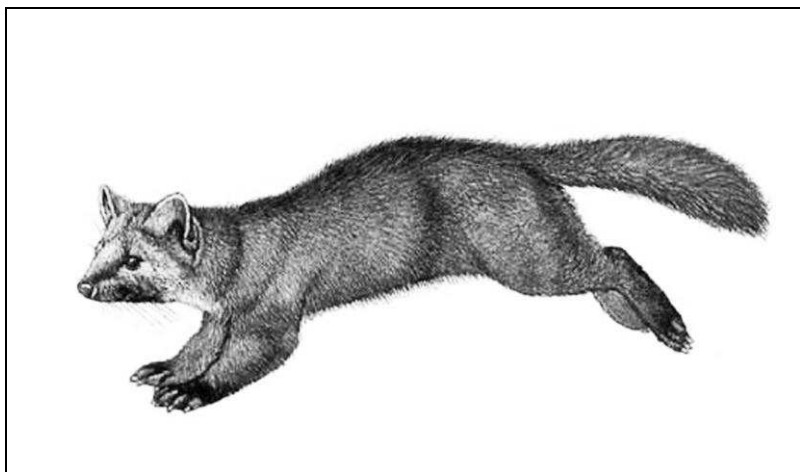

Рис. 68. Соболь, *Martes zibellina*
(Соболь, [электронный ресурс]).

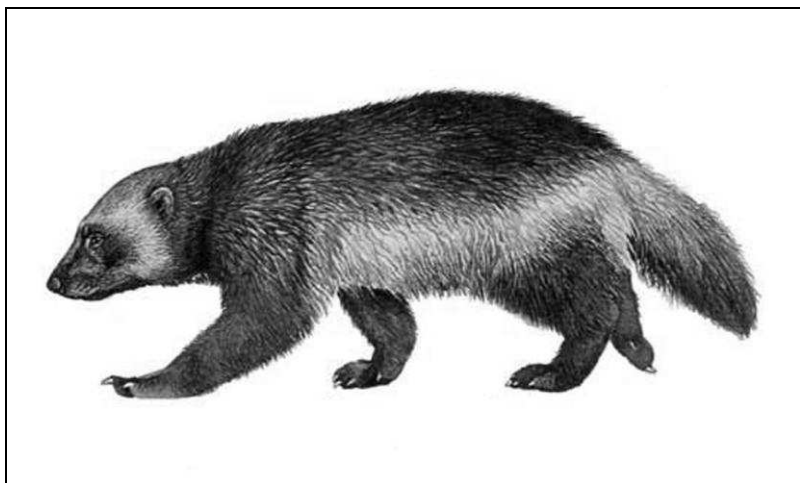

Рис. 69. Росомаха, *Gulo gulo*
(Росомаха, [электронный ресурс]).

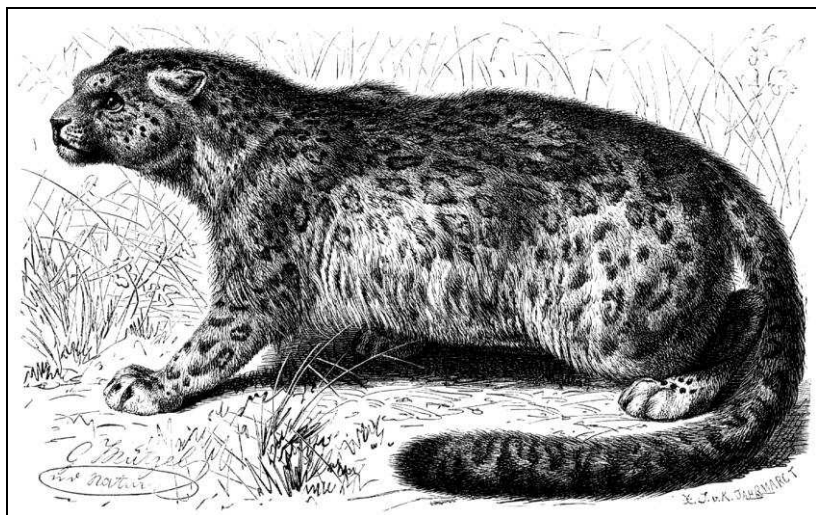

Рис. 70. Снежный барс или ирбис, *Uncia uncia*
(Семейство кошачьи, [электронный ресурс]).

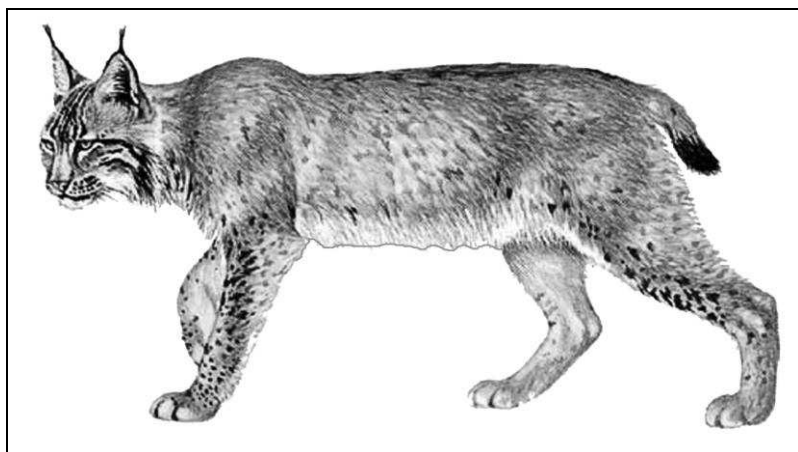

Рис. 71. Рысь обыкновенная, *Lynx lynx*
(Рысь, [электронный ресурс]).

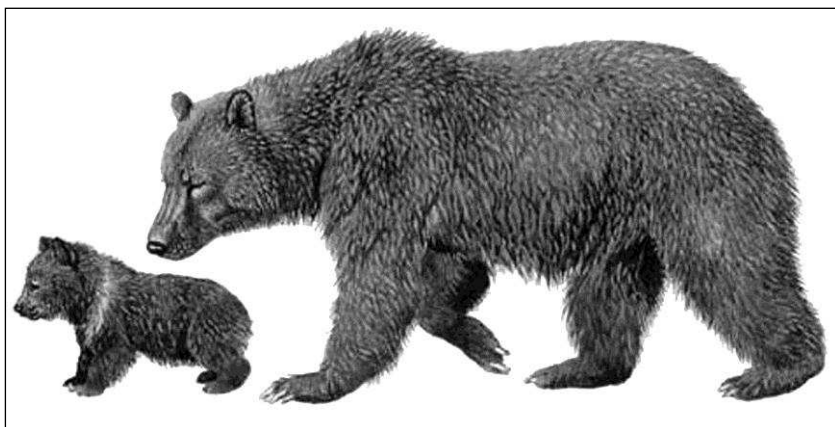

Рис. 72. Бурый медведь, *Ursus arctos*
(Бурый медведь, [электронный ресурс]).

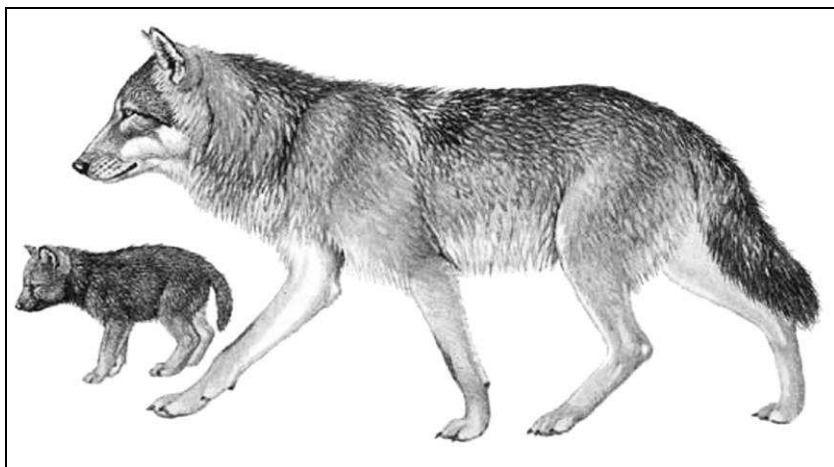

Рис. 73. Волк серый, *Canis lupus*
(Волк, [электронный ресурс]).

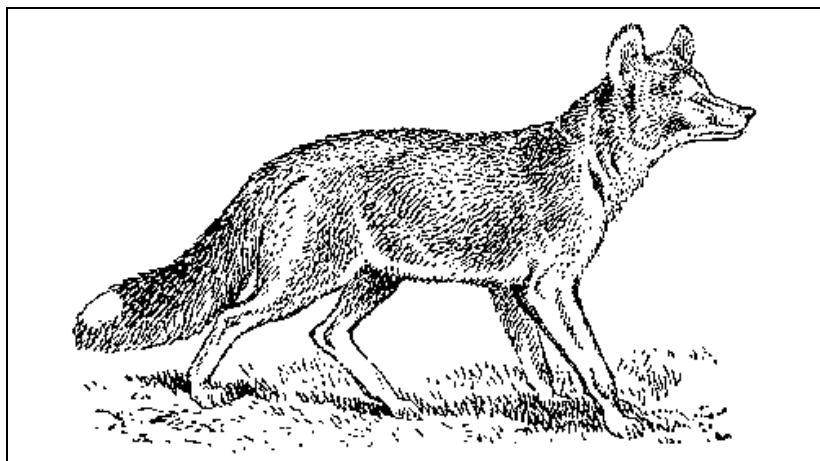

Рис. 74. Красный волк, *Canis alpinus*
(Красный волк, [электронный ресурс]).

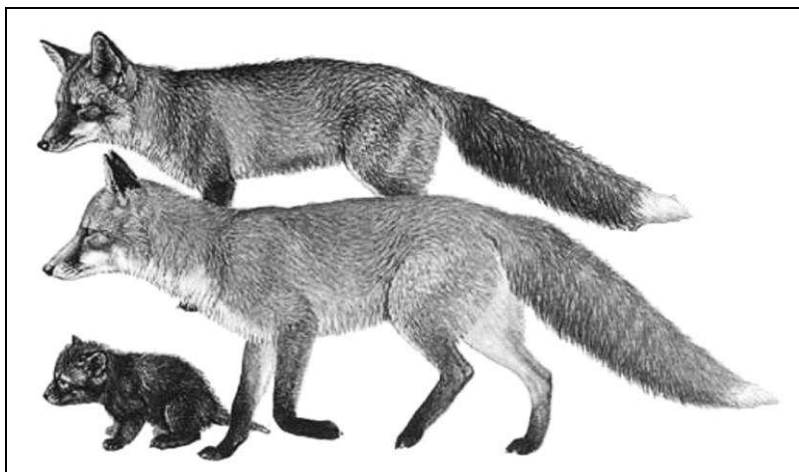

Рис. 75. Лисица обыкновенная, *Vulpes vulpes*
(Обыкновенная лисица, [электронный ресурс]).

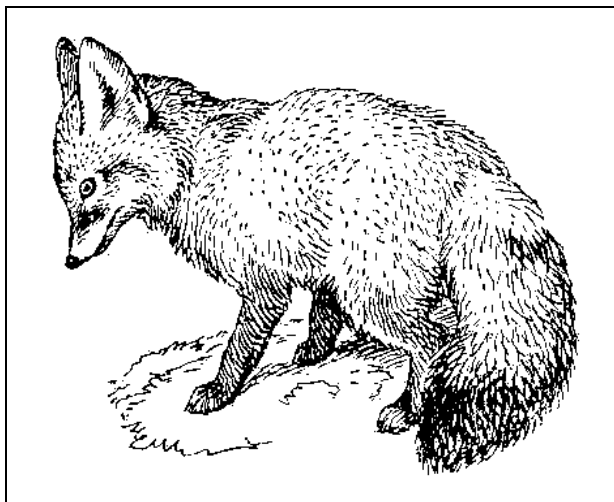

Рис. 76. Корсак, *Vulpes corsac*
(Корсак, [электронный ресурс]).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Изучение охотничьей деятельности древнего и средневекового населения Алтая	9
1.1. Обзор истории изучения памятников конца I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.	9
1.2. Охотничья деятельность древнего и средневекового населения Алтая в трудах исследователей.....	24
Глава II. Источники по изучению охоты населения Алтая в I тыс. н.э.	50
2.1. Археологические источники.....	50
2.2. Изобразительные источники.....	85
2.3. Другие источники.....	101
Глава III. Охотничья деятельность как часть системы жизнеобеспечения населения Алтая в I тыс. н.э.	108
3.1. Природные условия и биологический фон Алтая.....	109
3.2. Формы, приемы и техника охоты	117
3.3. Хозяйственная роль охоты	130
3.4. Мировоззренческий, социальный и военный аспекты охоты	144
Заключение	158
Summary	170
Источники и литература	177
Список сокращений	223
Приложения	225

Научное издание

**Василий Иванович Соенов
Никита Александрович Константинов**

**ОХОТНИЧЬЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В I ТЫС. Н.Э.**

Монография

Подписано в печать 28.10.2014. Формат 60*84/16.
Усл.печ.л – 19,38. Заказ № 166. Тираж 200 экз.

РИО Горно-Алтайского государственного университета.
649000, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, д.1

Отпечатано полиграфическим отделом
Горно-Алтайского государственного университета
649000, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, д.1